

Новомученица Анна Зерцалова Подвижник веры и благочестия

*Воспоминания
о протоиерее Валентине Амфитеатрове*

Содержание

От издателей.
Протоиерей Валентин Амфитеатров и
составительница его жизнеописания Анна
Зерцалова
Предисловие составителя

Часть I

Духовная деятельность батюшки и насаждение
им в людях основ веры и нравственности
Приезд батюшки в Москву и служение в церкви
"Нечаянной Радости"
Переход батюшки в Архангельский собор и
служение в нем
Кипучая пастырская деятельность батюшки на
благо и спасение людей
Таинства Покаяния и Причащения и раскрытие
батюшкой их великого значения для людей
Самоотверженность пастыря и его жертва для
спасения людей

Пастырское попечение батюшки о ближних за последние шесть лет его жизни
Внешнее злобное недоброжелательство как неизбежный удел праведников
Духовная тактика батюшки при борьбе со злом
Кончина батюшки и дивное небесное знамение как ореол его пастырского служения

Часть II

Отдельные случаи прозорливости пастыря
Молитвенная деятельность батюшки и ее благотворные действия

Часть III

Чудеса и исцеления пастыря после его блаженной кончины

СЕСТРИЧЕСТВО ВО ИМЯ
ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ
МОСКВА 2002
Интернет-издание Вэб-Центра "Омега"
Москва · 2002

Протоиерей Валентин Амфитеатров и составительница его жизнеописания Анна Зерцалова[*]

Священнический труд тяжел, очень тяжел, если исполняется по чину и по совести, но он безмерно легок, когда священнику приходится видеть добрые плоды посеянного им на ниве любви...

Протоиерей Валентин Амфитеатров

Отец Валентин родился 1 сентября 1836 г. в селе Высоком Кромского уезда Орловской губернии в благочестивой семье священника Николая Амфитеатрова и его супруги Анны.

Одиннадцати лет он поступил в Орловскую Духовную семинарию, а в 1853 г., согласно прошению, был переведен в Киевскую. Сохранилось свидетельство о ее окончании, которое характеризует поведение юноши как "весьма хорошее", способности как "очень хорошие", а прилежание как "усердное".

В 1854 г. будущий пастырь поступил в Московскую Духовную академию, после окончания которой в июне 1858 г. хотел остаться в Москве, чтобы иметь возможность регулярно пользоваться библиотеками. Однако из-за отсутствия преподавательских мест в московских духовных школах он был определен в Калугу инспектором и учителем высшего отделения Духовного училища. Из писем калужского периода видно, что юноша болезненно переживал "невозможность иметь книги для чтения с целью образования себя".

В 1858 г. молодой выпускник Академии удостоился степени кандидата богословия, а в следующем году был переведен для преподавания всеобщей и русской истории и греческого языка в Калужскую семинарию, где за усердное исполнение своих обязанностей получил особую благодарность от правления.

В 1860 г. Валентин Николаевич женился на дочери протоиерея Иоанна Филипповича Чупрова, Елизавете Ивановне. По воспоминаниям ее брата, известного ученого и общественного деятеля Александра Ивановича Чупрова, они с сестрой росли "в прекрасной семье... среди разумных забот родителей и простой, но достаточной обстановки маленького города". Брак отца Валентина был счастливым. Через два года у супругов родился сын Александр, а позже три дочери - Александра, Любовь и Вера. Батюшка писал шурина: "Скажу искренне, что семейная моя жизнь дает мне столько наслаждений, что в них исчезает вся горечь жизни".

15 сентября 1860 г. архиепископ Тульский Алексей (Ржаницын) рукоположил Валентина Амфитеатрова во пресвитера Благовещенского храма города Калуги. Через четыре месяца ему разрешили уволиться с должности учителя семинарии. О служении его в те годы сохранилось мало сведений. В 1862 г. отец Валентин исправлял обязанности члена Консистории, за что получил благодарность с внесением оной в послужной список. В следующем году он был награжден набедренником "по вниманию к его службе, паче же к трудам по Консистории, понесенным во время присутствования в оной".

5 августа 1864 г. молодой священник был определен на протоиерейскую должность в Лихвинский Троицкий собор и одновременно назначен благочинным и цензором проповедей. Еще через месяц на него возложили обязанности законоучителя Лихвинского уездного училища. Успешные труды на ниве преподавания Закона Божия были отмечены особой благодарностью попечителя Московского учебного округа.

Вероятно, вскоре после судебной реформы 1864 г. священника Валентина Амфитеатрова избрали на должность судьи, в связи с чем его отец писал: "Благодарю Вас за добрую весточку о Вашем возрастании: Валентин Николаевич - судья. Лестно для молодого человека, но вместе и тяжело. Посли тебе Господь мудрость Даниила; может быть, предстанет пред тобой на суд не одна Сусанна, предстанут и иудейские старшины. Твои уста и твое перо изрекут Суд. Дай Бог оправдать Сусанну, оправдать невинность, оправдать сироту и вдовицу, утешить бедного и посрамить виновного - крепкого. Это постоянная наша молитва; не посрами ты себя на судейском твоём [месте] и пред очами Всеведущего Бога".

---

[*] В книге использованы материалы, предоставленные священником Афанасием Гумеровым, Еленой Валерьевной Бочаровой и Валентиной Валентиновной Коломенской, а также фотоархивом Государственного музея архитектуры им. А. В. Щусева.

В 1866 г. отец Валентин был "за отлично усердную службу, при отлично хорошем поведении"

Всемиловейше награжден бархатною фиолетовою скуфиею, и епископ Калужский Григорий (Миткевич) возвел его в сан протоиерея. В 1871 г. по Промыслу Божию молодой священник переехал в Москву. Это было исполнением его давнего желания - столица притягивала отца Валентина своими святынями, богатыми духовными традициями и книжными собраниями. По приглашению Московского губернского земства он занял должность законоучителя в учительской семинарии, а вскоре был перемещен на ту же должность в только что открывшееся казенное реальное училище.

Преподавательская деятельность продолжалась до января 1881 г., и результатом ее стали книги "Библейская история Ветхого и Нового Завета" (ч. 1. М., 1875) и "Очерки из библейской истории Ветхого Завета" (ч. 1. М., 1895; т. 2. Юрьев, 1910). Автор стремился "возбудить по возможности желанный интерес к правильному и согласному с духом Православной христианской Церкви изучению Закона Божия в семье и школе". В этих книгах "система изложения соответствует порядку библейского текста: глава за главой передается в общедоступном рассказе существенное содержание священных книг, причем поясняются более важные места и извлекаются, где возможно, догматические и нравственные выводы".

По ходатайству святителя Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского, в 1874 г. отец Валентин был назначен в храм Святых равноапостольных Константина и Елены, находившийся в юго-восточном углу Кремля, в Нижнем саду. Кремлевские Константино-Еленинские ворота упоминаются в летописях уже в период правления благоверного князя Димитрия Донского, что указывает на существование в то время одноименной церкви. В 1651 г. боярин Илья Милославский на месте деревянной церкви построил каменную, которая простояла до 1928 г. Она считалась приходской, но, поскольку поблизости жилых домов не было, практически пустовала.

С назначением отца Валентина при Константино-Еленинском храме (его называли еще "Нечаянная Радость", по чтимому образу Матери Божией) постепенно образовался один из самых известных и многочисленных приходов в Москве. Евгений Поселянин писал: "У подошвы Кремлевского холма, со стороны Москвы-реки, у древней стены, окружающей Кремль, стоят два храма. Темно там, сыровато на этой широкой дороге, оттененной всегда стеной и холмом, и храмы были мало посещаемы. Отец Валентин доказал, что ревностный священник может привлечь молящихся и в покинутые, бесприходные храмы. Даже по будням в его храме бывало тесновато. Народ стекался к нему не только чтобы помолиться, но и чтоб открыть ему душу, излить накопившееся горе, спросить совета". На протяжении восемнадцати лет самоотверженный пастырь ежедневно служил Божественную литургию, после которой "с чрезвычайной "истовостью" совершал молебствия и панихиды, тех и других, по желанию пришедших, по нескольку", а затем беседовал с обремененными скорбями людьми.

Отец Валентин был великим молитвенником. Уже первая встреча с ним приносила заметное облегчение недугующему душой и подавленному скорбями человеку. А затем, приняв в свое духовное стадо, батюшка вел его ко спасению, как бы долог и труден ни был путь. В своем пастырском служении отец Валентин опирался на традиции православного старчества. Стараясь воспитать в прихожанах прежде всего внутреннее благочестие, он побуждал их обращать особое внимание на сокровенную жизнь души. "Нужно сторожить и запирает сердце и прислушиваться, как бы не ворвался враг (мысли нехорошие),- говорил он своей духовной дочери.- Как от вора оберегаются, так нужно и нам стеречь свое сердце... Нужно все рассматривать, вслушиваться, к чему ведет, скорее отгонять. Чем? Молитвою со слезами, покаянием, причащением... Нужно заповеди иметь в сердце; каждую неделю просматривать совесть, по заповедям ли живешь".

Исповедь и Причащение Святых Христовых Таин отец Валентин считал главными основаниями духовной жизни. Он учил, что исповедь ни в коем случае не должна быть формальной. Покаяться - значит изменить свои мысли, чувства, желания и в первую очередь действия. "Кто хочет, чтобы в нем были мир, благодать, радость, а также чтобы и между ближними его господствовали мир, дружба, любовь, тот должен покаяться, то есть совсем измениться, а главное, он должен искать утешения в Господе Спасителе, Который всегда готов помочь кающемуся".

О таинстве Святого Причащения отец Валентин говорил, что "этот дар очень велик, и нет в целом мире другого, к которому можно его приравнять... достойное принятие Святых Таин соединяет человека с Богом навеки, навсегда. Такой человек в себе самом носит благодать Божию. Он так же близок к Господу, как зеленеющая ветвь с плодоносным деревом, на котором растет". Своих духовных чад батюшка настраивал на частое Причащение: "Я очень люблю кто часто причащается - это мои друзья". Но при этом от причастников требовалось серьезное приготовление. Признавая необходимым исполнение уставных требований, основное внимание он обращал на внутреннее состояние говеющих: "Господа принимать надо со смирением и кротостью и с радостью. Как Господь сказал: "На кого воззрю?" Потом Господь сказал по Воскресении: "Радуйтесь". После причащения надо радоваться, не надо никакого сокрушения".

В центр отношений духовника и его чад пастырь ставил обязательное послушание. Подчеркивая

значение этой добродетели, он говорил: "Без послушания человек что дикий конь без узды: он красив и силен, но страшен и бесполезен... Что может быть приятнее юноши, когда он идет туда, куда ведет его опытная рука отца? Что может быть отраднее, когда видим дочь, слушающую со всем вниманием дружеский совет своей матери, знающей свет и тени этого мира? Как счастлива та семья, где живут люди, усвоившие себе послушание: старшие навывали повиноваться закону Божию, закону своего государства, а младшие идут по стопам старших!"

Действенным средством воспитания прихожан были проповеди. Многие находили в них ответы на свои вопросы и недоумения. Сам батюшка свои проповеди не публиковал, а после его кончины дочери его Любовь и Вера издали по сохранившимся рукописям несколько сборников: "Духовные беседы, произнесенные в Московском Архангельском соборе в 1896-1902 годах" (М., 1910), "Воскресные Евангелия. Сборник проповедей" (М., 1910), "Великий пост. Духовные поучения" (М., 1910; переизданы: М., 1997) и "Духовные поучения" (М., 1911). Духовная дочь батюшки Анна Ивановна Зерцалова по записям, которые она вела в продолжение многих лет, составила книгу "Духовные поучения. Проповеди протоиерея Валентина Николаевича Амфитеатрова, бывшего настоятеля московского придворного Архангельского собора, записанные с его слов одной из его духовных дочерей" (М., 1916; переизданы как "Проповеди": М., 1995). Всего до нас дошло 185 проповедей, если не считать 14 кратких поучений причастникам.

За время своего служения в Константино-Еленинской церкви отец Валентин был награжден камилавкой в апреле 1875-го и наперсным крестом - в апреле 1879 г.

В 1892 г. епархиальное начальство решило перевести его в другой храм, что причинило пастырю и его духовным чадам глубокую скорбь. В письме к А. Ф. Кони батюшка писал: "Со мною поступили как с работником, который нашел болото, осушил его, очистил, культивировал и начал видеть результаты своих восемнадцатилетних забот, и вдруг у этого работника взяли бы его ниву и прогнали с нее. И это с грубостью жестокой, в присутствии посторонних, с резкими жестами. До сих пор слышатся мне эти слова, произнесенные звучным голосом и в повелительном тоне, обычном в обращении с уличными нарушителями порядка. Но Ваше письмо закалило меня против огня. Теперь буду искать дверей для своего выхода тверже и спокойнее, но несомненно, что ближайшей дверью будет вечность". Пережитое сильно ослабило здоровье батюшки, он стал чаще болеть...

Отца Валентина определили настоятелем в Кремлевский собор Архангела Михаила и возложили на него обязанности благочинного. Штат собора состоял из трех священников, служение было чередным. Новый настоятель стал строго следить за исполнением церковного Устава и пресекать превратившиеся уже в привычку проявления невнимательности и небрежности служащих. Начался ропот, в результате которого отец Валентин едва не расстался с собором. Но в 1895 г. храм был объявлен придворным, и это избавило настоятеля от многих неприятностей.

Вместе с пастырем на новое место перешли его многочисленные духовные чада, и он по-прежнему много времени и сил отдавал их окормлению. Сугубое попечение батюшка имел о бедных, безработных, сиротах и вдовах; одним помогал из своих личных средств, другим - через духовных чад и почитателей, среди которых были богатые купцы, судьи, адвокаты, влиятельные служащие различных учреждений. Они сами просили воспользоваться их возможностями для служения ближним.

В. Н. Зверев, чье детство и молодость прошли в общении с батюшкой, писал: "С течением времени было с совершенной точностью отмечено, что отцу Валентину присущ дар провидения, прозорливости. Он необыкновенно легко понимал душевное состояние к нему обращавшихся, часто затруднявшихся даже высказаться, и, к смущению таковых, часто отвечал на даже еще не поставленные вопросы. По своей природной деликатности отец Валентин старался, чтобы это было возможно менее заметно, но у всех с ним соприкасавшихся составлялось убеждение, что от отца Валентина и его пронизательности ничего утаенным остаться не может".

Со временем батюшка все чаще и чаще стал болеть: ноги у него распухали, было трудно стоять; усиливался недуг сердца. "Вот беда моих дней: захворал. Реже стал служить, потому что ноги болят", - писал он в 1895 г. В декабре 1901 г. отец Валентин в сопровождении дочери Веры ездил в Санкт-Петербург с намерением уволиться со службы в соборе и получить какой-нибудь маленький храм, где бы он мог время от времени служить, но полная потеря зрения в марте 1902 г. сделала для него дальнейшее служение невозможным. Однако попечение батюшки о своих многочисленных духовных чадах продолжалось. В письме к А. И. Чупрову Вера Валентиновна писала: "Радость и развлечение составляют молитвенные собрания, на которые он собирает своих духовных детей, и народу к нему ходит так же много, как и прежде - целый день".

Среди посетивших больного пастыря был и Николай Беляев, будущий Оптинский старец Никон, в 2000 г. прославленный как преподобноисповедник. Дед его, Лаврентий Иванович Швецов, 33 года служил старостой храма Святых равноапостольных Константина и Елены и был желанным гостем в доме Амфитеатровых. Прощаясь с отцом Валентином, Николай произнес: "Батюшка, благословите

меня,- и мысленно добавил:- на монашество". Пастырь медленно, широко осенил его крестным знаменем со словами: "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа" - и поцеловал в лоб, что юноша воспринял как благословение на монашескую жизнь.

Хотя отца Валентина окружали любящие его люди и спасительный для многих пастырский труд его продолжался, в первое время он тяжело переживал потерю зрения. Мучительно было для него лишиться возможности читать. Всю сознательную жизнь батюшка имел неутолимую жажду знаний. Владея древними и многими новыми языками, среди нескончаемых пастырских трудов он непостижимым образом находил возможность перечитывать книги из своей обширной библиотеки, которую собирал десятилетиями. Теперь ему читали дочери.

Чтобы отец имел больше покоя и жил на свежем воздухе, они перевезли его в новопостроенный дом в Очакове. Но здоровье отца Валентина продолжало ухудшаться, к старым болезням прибавились новые: головные боли, бессонница. "Однако, приняв кротко обрушившиеся на него испытания, батюшка не потерял ни ясности духа, ни присущей ему добродушной веселости",- писал В. Н. Зверев. Прощаясь во время последней встречи, батюшка сказал ему: "Всегда благодарите Бога... За все, за все... Не огорчайтесь выше меры в несчастии".

Пастырь слабел с каждым месяцем. "У папы сильно болит нога,- писала Любовь Валентиновна в 1906 г.- ежедневная бессонница, ежедневная головная боль, частые приливы, когда он делается опухлым и красным, как сукно. Возобновились сердечные припадки". 19 июля 1908 г. отец Валентин по крайней слабости не смог принимать посетителей, а в воскресенье 20 июля (2 августа по новому стилю), в день святого пророка Илии, около 11 часов пред полуднем его праведная душа отошла ко Господу.

23 июля в храме Святителя Николая в Щепках, куда накануне был поставлен гроб с телом почившего, Преосвященнейший Анастасий, епископ Серпуховской, в сослужении многочисленного духовенства совершил заупокойную литургию, а сразу же после обедни епископы Трифон и Анастасий в сослужении настоятеля Антиохийского подворья архимандрита Игнатия и прочего духовенства совершили отпевание. Молящихся было так много, что не только храм и обширный церковный двор, но и прилегающие переулки были заполнены народом. На пути следования похоронной процессии, направлявшейся с хоругвями и запрестольными иконами на Ваганьковское кладбище, в храмах звонили в колокола, духовенство выходило совершать литии. Похоронили отца Валентина, согласно его просьбе, рядом с супругой, Елизаветой Ивановной, скончавшейся в 1880 г.

В. Н. Зверев вспоминал: "В десятых годах текущего столетия отец Валентин скончался. Смерть его воспоследовала летом, помнится, во время жатвы. Большинство его знавших тот же час покинули свои дела и заботы и срочно устремились в Москву, чтобы отдать последний долг любимому пастырю. В поездах, шедших тогда в Москву, со всех концов России ехало с той же целью многое множество народу. Боголюбивые Москва и провинция достойно проводили прах отца Валентина к месту его последнего упокоения.

На могиле почившего был сооружен памятник в виде большой плиты с соответствующей надписью. Долгие годы могила батюшки привлекала к себе несчетную семью его духовных детей, служа местом общения осиротевшей паствы".

Незадолго до смерти отец Валентин говорил своим духовным чадам: "Когда умру, идите на мою могилку и поведайте мне все, что вам нужно, и я услышу вас, и не успеете еще вы отойти от нее, как я все исполню и дам вам. Если кто и за версту от моей могилки обратится ко мне, то и тому я отзовусь".

Господь отметил могилу праведника особым знаменем. "Навещавшими ее людьми,- свидетельствует В. Н. Зверев,- было замечено, что с наступлением холодов остывшая за ночь гранитная плита, покрываясь утром инеем, воспроизводила на своей поверхности лик почившего отца Валентина. Изображение проступало необыкновенно ясно. Зимой на очищенной от снега плите это изображение было особенно красивым. На голубовато-матовом фоне морозных узоров лик отца Валентина выделялся отчетливо, сверкая на солнце блеском своих причудливых переливов. Под действием тепла изображение постепенно исчезало, неизменно восстанавливаясь при соответственной температуре, и служило великим утешением всем имевшим возможность убедиться собственными глазами в проявлении благодати Божией".

Никогда не иссякал поток людей к могиле пастыря-молитвенника. И после своей кончины пастырь продолжал помогать всем прибегающим к нему. С утра до вечера, сменяя друг друга, здесь служили панихиды. Дни памяти батюшки отмечались торжественно, неоднократно заупокойные моления совершались архиереями.

Безбожная власть разрушила могилу праведника; в 30-е гг. ее зацементировали, чтобы люди не могли брать отсюда землю. Позже было запрещено даже останавливаться у могильной ограды, где "для порядка" дежурил специальный человек

Духовная дочь отца Валентина Наталья Ивановна Ширяева смогла сохранить могильный крест

батюшки, который впоследствии стоял на ее могиле у храма пророка Божия Илии в Черкизове, и его чтили как святыню. В 1996 г. после реставрации крест был помещен в московском храме Благовещения Пресвятой Богородицы, что в Петровском парке.

В послевоенное время на том месте, где похоронен отец Валентин, было устроено братское кладбище, что предсказал сам батюшка, завещавший вырыть для него могилу поглубже. Но поток людей, идущих помолиться туда, где покоится благодатный пастырь, не иссякает и в наши дни. На месте его погребения установлен памятный крест. Множество людей собирается на Ваганьковском кладбище почтить отца Валентина в дни его памяти.

Составительница книги "Подвижник веры и благочестия" Анна Ивановна Зерцалова родилась в Москве 31 января 1870 г. (по другим сведениям, 1873 г.). Отец ее имел дворянское звание и трудился в должности губернского секретаря. Родители Анны держались строгих нравственных правил, но Православие воспринимали преимущественно с обрядовой стороны, поэтому начатки религиозного воспитания, которые они дали своей дочери, были непрочными. "Малое чувство веры, которое тлелось во мне слабым огоньком, быстро стало ослабевать и гаситься тлетворным дыханием пагубного влияния маловерия, индифферентизма. Научные идеи, приправленные веянием ложных принципов, плотно разместились в моей голове и стали распорядиться там полновластными хозяйками, отвлекая меня от всего истинного, духовного, прекрасного",- вспоминала она.

В 16 лет девушка окончила гимназию, получив хороший аттестат на звание домашней учительницы. В течение нескольких лет она ходила в храм, изредка говела, но все это не было согрето теплотой сердца. Жизнь ее шла в обычном русле мирских занятий - общение со знакомыми, театр, чтение светских книг, а затем и занятия философией. Душа томилась и ни в чем не могла найти утешения, пока в ней не совершился переворот: "Родители, желая дополнить мое образование, в ущерб своим силам и здоровью предоставили мне уроки музыки, они хотели возрастить меня светской благодетельницей, но они забыли, что бессмертная душа человека тоже требует пищи и удовлетворения, они забыли, что только Господь - единственная ее радость и утешение, а без Него никакие отрады, никакие увеселения не могут удовлетворить сердечной жажды. Господь - единственное наше счастье. Один только Он может усладить наши мысли и желания; без Него - всюду скука и томление... Бессмертный дух рвался наружу, он тяготился однообразием и бесцельностью жизни, он требовал пищи и удовлетворения... Наконец нашел и возрадовался: он увидел светлый маяк, который ярко, величественно засветил ему среди бушующих волн грозного житейского моря, он нашел пастыря, который все раскрыл ему: и духовное небо с его непостижимыми красотами, и Всеблагость Творца-Промыслителя, и духовную красоту созданий Божиих, и пользу труда и деятельности".

Духовное возрождение девушки, внутреннее воцерковление совершилось в кремлевском храме Равноапостольных Константина и Елены, настоятелем которого был чтимый всей православной Москвой протоиерей Валентин Амфитеатров. Придя сюда по совету своей гимназической подруги, она сначала увидела обыкновенного священника средних лет, и только. Когда закончилось всенощное бдение, она подошла к нему и попросила благословить ее на поездку. Анна Ивановна так описывает дальнейшее: "Я вас в первый раз вижу. Что я вам могу сказать?" - слышались строгие отрывистые слова, которые все-таки невольно поразили меня, показав мне, сколь зорок был пастырь, который среди своих многочисленных богомольцев мог сразу заметить лицо, вновь пришедшее к нему". Вскоре новая прихожанка почувствовала глубокую перемену внутри себя: "Сердце усиленно забилося, порывалось любить, жить, дышать и действовать. Уже не томительные однообразные дни и часы давили своей монотонностью, но живая кипучая жизнь, труд и деятельность широко раскрыли мне свои объятия и радостно призывали к себе".

Ей предложили место учительницы в одном семействе из Ярославской губернии. Подойдя к батюшке за благословением на эту поездку, она услышала от него предостережение: "Место, место; посадили цветочек в горшочек, ухаживали за ним, поливали его, и вот появились наконец первые листочки; смотрите, крепко берегите свои молодые листочки; пока еще поправить можно, а после и поправить нельзя будет".

Анна попала в семью к атеистам. Для молодой христианки это было началом исповедничества. "Сколько деликатных намеков и насмешек приходилось мне выслушивать по поводу моего обособленного религиозного настроения! Сколько тонких ядовитых стрел пущено было в меня с намерением наставить меня в духе излюбленного им либерализма. Всевозможные антирелигиозные сочинения выбирались главою семьи с целью исправить мою якобы отсталость и извращенность - и вот по вечерам устраивались долгие изнурительные чтения, на которых просили меня обязательно присутствовать. О, как ужасны были эти чтения!.. Как осужденная на духовную смерть слушательница, я должна была сидеть и выслушивать эти "чтения", резко и быстро отталкивая от себя налепляющуюся на меня ядовитую сорочку".

Храм был в шести верстах от дома, и ей приходилось ходить туда пешком, так как хозяйева службу

не посещали. "Пост, не соблюдаемый никем, заставлял меня тоже выделяться и быть у всех бельмом на глазу. "Крепко берегите свои молодые листочки" - как громовая труба Страшного суда, постоянно звучало у меня в ушах, и, осмеянная, приниженная, "притча во языцах", я твердо стояла на своем камне духовного делания и горячо молила Господа простить окружающим людям их заблуждения, просветить помраченные их умы светом Своей Божественной благодати".

Мученица Анна Зерцалова

Мать семейства не позволяла ей воспитывать детей, и Анна Ивановна после уроков была совершенно свободна. Она устроила школу для деревенских детей, на основе которой впоследствии возникло училище. Бескорыстная деятельность по просвещению деревенских детей расположила к ней хозяев. Девушке стали готовить постную пищу. "Лошади для езды в храм всегда были к моим услугам; даже отпускаясь со мной восьмилетняя ученица - это было особенное, небывалое доверие. Мне, застенчивой от природы, было очень неловко принимать знаки особого благоволения; по правде сказать, я очень тяготилась всем этим, так как на эту лужайку пришлось перейти через мост ужасной духовной пытки".

Получив благословение духовника, Анна Ивановна в декабре 1891 г. покинула семью, в которой прожила 7 месяцев. Вернувшись в Москву, она стала активной прихожанкой храма Святых равноапостольных Константина и Елены, а позже Архангельского собора. Батюшка помог ей найти учеников. Почти 20 лет окормлял он свою духовную дочь, ведя ее путем смирения. Анна Ивановна писала: "Это - великое богатство духа; это великая услада души; с верой и сами скорби, сами страдания кажутся малыми, ничтожными. Радость по Бозе наполняет всю душу, все существо человека, и душа рвется в вышину, прославляя и восхваляя Господа в торжественных гимнах".

Смерть отца Валентина Анна Ивановна пережила как большое горе. Всю последующую жизнь она посвятила сохранению его наследия и прославлению его памяти.

До 1917 г. Анна Зерцалова с помощью духовных чад батюшки выпустила четыре книги с описанием его выдающейся пастырской деятельности, случаев прозорливости и дара чудотворений. По записям, которые она вела в продолжение многих лет, были составлены и опубликованы его проповеди.

В 1916 г. на полученные от благодетельницы деньги Анна Ивановна выстроила деревянный дом вблизи Ваганьковского кладбища, чтобы жить недалеко от могилы своего духовного отца и записывать происходившие на ней чудеса. В результате составилась машинописная книга, которая активно размножалась многочисленными почитателями памяти выдающегося пастыря.

В 20-е гг. атеистический журнал писал: "Против кладбища живет некая Анна Михайловна. Здесь можно купить фотографию "святого", здесь продаются книги - "Истинный пастырь Христов", "Светильник Православия", "Подвижник веры и благочестия". Здесь еще недавно кормили нищих и всех, кто приходил помолиться на могиле Амфитеатрова... Здесь справляются поминки, а в годовщину смерти "святого" на его могиле бывают тысячи молящихся".

В 1932 г. Анне Зерцаловой было отказано в выдаче паспорта и предложено выехать за 100-километровую зону, одновременно у нее отобрали дом. Но Москву она не покинула, а перешла на нелегальное положение, проживая у друзей. Средства к существованию ей давали частные уроки и помощь близких. Главным ее делом было распространение книг и фотографий протоиерея Валентина Амфитеатрова, записывала она также случаи исцелений по его молитвам.

27 октября 1937 г. Анну Ивановну арестовали. Ей предъявили обвинение в том, что она "является активной участницей контрреволюционной церковно-монархической группировки... прославляет как "прозорливицу" монашку Матрону Конохову и как "святого" умершего попа Амфитеатрова, организует к ним паломничество верующих". Следователь добивался от нее имен соучастников.

"Вопрос: Следствие требует от вас показание в отношении лиц, кои размножали вам его

фотографии, перепечатывали ваши рукописи на машинке за последнее время. Назовите их фамилии.

Ответ: Назвать фамилии лиц, кои мне помогали в размножении фотокарточек... а также и распечатывании книги, я, Зерцалова Анна Ивановна, отказываюсь". (Она назвала лишь Матрону Конюхову - вероятно, потому, что сама Матрона на допросе эти факты не отрицала.)

"Вопрос: Ваше отношение к советской власти?

Ответ: К советской власти я... отношусь безразлично. Но я... не согласна с советской властью по вопросам религии, а именно: советская власть, как я считаю, проводит гонение на Церковь и верующих, закрывает без согласия верующих церкви, высылает безвинно духовенство. Все это вызывает недовольство не только у меня, но и у большинства верующих. В силу чего большинство верующих не любит советскую власть, [это] порождает... в том числе и у меня, враждебное отношение к советской власти. Кроме того, советская власть совершенно невинных людей лишает крова, как, в частности, меня, что также порождает к ней недовольство со стороны несправедливо осужденных.

Вопрос: Вы возводите клевету на советскую власть и СССР, заявляя, что они враждебно настроены к советской власти. Вы это подтверждаете?

Ответ: Нет, это я клеветой не считаю, я сама вижу, что советская власть разрушает храмы, высылает наше духовенство и уничтожаются церковные книги, в школах запрещено преподавание слова Божьего; все это свидетельствует о гонении со стороны советской власти на религию..."

23 ноября 1937 г. тройка при Управлении НКВД по МО вынесла приговор: "Зерцалову Анну Ивановну расстрелять". Приговор был приведен в исполнение 27 ноября 1937 г. на полигоне в Бутово, под Москвой.

За четверть века до своей мученической кончины она писала: "Верующая душа не боится смерти: она встречает ее радостно, спокойно, так как знает, что смерть приведет ее к небесному отечеству, в вечную страну нашей новой, лучшей жизни. И разве Сам человеколюбец Господь не примет к Себе и не упокоит ту душу, которая стремится к Нему, горячо, блаженно любит Его, горячо, блаженно верует в Него?"

Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года Анна Ивановна Зерцалова причислена к лику новомучеников и исповедников Российских.

Предисловие составителя

Вот уже минуло несколько лет со дня кончины приснопамятного отца протоиерея Валентина Амфитеатрова (20 июля 1908 года), которого наставлениями и молитвами назидалось и укреплялось множество духовных детей не только в Москве, но и далеко за ее пределами. Благодарение Господу Богу, от времени до времени посылающему нам таких духовных руководителей, как приснопамятный протоиерей отец Иоанн Кронштадтский, иеросхимонах Амвросий Оптинский, иеромонах Варнава (Гефсиманского скита близ Троице-Сергиевой Лавры) и другие! Незабвенный отец протоиерей Валентин Амфитеатров свою выдающуюся пастырскую, подвижническую деятельность соединял с таким глубоким христианским смирением, что многие глубоковерующие православные люди, одновременно жившие с ним в Москве или вблизи ее, не подозревали даже, какой дивный пастырь жил вблизи их, а посему и не посещали его при жизни... Узнали и узнают о нем лишь теперь, весьма жалея, что при жизни отца Валентина лично не были знакомы с этим дивным пастырем... Пусть же при жизни глубоко смирявший себя по Евангелию (Лк. 18, 14) незабвенный пастырь отец Валентин и вознесенный теперь в загробном мире у Бога благостно примет и сию книжицу как надгробный ему венок от духовных его детей, обязанных помнить, поминать и другим напоминать о своих наставниках и подражать их вере, согласно заповеди святого апостола (Евр. 13, 7). Дай Бог, чтобы у нас на Руси Святой побольше было бы пламенных и ревностных пастырей, подобных приснопамятному отцу Валентину! Да утешит и укрепит незабвенный отец Валентин всех нас своими загробными молитвами, как утешал и ободрял при жизни всех с верою притекающих к нему!..

Часть I

Духовная деятельность батюшки и насаждение им в людях основ веры и нравственности

На берегу Москвы-реки, за Смоленским рынком, стоит маленький одноэтажный домик. Простенький, невидный, он теряется среди прилегающих к нему грандиозных строений фабрики. Толпа фабричных проходит туда и сюда, полная дневной суеты и волнений; иногда с говором и шумом спешит она по домам, совсем не помышляя о том, что проходит мимо жилища великого пастыря, который своею праведною жизнью, своими великими пастырскими трудами стяжал себе вечную славу. И как они, грубые, несмысленные люди, могли понять это, когда и многие знавшие батюшку из среды гуманных, интеллигентных лиц часто путались в своих разнородных сбивчивых суждениях о нем.

Тайна благодати настолько велика и бесконечно-непостижима, что только чистое, глубокововеряющее сердце может хотя отчасти принять ее. Только духовная жажда небесной истины и горячая, беспредельная любовь ко Господу - источнику всех благ и милостей, объясняет людям непостижимое, открывает сокровенное, тайное.

Жажда возлюбить всем сердцем Господа и снискать Его милость поднимает завесу и раскрывает область чудесного духовному взору глубокововеряющего человека. Без этого небесного огня нет спасения и нет духовного мира и небесной радости. Бедна, несчастна душа без этой благодатной искорки горячей, беспредельной веры, горячей, бесконечной любви к Спасителю.

"Все возможно верующему",- сказал Сам Господь. "Веруй в Мя спасен будешь!" Но как приобрести это драгоценное сокровище - веру? Как заложить в себе эту прочную основу для всей последующей своей жизни? Как насадить в себе это драгоценное горчичное зернышко, которое может возрасти в благодатное могущественное древо, наделить счастьем и блаженством слабую, немощную душу-христианку? Сам по себе человек - ничто, но, по безмерному милосердию Господа, он образ и подобие Божие, а потому всеблагий Человеколюбец, создав людей для блаженства, Сам направляет их к истинному пути и, чтобы дать возможность людям озариться лучами своего небесного света и познать истину, Он посылает в мир пастырей, которых осеняет Своей божественной благодатью, как руководителей и наставников для очищения, просвещения и возрождения словесного стада Христова. Эти дивные пастыри, душу свою полагающие за ближних своих, всю жизнь свою неустанно трудятся на Божьей ниве, воспитывая и возрождая греховное человечество, и ведут борьбу с грехами, пороками и заблуждениями.

Ужасающая мерзость пороков, страстей и беззаконий - эта топкая трясины гибели и омертвения - так велика и заманчива, что окончательно могла бы втянуть в свои недра несчастный, слабый, извращенный люд и тем бы низвести на землю правосудный гнев Божий. Но пастыри, как истинные борцы, неутомимые воины Христовы, во всеоружии, грозно являются на поле брани и своей пламенной верой и мечом Христовой истины пополают лукавые козни врага-диавола.

Диавол сетями неверия, пьянства, распущенности и гордости так запутал слабых, испорченных людей, что они сами по себе не могут выпутаться из этой бездны и трясины, посему милосердый Господь, не хотяя смерти грешника, направляет их к пастырям, которые принимают под свою охрану и защиту беспомощных, измученных созданий Божиих!.. Начинается правильная, осторожная, благодатная наука, начинается тяжелое, изнурительное врачевание греховной природы, пропитанной чадом страстей и заблуждений.

Прежняя жизнь, полная греховных увлечений, так тянет, так влечет к себе, что нужна особая благодатная помощь, чтобы удержать человека и не дать ему броситься к прежним утехам. И вот благодатный пастырь, приняв к себе таких несчастных, испорченных людей, мудро начинает их вести по стезе истины и правды. Он очищает грязь беззаконий, он вливает постепенно в их души сладость блаженного покоя веры и любви ко Господу. Озарив души и омыв их от гнилости неверия и закоснения, он мало-помалу начинает готовить их к благодатному освящению в таинстве Покаяния и Приобщения Тела и Крови Спасителя.

Великое таинство Причащения своим божественным озарением освящает причастника, делая его чадом Церкви Христовой. Но чтобы довести человека до восприятия сей божественной благодати, нужно неуклонно, усиленно работать над ним, неуклонно, усиленно следить за всеми движениями его души, за пестрой разновидностью его чувств, мыслей и желаний. Надо вовремя предотвратить какое-нибудь самовольное, непосильное искание подвигов и лишений, надо следить за всеми ухищрениями врага, который в ярости за вырванную от него жертву придумывает над ней новые козни и ухищрения.

Видя, что не заманить теперь на пороки избавленного от него человека, диавол начинает подходить к христианину с другой стороны, начинает направлять его на усиленную, самочинную духовную деятельность, чтобы, развив в подвижнике духовную гордость или отчаяние, отклонить его от необходимого христианину смирения и послушания. И вот пастырь стада Христова, зорко следящий за всеми проявлениями такой неправильной духовной ревности, вовремя и умело останавливает такое превысшенное парение к небесам, так сказать, "схватывает за ногу" и спускает на стезю смирения несмысленных ревнителей, уясняет им их ревность не по разуму, отрезвляет от ложного понимания духа евангельских истин и одностороннего увлечения буквой закона.

Велика задача пастыря - постепенно приводить своих пасомых овец на истинный путь. Дав понять омраченному грехом и сбиту с толку человеку, что только истинное смирение и полная покорность воле Божией отверзают грешнику двери милосердия Божия, пастырь мудрыми и целесообразными средствами старается низвести на смирившуюся душу эти необходимые для каждого человека сокровища, эти неоцененные богатства духовной жизни. Предоставив сначала человека собственным силам и чрез это дав понять ему, что без Божией помощи он - ничто, пастырь после показывает ему, на что способен он - этот же самый ничтожный и жалкий человек - при помощи всеильной благодати Божией. Пастырь дает понять своему пасомому, что, будучи червем и прахом сам по себе, этот же пасомый, озаренный помощью свыше, становится достойным членом Церкви Христовой и полезным членом общества. И вот, наученный таким мудрым пастырским руководством, человек начинает горячо верить в силу благодати Божией, смиренно, с сознанием своей греховности, возлагает все свое упование на помощь свыше и с этим несокрушимым щитом бодро идет по predeterminedенной ему стезе подвигов, скорбей и испытаний.

Духовное воспитание так сложно и трудно, что только благодать Божия может произрастить желанные спасительные его плоды. За самоотверженную пастырскую деятельность и великие подвиги любви к ближним Господь обильно изливает Свое благоволение на ревностных пастырей, наделяет их великими благодатными дарами и духовной жизнью.

Таким пастырем, избранником Божиим, был скончавшийся отец протоиерей Валентин Николаевич Амфитеатров, смиренно живший в небольшом скромном домике около фабрики Рыбаковой. Скромн, прост был домик снаружи, скромна, проста была и самая обстановка его; прислуга была тоже незамысловатая, обыкновенная. Как будто все было обыкновенно и просто, и, однако, всегда ощущался страх и трепет при одном приближении к этому жилищу добра, возрождения и спасения. Благоухание святости невольно чувствовалось уже при вступлении в эту обитель мира, молитвенных подвигов и духовного утешения. "Это - место святое" - вот какие мысли невольно приходили в сердце; смиренное сознание своего ничтожества, греховности, духовного слабосилия - все это с великим трепетом ощущалось при входе в домик отца Валентина в ожидании его ответа или приема.

Приходившие с делом не важным, не требующим личной беседы пастыря, довольствовались высылаемым от него ответом на кухне; для более серьезной духовной нужды сам пастырь выходил к посетителям, которые при одном виде благодатного пастыря-молитвенника нередко падали ниц, кланяясь в ноги, глубоко сознавая его духовное величие и молитвенную близость к Богу. Один уже светлый, лучезарный вид пастыря, в последнее время согбенного от великого бремени скорбей и страданий, говорил красноречивее всяких слов. Слабый, сильно похудевший, с потухающими глазами, он являлся могучей духовной силой, когда начинал произносить дивные слова утешения и назидания.

"Деточка, я молюсь за всех вас", - бывало, скажет батюшка, и уже понимаешь, что значат эти дивные слова; измученная в житейском круговороте душа сразу сбрасывала с себя это неприятное бремя пагубного тяготения к мирским интересам, невольно окрыляясь чувством небесной радости и ангельского света. Ничтожное, осуетившееся существо, полное житейских хлопот и тревожений, как бы отрывалось от земли, уносилось в заоблачный мир и начинало видеть небо с его непостижимыми красотами. Христос Спаситель, в Своем необъятном величии и милосердии, становился несказанно дорог и близок верующей, стремящейся к Нему христианской душе!

Вот каким трудным путем совершается возрождение грешной души; вот какое славное дело творил сей ревностный пастырь! Вот кто жил в маленьком домике около Дорогомиловского моста, тихо, скромно, незаметно!

Каждый день его труженической пастырской жизни ознаменовывался дивными подвигами сеяния всеисцеляющей, всевозрождающей благодати, теми подвигами избранников Божиих, для описания которых и человеческое слово становится как бы немощным и слабым.

Сделаем же хотя краткий, посильный очерк деятельности знаменитого московского пастыря.

Приезд батюшки в Москву и служение в церкви "Нечаянной Радости"

Родился батюшка 1 сентября 1836 года. Он происходил из древнего прославленного рода Амфитеатровых, из которого уже вышли два великих светоча: Филарет, митрополит Киевский, его дядя, и преосвященный Антоний, епископ Казанский. Родители его были протоиерей Николай и Анна. Они тоже были озарены Божьей благодатью: батюшка сам называл свою мать святой женщиной.

Храм святых равноапостольных Константина и Елены, или "Нечаянной радости", со стороны колокольни

Среди лишений и недостатков укреплялся он и окрылялся духом веры и надежды на всесильную помощь Божию. "Я учился с сальным огарком и нуждался часто в самом необходимом" - так рассказывал батюшка об отроческом и юношеском периоде своей жизни.

Окончив курс в семинарии, он перешел в Духовную академию, где и окончил курс. Потом он был облечен в пастырский сан, и первый приход его был при храме Благовещения в Калуге.

За ревностное и истинное служение он скоро был переведен в кафедральный собор города Лихвина, Калужской губернии, с саном протоиерея, потом был назначен смотрителем духовного училища в Мещевске и наконец настоятелем храма Поливановской учительской семинарии близ Москвы. Отсюда батюшка был переведен в Москву в храм Святых Константина и Елены, или, как при батюшке его стали называть, "Нечаянной Радости".

Пройдя весь курс высших духовных наук, вполне изучив древние языки, батюшка дальше пошел по пути самосовершенствования. Не говоря уже о его духовной мудрости, его великий светлый ум не знал предела и преграды. Жажда познаний настолько была велика, что он сам изучил до десяти новых языков. Масса иностранных книг и изданий покупалась и прочитывалась им, так что составила у него большая всесторонняя библиотека - собрание весьма важных и ценных экземпляров духовной и научной литературы. Батюшка с любовью относился к своим книгам, сохранял их и берег, даже впоследствии, слабый и больной, он ощупывал их пальчиками и говорил: "Это все друзья мои".

Невозможно понять, как это все успевал батюшка! Руководить многотысячной паствой, целить, наставлять, утешать и находить время для умственного труда и авторских занятий, так как батюшка постоянно составлял проповеди для народа и писал духовные сочинения - очерки из библейской истории. Истинно это был особый сосуд благодати и премудрости Божьей!

И так дивный светильник батюшка - сама мудрость и всезнание - появился в Москве как благодатное орудие для спасения грешного, темного, погибающего люда.

Маленькая церковь Святых Константина и Елены была еще мало кому известна: служит, бывало, батюшка, а народу почти нет. Но узнал народ про великого пастыря и неудержимо побежал под горку. Кто со скорбями бежит к доброму утешителю, кто в бедности, не зная где главы склонить, прося крова и приюта, кто, омрачаемый заблуждениями, просит совета и вразумления.

И всех утешал, всех успокаивал, всех поддерживал батюшка! Кого наставит, кому поможет деньгами, кого устроит, даст приют и убежище, этого исцелит, того исправит, вразумит. С утра до ночи, без устали, трудился пастырь: ни в церкви, ни дома не зная покоя и отдохновения.

Службы были ежедневные, продолжительные, почти до трех часов дня. Один, без дьякона служил

он, точно на воздухе, озаренный светом благодатного сияния, всех любя, всех жалея. Зная, что лучшее средство духовного врачевства - это очищение души в таинстве Покаяния и освящение ее в благодатном таинстве Приобщения Пречистого Тела Христова и Честной Крови Христовой, батюшка старался как можно чаще приготавливать свою паству к этим великим таинствам: кого кротко, ласково вразумлял, исправлял, кого строго наказывал, обличал при всех за лень и нерадение. Иногда по семнадцати часов стоял он и исповедовал, с утра до ночи пребывал в храме, духовно врачюя заблудшие грешные сердца.

И совершалось невиданное, неслыханное дело: тысячи людей рвались в храм "Нечаянной Радости", толкались, мучились, лишь бы только подойти к пресветлому батюшке, получить его благословение, а главное, вымолить у него разрешение прийти на исповедь. Но батюшка большую часть подолгу испытывал людей и год или больше не брал к себе на исповедь.

Зато стоило только раз исповедаться у батюшки, как происходила дивная перемена: замена суетливого склада ума духовной жаждой христианской деятельности. Из пошлого, никому не нужного, бездеятельного человека являлся христианин, полезный член и деятель Церкви Христовой. Такого уж не собьешь и не подманишь ни на какие сделки и ухищрения. Такой уже увидел цель жизни, понял свое назначение и с горячей мольбой о высшей помощи бодро шел по скользкому житейскому пути, если и немного уклоняясь в сторону, то все-таки не поворачивая назад, не прельщаясь мирской пошлостью, надеясь на Господа Человеколюбца, на Его безмерное милосердие и всепрощение.

По разным местам России прошел слух о чудотворном образе Царицы Небесной и о дивном слугителе-пастыре. Из разных отдаленных городов приезжали люди и были поражены величием и прозорливостью батюшки.

Образ Царицы Небесной поставлен был батюшкой на самое видное место. Батюшка стал ежедневно служить молебен, читать акафист и горячо просить Царицу Небесную осенить сей святой храм покровом и заступлением. И услышала Владычица слезные мольбы Своего служителя - дивные милости, дивные исцеления посылала Она верующим, в скорбях и печалях прибегающим к Ней и молящимся перед Ее пречистым образом. Благоговейная служба, умилительное чтение акафиста возбуждали такое настроение в молящихся, что нельзя было без слез смотреть на всю эту толпу, теснящуюся перед чудотворным образом и с верою и надеждою взывающую к Царице Небесной. А лик Владычицы так и сиял, так и блистал! Кротко глядел он на всех, невидимо озаряя божественной благодатью, а пастырь стоял и молился.

Сотни записок о болящих, скорбящих, озлобленных передавались ему. Он читал имена, и его тонкий, точно женский, голос раздавался на весь храм, и слышался в этих звуках не простой однообразный перечень, но глубокая горячая молитва за каждого, чье имя он называл перед чудотворным образом.

Кончался молебен, начиналась долгая панихида. Опять бесконечное чтение записок, опять благоговейное внимание и слезное моление окружающих, опять беседа пастыря с Господом и мольба его принять и успокоить души всех усопших отец и братий наших, здесь поминаемых и повсюду православных.

Кто удостоился быть в этой церкви, тот и теперь не может без умиления вспомнить об этих великих службах; это было что-то высшее, необъяснимое - веяние небесной благодати, великая духовная радость, ни с чем не сравнимая, ничем не заменимая!

И раскрывался пастырь в этой церкви во всем блеске своей духовной красоты и прозорливости. Тысячи случаев его мудрости и провидения рассказывают его духовные дети; тысячи случаев, когда его мощный дух проявлялся во всем благодатном величии.

Бывало, во время молебна идет он по церкви, несет большое Евангелие, подносит ко всем, чтобы прикладывались, а сам точно на воздухе, так весь и озаряется небесной красотой. Лучистые глаза его так и ласкают, так и согревают всякого. Такие глаза только и могут быть у особых избранников Божиих, давно уже поборовших власть плоти и мира и приобретших силу и благодать Духа Святаго. Никто из пришедших в этот святой храм не мог скрыться от этих глаз: всех, бывало, разыщут они, до всех доберутся!

Вот там, далеко в уголке стоит несчастный, скорбящий. Тяжкое, неутешное горе посетило его: может быть, смерть жены, матери, может быть, безвыходная бедность; может быть, гнет пороков, преступных привычек повергли его в тоску и страдание. Точно окаменелый стоит он, бесчувственно относясь ко всему окружающему. Служба идет, пение, возгласы, но как будто не для него все это, как будто он здесь совсем лишний, ненужный! Для чего жить, для чего трудиться, когда все потеряно, ушло безвозвратно? Зачем пришел он сюда? Зачем стоит? Нет впереди просвета, нет цели в жизни! Долго, как бы в забытьи, стоит он, понуря голову, без мысли, без движения.

Но вот что-то вдруг озаряет его, что-то заставляет его поднять голову и взглянуть на батюшку, а батюшка уже смотрит на него своими лучистыми глазами: они прожигают всю его душу, они проливают в его несчастное, исстрадавшееся, озлобленное сердце какую-то особенную благотворную

радость и теплоту.

Падает ниц несчастный страдалец, растаяла ледяная пагубная твердыня горя и отчаяния; вопли и рыдания полились из измученного сердца, - но это уже не безнадежность и озлобление, это уже не ужас гибели и омертвения - это животворный источник надежды и облегчения! Увидел горемыка, что еще не все погибло, не все пропало, увидел он великого пастыря-учителя и понял, что с его всесильной помощью еще можно идти по стезе бедствий и испытаний, и оставляет он свой дальний уголок, и бежит ближе к этим дивным глазам, которые так и греют, так и озаряют светом и радостью его скорбное сердце. А пастырь уже как будто давно ждет его: ласковыми кроткими словами он еще больше нежит и согревает несчастного, любяще увещевает образумиться и опомниться, обещает любить, помогать, молиться за него, а главное, утешает его надеждой на милость Самого Человеколюбца, Который радуется о всякой душе, смиренно приходящей к Нему.

И что же! Из полумертвеца, полудиота создается человек, новый воин правды и чистоты, новый истинный сын Церкви Христовой. О, как горячо любит он своего дорогого наставника, паче всех людей чтит и превозносит его!

А вот подходит к батюшке бедненькая девушка, еще молоденькая, но больная. Но хочется еще пожить молодому созданию, тяжело расставаться с матерью, еще бодрой и не старой! Робко, боязливо подходит эта девушка к батюшке - кто-нибудь, видно, послал ее сюда, - еще неумело обращается она к нему, прося благословения. Но не может дорогой пастырь - сама любовь и милосердие - без жалости смотреть на юное существо, трогается его любящее сердце, и хочет он помочь этой больной девушке. Долго разговаривает он с ней, ласкает, утешает, и - Господи! дивны дела Твои! - огонь жизни опять возгорается в ней, болезнь проходит бесследно, и расцветает она в пышную красивую барышню, трудящуюся, жизнерадостную, на счастье и утешение всей семьи. Тысячи примеров были подобных чудесных исцелений.

Храм святых равноапостольных Константина и Елены

Помню тоже: одна очень хорошая интеллигентная барышня изнемогала от чахотки. Худая, безжизненная, она тоже обратила на себя внимание великого пастыря; пожалел он ее, видит, что она с верой и любовью обращается к нему, и захотел помочь ей. Но как он никогда и ничего не делал на вид, а творил чудеса втайне, то он стал незаметно, исподволь, проливать на нее благодать, подолгу беседовал с ней перед образом Царицы Небесной. Помню как сейчас ее худенькую, высокую фигурку, склоненную к батюшке. Болезнь брала свое, все более подтачивая организм. Трудно было ей выстаивать службы, все присаживалась, все слабела; надежды на выздоровление, по-видимому, никакой не было.

Но батюшка не унывал! Он послал ее на лето в имение к родным. Многие со слезами провожали ее, навсегда прощаясь с ней, так как никто, конечно, не рассчитывал увидеть ее опять.

Прошло лето. Вдруг все были поражены чудом: приезжает она в Москву здоровая, нет и признаков чахотки. Правда, еще худенькая, но зато бодрая, веселая, окрепшая, возрожденная. Всей силой своей молодой природы отдается она на служение ближним и, благодарная целителю-батюшке, не оставляет его, горячо любит и чтит его и постоянно присутствует за его службами. Разве не дивно все это?

Как же не плакать и не убиваться теперь тысячам людей? Лишиться такого пастыря-целителя - это ужаснейшее несчастье! Скончался он - и все померкло. Смущены несчастные, бездольные, одинокие сироты - а ничего не поделаешь, видно, так Господу угодно!

Но не одними исцелениями славился дивный пастырь: он всецело посвятил себя на славное дело

апостольского служения, он спасал души человеческие, вырывал их из терния грехов и пороков. Долгой, неустанной молитвой, мудрыми советами и наставлениями, грозными словами вразумления и обличения он духовно совершенно перерождал всякого приходящего к нему.

Приходили к нему люди прямо из мрака светской пошлости, опутанные пагубными привычками, они так бы и влачили свою жизнь в праздности, суете, распрях, гордости, вдали от Бога, полуверующие, индифферентно относящиеся к религии и к установлениям Православной Церкви. Сходит в церковь помолиться такой человек, но как-то машинально, как бы совершает скучную обязанность: ни отрады духовной не чувствует, ни цели в жизни не видит. Машинально, как истукан, живет он: день прошел, и слава Богу! Поест, поспать - и только, а о будущей жизни и о приготовлении к ней и помину нет. Да хорошо, если и этим ограничивается, а иной погряз в пьянстве, кутежах, ведет жизнь кутилы, мота, бросает жену, оставляет на произвол детей - и вот подобные люди приходили к батюшке! Они невидимо присылались к нему Провидением Божиим, все опутанные греховными сетями.

Казалось, невозможно было исправить таких заблудших, изуродованных людей! Но дорогой батюшка не колеблясь принимал их под свою могучую охрану, в свою благодатную, спасительную науку. Раз примет такого человека и уже не отпустит его на свободу греха и порока. Долго пересоздает он испорченного, исковерканного человека где лаской, где угрозой, зорко следит за каждым его шагом, не дает уклониться в сторону, поддерживает, подкрепляет и проливает на него благодать Святого Духа, преподавая ему Святые Божественные Тайны - Пречистое Тело Христово и Божественную Кровь Его. Сам, дорогой руководитель, изнемогает с таким тяжелым человеком, сам, великий милостивец, несет за него тяжесть грехов.

Не может такой человек превозмочь лень и невоздержание, не может должным образом попоститься и подготовиться - батюшка прощает ему, разрешает от поста. "Я приму все на себя",- говорит он, бывало, дорогой наш ангел-хранитель, и таким образом сам батюшка постится и страдает за ослабевшего, немощного.

И вообще не любил батюшка одного наружного пощения, одной внешней молитвы; так, бывало, рассердится и заволнуется, когда услышит, что кто-нибудь принимает на себя непосильный, лицемерный пост. "Не животом, не едой спасайте свои души",- бывало, скажет батюшка. "Господу нужно наше горячее сердце, а не наружное пощение и лицемерное хождение по церквам, это все ханжество и заблуждение". "Пусть в тебе любовь будет да милосердие, а не наружная пустая набожность" - так, бывало, громит батюшка в своих проповедях, старается растопить сердце человека, требует от него внутренней чистоты, внутренних богатств добра, милосердия, кротости, смирения, терпения и покаяния.

Проповеди говорил батюшка очень часто: в воскресенье после литургии, по субботам - Великим постом причастникам и во всю ночь - под большие праздники. После смерти вышли его поучения в четырех изданиях:

1. "Духовные беседы"; 2. "Воскресные Евангелия"; 3. "Великий пост (духовные поучения)"; 4. "Духовные поучения" и 5. "Очерки из библейской истории Ветхого Завета", т. I и II.

Чудные проповеди говорил батюшка. Это такая была живая речь поучения и наставления, это такая была мольба покаяния и исправления, это такая была красота выражений и сравнений, что никакими словами невозможно передать того великого умиления и потрясения, которое охватывало всю душу при благодатных звуках его проповеднического голоса.

Многие получали в проповедях ответы на свои думы, недоумения и замешательства, а многим ясно раскрывалось, как им поступить в их затруднительных случаях и обстоятельствах.

В этих проповедях выставлялся весь ужас пороков, восхвалялось терпение, смирение и послушание. Духовная гордость, как самый ужасный бич духовной жизни, возбуждала особенное внимание батюшки: это зло, эту гадину батюшка всячески старался потоптать и раздавить в своих духовных чадах. Терпение, послушание и смирение - вот какие качества должен был развить в себе человек, если он хотел получить ласку и любовь батюшки; и горе тому было, в ком батюшка замечал своеволие и упрямство: бывало, так и обличит при всех провинившегося, так и разгромит в проповедях.

Чтобы смирить гордость и кичливость человека, батюшка при всех, бывало, начнет пробирать его и выставлять на вид темные качества и дурные свойства его характера, а случалось, что иного непокорного гнал вовсе из церкви и запрещал показываться ему на глаза.

Ничего не было тяжелее такого изгнания! Гнев батюшки производил такой ужасный гнет, такую душевную муку на каждого, что многие не выдерживали этого и, как малоопытные в духовном делании, уходили от батюшки. Другие же, как более преданные, решались лучше переносить тяжесть обличения и унижения, чем лишиться батюшкиной службы.

Испытав и убедившись в преданности, батюшка обращал свой гнев на милость и принимал такого человека как уже верную овечку в свое духовное стадо.

Так много тысяч людей вел дорогой пастырь, не оставлял без призора, вовремя поддерживал, если кто ослабевал, лелеял и охранял того, как слабого, беспомощного ребенка. Многих вел он больше двадцати лет, постоянно трудился над ними, неустанно воспитывал их.

***Нижний сад в юго-восточном углу Кремля.
На переднем плане храм "Нечаянной радости".***

Все, кто были за батюшкиными службами у "Нечаянной Радости", единодушно утверждают, что таких чудных служб они нигде и никогда больше не видывали! Это было именно что-то особенное, райское, блаженное. Маленькая церковь, лучезарный образ Царицы Небесной, Ее кроткий божественный лик - это было что-то необъяснимое, несказанное, радостное! Стоишь, бывало, чувствуешь, что находишься где-то далеко-далеко от всего суетного, земного: ни тревог, ни смуты, ни волнений, стоишь и молишься, вся отдавшись чувству какого-то блаженного умиротворения, радости, покоя, а тонкий звучный голос пастыря возглашает молитвословия с такой верой и горячностью и как бы желает сказать всем, что милосердый Господь Сам принимает просьбы достойно и с любовью обращающихся к Нему людей, и нет слов передать, как дивно вся обновляешься, перерождаешься, всей душой стремишься к Господу, умоляешь Его, Человеколюбца, научить, как послужить Ему, чтобы не быть отвергнутой Им, но чтобы быть принятой Им, хотя в число самых последних наемниц Его.

Господи! Не отвергни меня от лица Твоего, научи меня, как послужить Тебе, чтобы при Твоем втором славном пришествии не быть мне в числе тех юродивых дев, которым Ты изречеши Свой праведный суд: "Истинно говорю вам, не знаю вас" - вот слова, которые, бывало, невольно льются с языка.

А пастырь и рад, что так умиляются сердца молящихся с ним, так и рвется он то к одному, то к другому, желая навсегда возжечь в своих духовных чадах такие чувства любви и благоговения к Господу: то к одному подойдет после службы, то с другим заговорит, так и воспламеняет светильники их, чтобы они сохранились до конца их жизни и не погасли бы безвременно.

Как истинный чудный страж, он всех охранял от нападений исконного врага - дьявола, который, яко лев, рыкает, ища, кого поглотити. Да! Не давал дорогой пастырь в обиду ему своих малых бедных овец, всех укрывал от этого лютого зверя, всех охранял своей защитой и помощью.

И хорошо же жилось им при таком пастыре! Ни нужды, ни холода, ни болезней, ни несчастий: все утишалось его святыми молитвами. Чуть только бывало заметит где горе и уныние, сейчас же спешит на помощь и выручку.

И многим раскрывался тогда батюшка во всем своем величии, во всей своей прозорливости. Все-то было ему известно, кажется, ни одно волнение души, ни одно смятение не укрывалось от его духовно видящего взора. Горячие, пламенные слова молитвы, исходящие из верующего любвеобильного сердца, восходили прямо к небесам, к Престолу Всевышнего, и низводили токи милосердия Божия на грешный собравшийся люд.

Знатные и ничтожные, богатые и бедные, взрослые и малые - все здесь сливалось в одно великое верующее духовное стадо Христово. Слезы несчастной вдовы-матери, вопль духовной слабости, неудачи семейной жизни - все эти бесчисленные скорби, вся эта путаница житейского круговорота, бедность, болезни и прочее,- все это благодатно очищалось, утешалось дивным ходатаем - пастырем, который своей праведной молитвой, своими скрытыми от всех великими духовными подвигами низводил на притекающих к нему особое благоволение и милосердие Божие.

Вот тяжкая болезнь готова уже привести в отчаяние семью: неизбежность разлуки с любимым, дорогим лицом повергает иногда в такой ужас и горе членов семьи, что они готовы впасть в отчаяние, но милосердый Господь, не хотяя смерти грешников, чудесно направляет их к пастырю, который своею молитвою и мудрыми наставлениями утешает и вразумляет несчастных. Своею любвеобильной лаской он согревает омертвелое сердце грешника, он ласкает его, как больное

измученное дитя, ободряет словами веры и надежды и наполняет скудную душу духовными сокровищами.

О незабвенный, дорогой пастырь! Сколько непостижимой мудрости было в твоих благодатных пастырских действиях! Спасать души человеческие, вырывать их из пропасти греха и падений, трудиться над их испорченностью, очищать, омыwać, исцелять их - о! это такая трудная задача, что только при особой благодати Божией можно браться за нее. Но отец Валентин всю свою подвижническую жизнь посвятил на исполнение сего многотрудного, величайшего христианского подвига. Весь исстрадался он нашими грехами и беззакониями и медленно угасал под невыносимым бременем людского безумия.

Возревновав о спасении людей, он неотступно исполнял этот долг и со славою совершил свою великую миссию. Громадная паства - сыны и дочери Церкви Православной, - все это плоды творчества его мощной благодати, его сильной всеобъемлющей любви. Самоотверженная душа его не знала покоя ни днем, ни ночью. Днем в трудах, ночью в молитве она страдала и распиналась за всех несчастных и теперь на небе утешается воздаянием блаженства и райского веселия. Спасать - так спасать до конца, - вот какой великой целью задавался почивший пастырь и, задавшись этой целью, не отступал от нее до конца, бесконечно преумножая данные ему от Бога таланты пастырской молитвы и мудрого водительства своих духовных чад.

Переход батюшки в Архангельский собор и служение в нем

Недолго паства наслаждалась служением батюшки в церкви "Нечаянной Радости", или Святых Константина и Елены. Действием Промысла Божия, все устрояющего ко благу и спасению людей, батюшка был переведен в Архангельский собор и назначен там настоятелем.

Лишилась паства благодатных служб в маленькой, уютной церкви, где все было полно таким светом, благолепием, миром и тишиной.

Ангельская блаженная служба, открывшаяся для истинно любящих пастыря, так была неопишимо прекрасна, что они ни с чем не могут сравнить ее и теперь вспоминают о ней как о чем-то недостижимом для них, неизмеримо выше стоящем их понятий и соображений.

Паства должна была расстаться с любимым храмом, к которому так сильно привыкла и с которым как бы сжилась. Все перешли в собор.

Горько плакал пастырь, прощаясь с чудотворным образом Царицы Небесной "Нечаянной Радости", Которая столько лет была божественной защитой и покровом Своего верного служителя.

В соборе началась новая, не похожая на прежнюю жизнь.

Небрежность, невнимательность служащих собора к своим обязанностям так глубоко укоренилась здесь, что требовалось большое усилие для приведения всего на подобающую высоту.

Величественный, но мрачный внутри, Архангельский собор невольно наводил уныние на приходящих, а темные своды и тусклая старинная живопись еще более довершали тяжело-грустное впечатление.

Монотонная служба, лишенная пламенной веры и вдохновения, небрежность причта - все это делало собор не храмом молитвы и умиления, а только местом посещения для туристов, пришедших осматривать достопримечательности находящиеся там святынь, исторических гробниц, а вовсе не для молитвы.

И вот действием всеблагого Промысла в этом древнем мрачно-унылом храме вдруг воссиял небесный свет чудес и дивных знамений. Величественные своды огласились исходящими из глубины сердца молитвенными возношениями пастыря, который как бы озарил мрачный собор своей дивной верой и пламенной неустанной молитвой, и, думалось, засияли потемневшие запыленные лики святых, возликовали драгоценные останки князя Михаила и боярина его Феодора, ангельски воспел и возблагодарил Господа царственный страстотерпец отрок Димитрий при вступлении в собор дивного пастыря, который вместе с собою привел сюда и свою многочисленную паству. Как сиял образ Спасителя справа от царских врат!

Архангельский собор

Такая неизреченная красота благодати и милосердия, такая кротость всепрощения, такое обилие помощи и защиты!

Большой чудотворный местный образ Царицы Небесной "Благодатное Небо" дивно-небесно глядел на всех верующих, как бы возвещая им, что Сама Царица Небесная, по Своей неизреченной благодати, сходит с благодатного неба, невидимо является в этом святом храме, благодатно озаряя истинно чтущих Ее и прибегающих к Ней.

Неизреченною красотою сиял пастырь, когда воздевал свои руки к Царице Небесной и взывал к Ней словами акафиста. Это не было повторением заученных молитвословий, это не была заурядная священническая молебная служба - то были незримые миру потоки самых горячих, самых пламенных рыданий всех собравшихся здесь верующих, которые, благодатно озаренные исходящим из глубины сердца огненным взыванием пастыря к Богородице, приходили в такое молитвенное умиление, что сразу отрешались от всего земного и погружались всем существом своим в созерцание неизреченной красоты Царицы Небесной.

Великое благодатное таинство обновления, освящения и возрождения молитвами достойного служителя-пастыря незаметно охватывало, колебало молящихся, пробуждая их от духовной спячки; ощущая могучий благодатный подъем, они все как бы невольно начинали бороться с грехом и вступали на путь добра и духовных подвигов.

Тысячи невидимых и видимых чудес благодатной помощи Царицы Небесной по молитвам дивного пастыря совершались здесь постоянно.

Вот несчастная, скорбная мать готова прийти в отчаяние от неизбежной утраты горячо любимого, дорогого детища. Кто может передать ее вздохи, вопли и мольбы?

Вот стоит на коленях перед иконой чистенькая, простенькая молоденькая девушка - бедная сиротинка, без крова и приюта. Худенькая, болезненная, она своим слабеньким, изнуренным личиком вся устремилась к лучезарному, благодатному, величественному, дивному лику Владычицы.

Посмотрите, сколько простоты, сколько искренности, сколько веры и надежды в этих кротких, ясных глазах, еще не испорченных пагубной мирской суетой, сколько благоговения в этом взгляде при обращении к чудотворной святыне.

И Пречистая Владычица, Сама девственность и непорочность, больше всех понимает неизбежные страдания одинокой чистоты и невинности. И вот бедная, смиренная сиротинка, озаренная и умиленная благодатью великого пастыря, возносит Пречистой Деве горячее моление принять ее, несчастную, всеми брошенную, под Свою небесную защиту и покровительство.

Вот малые чистые детки беззаботно лепечут святые слова молитвы и своими невинными, неомраченными сердцами радостно воспринимают благодать небесной помощи Пречистой Девы; здесь они отрешаются от своих "детских" грехов, шалостей, капризов, лености и становятся малыми осмысленными начатками будущего разумного, нравственно-здорового поколения.

А там несчетные молитвы об опасных, безнадежных, на смертном одре болезни лежащих или погибающих в тине греховной людях! Как с ними быть? Как им всем помочь и на них воздействовать? О, за всех их вздыхает всем своим пламенным, отрешенным от земли существом дивный пастырь, за всех их вопиет он к Самой Владычице, прося Ее, преблагостную Матерь и Целительницу, утешить страждущих, умягчить озлобленных, спасти погибающих и всем подать руку помощи.

И Царица Небесная, внимая ходатайству Своего верного служителя, проливает на молящихся Материнскую помощь и благодать, озаряя их лучами Своей благодати и милосердия.

А вот по другую сторону царских врат чудотворный образ небесного покровителя собора - Михаила Архангела, разрушителя стрел и козней лукавого. О, как необходим и дорог он каждой верующей душе, исстрадавшейся в бурных волнах житейского водоворота! Небесный архистратиг, благостно принимая верующее благоговейное лобызание своего чудотворного образа, отгоняет демонов, ищущих уловить в свои сети неопытных людей.

Вот какие святые иконы в соборе - твердыня веры и Православия, радость и слава христиан! Эти великие святыни до отца Валентина как бы не замечались молящимися, были плохо и мало ценимы. И вот пастырь, вступив в этот забытый, покинутый собор, горящим пламенем своего неугасимого светильника веры зажег везде бесчисленные свечи и осветил весь собор, озарив раньше окутанные сумраком драгоценные святыни чудотворных икон и мощей угодников Божиих, почивающих в соборе.

***Рака с мощами царицы Димитрия
в Архангельском соборе***

Быстро исчезла нависшая повсюду паутина, стерлась пыль и плесень, обновлена была живопись, тщательно выметен сор, украшены покровы и пелены, навешены красивые венки; собор предстал в такой красе, в таком величии, что все невольно поразились такой быстрой, дивной перемене...

Даже гробница Иоанна Грозного, находящаяся справа, около алтаря, и та стала привлекать к себе молитвенное внимание православно-русских посетителей собора. Нередко можно было видеть, как приходили служить панихиду по этому грозному государю, так много памятно всем своим гневом и самовластием. Этот властелин и строгий каратель подданных, гроза запуганных жителей, являлся теперь как бы ходатаем и покровителем всех пришедших к его гробнице помолиться об упокоении его души. Приходящие твердо верили, что кто отслужит панихиду по Иоанне Грозному, тому посылается небесная помощь в устройстве его дел, устраняются несчастья и затруднения.

Опытные в духовной жизни люди объясняют это так: царственный мученик отрок Димитрий в благодарности за почтение памяти своего державного родителя, предстоя у Престола Всевышнего, испрашивает у Господа благодатную помощь всем пришедшим помолиться к гробнице Иоанна Грозного и отслужить по нему панихиду.

**Чудотворный образ "Благодатное небо"
(слева от царских врат)**

Вот какое обилие благодати и милосердия источалось в соборе! Вот какая святость, свет и благоухание незримо ощущались повсюду. Все было полно небесной красотой и благодатью, невольно чувствовалось, что находишься не на земле, среди греха и порока, а где-то далеко-далеко от всего суетного, развращенного и греховного. Все это раскрыл нам дорогой батюшка, все познали мы через него и с помощью его! Разве могли бы мы так крепко верить и умиляться, если бы не его пламенные моления, обращенные к святыням собора?

Вот он стоит перед чудотворным образом Царицы Небесной "Благодатное Небо", стоит и весь отдался пламенному молению! Разве можно без слез умиления смотреть на него? Разве можно было не проникнуться духом веры и трепета при виде его дерзновенного обращения к Самой Владычице, Которую он всей силой своей пламенной души просил облегчить скорби и страдания людские!

Одно его молитвенное возношение способно было озарить души пламенной верой и надеждой, умягчить сердца окружающих. Послушали бы вы только, как он читал прошения акафиста, и поняли бы, что это была одна горячая, несокрушимая вера, самоотверженная любовь к страждущим, всецелое устремление духа к горнему миру. "Помоги, Владычица! - слышалось в его мольбах.- Помоги, Тебе все возможно, мы знаем, мы твердо веруем в это..." И душу свою полагая за други своя, он рад бы был сам принять на себя их скорби и печали, только бы утешить и успокоить изнемогих в житейской борьбе.

О незабвенный, дорогой пастырь! Каждое мгновение твоей благодатной жизни было лучезарно, дивно, благотворно; все в тебе сияло любовью, милосердием, благостию, духовным величием и могуществом! Как мощный орел, ты витал над своим многочисленным стадом, направляя всех ко благу и спасению. Лишь только ты замечал, что кто-либо ослабевал, уклонялся, сейчас же отрезвлял того и направлял на правильную стезю христианского добродетельного поведения!

Вот подходит батюшка к мощам царственного отрока, прикладывается, лобызает святые останки! Какая глубина веры, благоговения, умиления! Он лобызает их с великой радостью и любовью, как бы желая дать понять своей пастве, что и она с величайшим чувством веры и благоговения должна прикасаться к святым мощам отрока-страдальца... Всей силой своей пламенной души он молит царственного страстотерпца о всех болящих, страждущих, умирающих, несчастных, прося его ходатайства за них пред Господом.

И паства, с благоговейным трепетом взирающая на это пламенное воззвание и изливание души своего дорогого пастыря, сама начинает все больше и больше проникаться пламенем веры и любви к мученику-отроку, сподобляясь по молитвам святого царевича небесных милостей от Господа.

Приложившись к мощам святого Димитрия-царевича, батюшка подходит к святым мощам мучеников - князя Михаила, замученного в Орде, и боярина его Феодора. Опять то же умиление, благоговение, те же горячие слезы, мольбы и непреложное упование на молитвенную помощь сих угодников. Прикладываясь к святым останкам мучеников, благоговейно лобызая их, батюшка как бы говорил своей пастве: "Смотрите, дети мои, вот вам высокий пример подражания, столпы веры и Православия, которые своей мученической смертью показали, как надо крепко, непоколебимо стоять

за веру и истину. Они не утраивались никаких мучений, твердо стояли за Христа, за свою святую родину, за драгоценную святыню Православия! Смотрите и поучайтесь!"

Горячо любила паства своего дивного пастыря. Вся она, точно один человек, как бы так говорила ему: "Делай с нами что хочешь, веди нас куда хочешь, наказывай нас как хочешь, только не бросай, не отгоняй от своего светлого, благостного лица, не лишай своих спасительных речей и наставлений!"

И батюшка высоко ценил эту горячую любовь и преданность, ему приятно было, что его духовные детки, несмотря на свои немощи и слабости, все-таки имеют в сердцах искру Божию, горящую в них тихим неугасимым огоньком веры и добра. Он видел, что они понимают все его великое попечение о них, его пастырские труды и самоотверженные подвиги для спасения их, он видел, что брошенное им семя веры и добра падает на хорошую, плодородную почву, начинает приносить посильный плод доброделания, и утешенный пастырь еще с большей энергией, несмотря на упадающие, изнемогающие силы, принимался за дальнейшую ревностную работу духовного руководства и пастырского душепопечения.

Вот каков был великий пастырь, всего себя отдавший для спасения своих ближних.

Интерьер Архангельского собора

Кипучая пастырская деятельность батюшки на благо и спасение людей

Рассмотрим один день труженической деятельности батюшки и пойдем, чем он был наполнен и ознаменован.

Вот толпа собралась в церкви. Ждут батюшку. Чинно, по порядку расставившись, все со страхом, с благоговением дожидаются его и трепещут...

Какая разнородная толпа!

Прибежало детство-мальчишество, ухарски выставившись вперед; пришла степенность, зрелость, плотно разместившись на виду; приползла старость, дряхлость, кряхтя и пристроившись в уголку. Молоденькие девушки, изящные, скромно, смиренно дожидаются, слегка перебрасываясь между собой малыми словечками; пожилые, болезненные, скорбящие лица уныло, с нетерпением ждут батюшку-утешителя, зная по опыту, как он одним благословением, одним ласковым словом, сразу снимает многолетние тяжкие скорби и страдания.

"Батюшка едет", - торжественно-радостно раздается в толпе, все толкуются и смешиваются в массу, беспорядочно стремящуюся вперед.

Вот появляется сам пастырь.

Точно сразу все озаряется кругом. Благоговейная дрожь страха и трепета невольно охватывает толпу.

Пастырь медленно начинает проходить среди множества людей. Трудно ему проходить среди тесно сжавшейся многочисленной толпы, среди общего гула просьб и обращений.

Вот несчастная мать просит с горячими неутешными слезами за "непутевого" сына; вот бедная вдова изнывает в безысходной крайности с малолетними детьми; вот страдальца-жена, брошенная

мужем, изнемогает в семейной неурядице; а там жалкие сиротинки-девушки, предоставленные бурям и вихрям окружающей житейской сумятицы; тут вот бездельные, безместные, бывшие труженики-рабочие; тут и гордые, еще не смирившиеся богачи, знатность,- все спешит, толкается и осаждают пастыря, который кротко-любяще благословляет и утешает собравшуюся толпу.

Вслушайтесь, что говорит батюшка, и вы поймете, сколько благодати, сколько дивной мудрости в его знаменательных речах; ни один звук его голоса, ни одно малое, простое словечко не говорится попусту - все полно такого вдохновения, такой веры и любви, что невольно проникаешься величайшим благоговением к этому служителю Божию, который при своем духовном величии снисходит к грешным, скорбящим, слабым людям, чтобы утешить, вразумить и освятить их!

Уже при одном таком шествовании к алтарю сколько людей утешено, спасено, осчастливлено! Сиротинки как бы вновь получают ласку и наставление родителей; вдовы-нищенки - достаток и убежище; безработные - место и деятельность; немощные - здоровье и силы.

О дорогой, благодатный пастырь! На всех ты один, всех ты радуешь, живишь, держишь! Не будь тебя, скольким бы несчастным пришлось погибать с отчаяния и нищенства, сколько разлилось бы кругом греха, порока и заблуждения, сколько молодых девушек не сияло бы прелестью чистоты и благочестия, сколько детей возросло бы в порче и гибели.

А пастырь тихо идет все дальше и дальше. Вот подают ему записки с просьбой помолиться за болящих, за усопших. Некоторые записки батюшка принимает охотно, другие же с тяжелым вздохом.

Что это за больные, о которых предстоит ему молиться? О, это большею частью безнадежные, опасные, умирающие больные. Неизлечимая болезнь рака, скоротечная чахотка, острые воспалительные боли, близкие к печальному концу,- все это приносилось к пастырю со всех концов Москвы, даже из ближних и дальних городов России. Трудные, опасные операции, мучительные переломы членов, дифтеритное горловое страдание - все это стояло перед пастырем и с самой горячей мольбой просило о помощи и облегчении. И пастырь с величайшим ангельским чувством сострадания, весь проникнутый важностью своего долга, бережно собирал все подаваемые записки и, доканчивая благословлять собравшуюся толпу, нес их в алтарь.

Вот он и в алтаре. Облачившись в священные одежды, он выходил к царским вратам, начинал молиться и испрашивать у Господа благословение на предстоящее служение. Всею пламенной душой призывал он Господа, прося Его утешить и облегчить душевные страдания горемычной братии, обращающейся к нему со скорбями и горестями; всем пламенным порывом мольбы и призывания просил он Всеблагото Человеколюбца спасти и обновить души, доверчиво и с любовью обращающиеся к нему, просил утешить, успокоить несчастных, угасить физические их боли, со смертного одра болезни восставить здоровыми и невредимыми.

Но это только еще начало службы, только еще приготовление к ней; начиналась утренняя исповедь.

Таинства Покаяния и Причащения и раскрытие батюшкой их великого значения для людей

В таинствах исповеди и Причащения совершалось наивысшее благодатное возрождение верующей души.

Сколько при исповеди требовалось от пастыря трудов и усилий, чтобы умягчить душу грешника, довести ее до сознания своей греховности и возбудить стремление к добродетельной жизни! Глубоко вкоренившиеся страсти, пороки, распущенность, жестокость, гордость, лихоимство - эти ужасные корни приходилось вырывать со страшным трудом и усилием. Вот злоба и ожесточение змеями обвилились вокруг сердца человека: попробуйте-ка сдвинуть и потревожить их, попробуйте-ка расправиться с ними и навсегда изгнать их из сердца! Вот пьянство, разврат, разнузданность омрачили образ Божий в человеке - как их устранить, возжечь искру духовной ревности и возобновить омраченный образ Божий?! Всесильная благодать Божия помогала здесь великому пастырю, осеняла его труды ореолом небесной помощи и подкрепления.

Змеевидные страсти: пороки, извращенные наклонности, неверие,- все это уничтожалось победоносцем-пастырем, который был неотразимо величественен со своим щитом веры и благодатной помощи свыше. Измученная, израненная пороками душа мало-помалу начинала освобождаться от них, излечиваться от мучительных ран; проникнутая доселе гордостью и высокомерием, она начинала понимать небесную красоту смирения и послушания; человек, раньше работавший греху, теперь становился усердным рабом Христа. И все это делал один пастырь, все это он со своей благодатной

мудростью и вдохновением. Господь невидимо пребывал с ним и вразумлял его силой Своего всеведения и всемогущества. Да, это были поистине спасительные исповеди!

Бесчисленное множество исповедников и исповедниц стремились к батюшке, желая попасться ему на глаза, хотя это было совсем лишнее. Батюшка брал на исповедь по указанию Божию. "Я тех беру, кого мне Сам Господь велит взять" - вот что иногда говорил батюшка, наводя этими словами такой трепет на собравшихся, что невольно они начинали каяться и с самым искренним сокрушением обращались к Господу, прося Его не лишить их сей небесной радости.

Не раз приходилось видеть, как кто-нибудь из передних с рыданием умолял батюшку взять его на исповедь. Но батюшка, несмотря на свое сострадание к скорбящим и рыдающим, резко отвергал их просьбу. "Разве я могу это сделать, если Господь не велит" - вот что слышали неудачники при своих неуместных приставаниях. И пастырь оставался непоколебим, несмотря ни на какие вопли и рыдания; он являлся строгим исполнителем воли Божией, строгим карателем недостойных грешников.

А измученные грешники при таком горестном неудовлетворении проникались чувством раскаяния, чистосердечного обращения ко Господу и горячими слезами низводили на себя милосердие Божие. Если в этот раз им не удавалось очиститься таинством исповеди, то вскоре же они получали благоволение Божие, принимались батюшкой на исповедь охотно и ласково.

Надо было видеть эти одушевленные лица, сияющие небесной красотой после таинства святого Приобщения; надо было слышать их горячие молитвенные возгласы, чтобы понять, какое великое таинство духовного обновления совершалось в этом храме!..

Но духовным детям батюшки не нужно было изображать наслаждение от достойного предвкушения Божественной Пищи: они сами с ненасытной жаждой стремились к сему таинству, сами считали за величайшее счастье чаще приходить на исповедь и почаще приступать к превеликой Трапезе.

Они усердно готовились к этому, умоляли Господа принять их и подпустить к Своему Пренебесному Жертвеннику по молитвам их великого духовного отца, они и его умоляли взять их на исповедь, и если они недостойны, то походатайствовать перед Господом, чтобы Он ниспослал им это величайшее счастье, которого они постичь не могут, но которое воспринимают всем своим глубоко сокрушенным, глубоко кающимся сердцем.

И пастырь, сам изнемогая, сам обременяясь их грехами, умолял Господа за них, чтобы Он, Человеколюбец, невзирая на их грехи и недостойнство, сделал бы их причастниками и причастницами жизни вечной. "Я ваши грехи на себя приму", - бывало, говорит он своим глубоко сокрушенным исповедникам и исповедницам и, накрыв их своею епитрахилью, убеждает их паче снега.

Освобожденная от тягостных оков греха, воскриленная духом веры и бесконечной благодарной любви ко Господу, душа-христианка ощущала поистине небесное блаженство, ощущала сладостное присутствие Бога и приступала к Божественным Дарам с такой чистой, безграничной радостью помилования от Господа, что невозможно было без умиления смотреть на эти верующие разгоряченные лица, которые были неподражаемо прекрасны, сияя чувством радости, счастья и умиротворения.

Непостижимая тайна Божественных Даров раскрывалась верующим, любящим Господа в особенности своим Божественным целением: всех опасно, безнадежно больных, стоящих на краю могилы, батюшка врачевал сей Божественной благодатью, он давал понять неопытному, духовно неразвитому человеческому разуму, что Пречистые Тайны - это величайшее, надежнейшее врачевство души и тела, дальше его уже некуда идти, в нем полнота чудесности и благодати Человеколюбца, источник святости и отрады, с ним все возможно человеку, без него человек - ничто. И святое таинство Приобщения стало настолько дорого и необходимо верующим, что без него они не могли жить, дышать, чаще и чаще хотелось им соединиться с Господом, в этом соединении они видели цель своей жизни, своих стремлений и желаний.

Вот какую великую задачу исполнил незабвенный пастырь! Дать блаженное счастье людям на земле, дать понять их слабым омраченным сердцам величие и неизреченную сладость Божественных Даров, которые даровал нам Сам Сладчайший Спаситель Своими крестными страданиями, - о, это заслуга, достойная величайшего дивного пастыря стада Христова!

Самоотверженность пастыря и его жертва для спасения людей

Незабвенный пастырь и молитвенник, усердно трудившийся над исправлением грешников, принимавший на себя их грехи, пламенно молившийся о них пред Богом, наконец как бы самого себя принес в жертву за любимую паству, лишился зрения. Он уже не мог служить в храме, обреченный на ужасную тьму и страдание.

Глаза лучистые, зоркие потухли и померкли, зрение пропало, благодатное служение в храме

окончилось, наступила тихая, скромная жизнь пастыря в домашней обители.

Какими словами и выражениями можно изобразить ужас и отчаяние паствы, кто опишет ее страдание, ее неутешную скорбь, когда она увидела своего дорогого пастыря-праведника с мутными глазами, с трудом, охваченного выходящего к посетителям. Кто может изобразить ее душевное смятение, ее упреки совести, когда она, поняв свою вину перед пастырем, увидела его в таком состоянии страдальчества и лишения.

Дивный страдалец-пастырь! Возложив на свои рамена бремя беззаконий и неправд людских, увенчанный как бы страдальческим венцом, он был дивно прекрасен.

Каково было терпеть это страдание неустанному, вечно бодрому, вечно деятельному труженику-страдалцу! Лишиться зрения, потерять самый дорогой, самый необходимый для человека орган - это ни с чем несравненное, ничем не вознаградимое ужасное несчастье. Лишиться глаз - это тяжелее, чем лишиться рук, ног или вообще других членов или органов.

Сам батюшка, желая показать своей пастве, сколь тяжело его страдание, часто говорил с великою скорбью: "Лучше не было бы у меня рук, ног, но только бы осталось зрение", - как бы давая понять своим духовным детям, что они отняли у него, что они доставили ему своим нерадением и суетливостью.

Разве он мог перенести, что эти чистые, непорочные девушки, в блистании духовной красоты и целомудрия, после его смерти войдут в обыкновенную сферу слабости и распущенности; разве он мог допустить, чтобы эти духовно испытанные вдовы, совсем уже уготовившие себя на блаженную чистоту непорочности, опять вступят в союз брачности и общения; разве он мог допустить, чтобы эти юноши, духовно выдержанные и благодатно настроенные, посвятившие себя на духовные подвиги поста и молитвы, опять отклонятся к греху и невоздержанию; разве он мог перенести, чтобы эти вдовцы, вступившие на должную стезю благонравия и порядочности, опять уйдут в трущобы пьянства и разврата; разве он мог допустить, чтобы эти почти праведные старцы и старицы, совсем уже устремившиеся на духовное делание и помышлявшие о небесном блаженстве, вдруг уже на краю гроба пойдут по пути мирских утех. Да, все это могло случиться после его смерти, которую он, конечно, за шесть лет провидел, когда Господь возложил на него тяжелый крест, схиму-слепоту. Нужно было отрезвить грешную паству - дать ей грозное предостережение.

Вот каков был пастырь-подвижник, тихо, незаметно проживший в маленьком домике, сокрытый от любопытных, недостойных глаз пустого, извращенного мира. Тихо, незаметно проведена была им преславная жизнь, каждой минутой направленная на благо и устройство своих ближних. Да, она прошла тихо, как бы незаметно, но сколько было вытерплено тяжкого страдания, физической беспомощности, изнеможения, особенно за последние шесть лет.

"Такой шум в голове - точно паровик там шипит", - бывало, жалуется дорогой пастырь, давая понять своим духовным детям, сколько непосильного, тяжкого мучения доставили они ему своими греховными действиями.

Его паства, его любимое детище, на которое положено было столько трудов, молитвы и подвигов, на которое пролито столько чудес, эта паства сплетала ему венок страдания; свою нерадивостью, беспечностью, неряшливостью она подносила ему чашу мучения, дала пастырю шестилетнее тяжкое бремя испытания, самого тяжелого, мучительного, перенести которое только и могло величественное, поразительное терпение праведника.

Чье окаменелое сердце могло бы устоять при виде согбенного страдалца, лишенного даже возможности продолжать свои прежние многосложные занятия?

Благоговейное служение в храме, глубоко утешавшее праведника, приношение бескровной жертвы Тела и Крови Христовых - все это сделалось недоступным, невозможным для самоотверженного подвижника.

Высокий талант письменного труда не мог найти себе удовлетворения за невозможностью передать его на бумаге и тем сделать его общим желательным достоянием духовной людской жажды - он должен был замереть; непросмотренные, непроверенные рукописи дивных его сочинений уныло лежали и как бы жаловались на свою осиротелость, на свою заброшенность.

Бесчисленные письма, мольбы и скорби лишились личного доступа и приема, должны были довольствоваться кратким ответом чрез посредников...

Все померкло, поникло, приуныло, осиротело. Бедненькие сиротки-книжки, которые целыми шкафами возвышались в комнатах, уныло призывая к себе, лежали одинокими и все ждали, когда-то хозяин сжалится наконец над ними и опять будет читать их. И вот пастырь, как бы сострадавая их горю, начинает ощупывать их и ласкать, как бы утешая их, что он помнит и любит их, но что не может теперь заняться книгами. "Это все друзья мои", - слышатся ласковые, нежные слова, и бедные сиротинки, как бы понимая и высоко ценя такую ласку, успокаиваются и утешаются.

А пастырь, дорогой, бесценный пастырь, ощупью по стенке проходит через комнату. Вполне знакомый с расположением комнат и с обстановкой в них, он может еще соразмерять места

предметов, может даже сам переходить из одной комнаты в другую, тихо, нетвердо, тяготясь монотонностью наступившего тяжелого состояния мрака.

Лишиться божественных служб, лишиться предстояния пред престолом Божиим, довольствоваться тихой, однообразной домашней жизнью при высоких дарованиях общественного служения - это могло вынести только ангельское терпение великого праведника.

Вот какую тяжелую "схиму" понес в конце своей жизни дивный пастырь!..

Пастырское попечение батюшки о ближних за последние шесть лет его жизни

Вот какой славный подвиг совершил сей родимый батюшка для своей паствы, всепрощающе продолжая любить ее и заботиться о ней, несмотря на свое тяжкое страдание. Сострадав ее тяжелому горю - лишению благодатного общения с ним в храме, он широко раскрыл двери своего домика, как бы приглашая свою паству посещать его по мере надобности и духовного стремления.

И многочисленные толпы скорбящих, угнетенных, обездоленных неудержимо устремились к благодатному домику, сильно смущая этим старую няню, не успевавшую докладывать, не успевавшую удовлетворять всех жаждущих повидать досточтимого пастыря или хотя получить заочно его милостивое слово и мудрое указание. Она плохо понимала, что светоч, зажженный Самим Господом, не должен был оставаться под спудом.

Много высокоумных, назидательных рацей приходилось выслушивать скромным, незначительным посетителям от этой верной охранительницы батюшкиного покоя; много строгих укоров и упреков за недостойное злоупотребление добротой пастыря приходилось получать приходившим от этой верной рабы, возмущавшейся такими неисчислимыми требованиями от батюшки советов и указаний,- но ничего не помогало.

Паства, по-детски привыкшая обращаться во всех важных случаях и обстоятельствах к своему руководителю, шла к домику, слезно моля Господа допустить ее до пастыря, дать возможность получить его благословение и мудрое указание на запросы и недоумения. И слабый, изнуренный, согбенный праведник, весь физически и нравственно измученный людскими неправдами, слабыми шагами выходил к народу, сразу обливая приходивших лучами своего благодатного света.

Уже померкли, не видели внешние очи, но внутреннее духовное прозорливое око, как и прежде, сияло во всей силе, мощи и величии, приводя в благоговейное изумление посетителей. Светлый, лучезарный вид пастыря, благоухание его святости - все это было столь трогательно, величественно, необыкновенно, что никакими словами и выражениями невозможно описать всего, что чувствовалось при вступлении в эти светленькие, простенькие комнатки. Это было неземное наслаждение; кажется, так бы без конца все стоял и стоял в этой обители чудес и прозорливости старца, который еще заранее, по особенному откровению свыше, провидел, кто с какими нуждами и недоумениями придет к нему и о чем будет просить и беседовать.

И вот праведника выводят - он в зале; подходят посетители, их называют по имени или фамилии. Старец мудро и прозорливо, иногда иносказательно, иногда грозно-карающе, иногда ласково-любяще принимал своих гостей и каждому с силою давал понять, что он должен дорожить его словами и наставлениями и точно выполнять его указания, советы или требования.

11 и 12 часов были часы общего приема: тут бедные, богатые, низшие, высшие, малые, взрослые - все могли стучаться к пастырю и взывать к его милосердию. Никому не отдавалось особого предпочтения - здесь самый последний нищий ставился в ряды представительных посетителей, встречая ласку, привет и участие дорогого пастыря. Здесь самый недостойный, глубоко падший грешник становился для батюшки дорожее всех сокровищ. Он обнимал его своими праведными руками, с любовью прижимал его к своей отеческой груди и великими усилиями, великими мольбами ко Господу приобретал в стадо Христово заблудшую овцу.

Не гнушался сей дивный пастырь ласкать и целовать какого-нибудь погибающего человека, не гнушался его греховной непривлекательности, а начинал медленно и благодатно очищать и возрождать. Благоухание святости настолько было велико и целебно, что гнойность порока быстро начинала спадать с грешника и освобождать внутреннюю сердцевину души. Страсти, пожигаемые благодатным огнем, исчезали, уступая место добродетелям. Вера, лучезарная, прекрасная вера, насаждалась как первое необходимое, драгоценное сокровище, а за нею неудержимо стремились в душу и другие христианские добродетели. Вот доброта, кротость, терпение и смирение, как желанные дорогие гости, охотно вступают в просветленное сердце; вот жалость, сострадание, отзывчивость, как родные дружные сестры, тоже просят приюта и гостеприимства, а там горячая любовь ко Господу и к ближним, как ореолом, венчает главу, так чудесно и благодатно воздвигнутую из пропасти греха и падения...

Дом, где в последние годы жил отец Валентин

Но каких слез, каких горячих молений стоили батюшке многие испорченные создания, каких неустанных хлопот требовали они при своем начинающемся духовном возрождении! Прежняя заманчивая греховная жизнь тянула назад, призывая к прежним светским утехам и отвлекая душу от веры и молитвы. Надо было помыслы этих слабых людей собрать воедино, направить к горнему, небесному, надо было приучить их к молитве и воздержанию, надо было смирить их гордость, кичливость, самолюбие - эти пороки с величайшим трудом вырывались из потаенного хранилища сердца; бурливые, извращенные натуры становились тихими, смиренными личностями, озаренными светом веры и Христовой истины.

Но и теперь много еще предстояло дела дивному пастырю. Духовная гордость, этот бич подвижников, очень часто губит людей, направившихся на духовное делание. С этим ужасным злом особенно долго приходилось бороться славному пастырю. Иногда оно не уступало никаким советам, просьбам и наставлениям. Требовалось иное целение, требовалось уничтожение собственного "я" в человеке, требовалась особенная благодатная опека, которая могла бы постепенно преломить волю человека и привести его к смиренному сознанию своего бессилия.

Как же выполнял славный пастырь такую мудрую работу? Он при всех карал, обличал самоуправство, гордость и кичение; он громил обличениями человека, выставляя на вид его темные качества, его самоволие, самочиние и тому подобное.

Вот, например, подходит к батюшке молодой член семьи, который, будучи направлен им на духовные подвиги, в своем ослеплении слишком много возмнил о себе и не стал подчиняться родительской власти. Разве мог пастырь, видя такое извращение духа, допустить раздор в знакомой ему семье? Разве он мог допустить, чтобы юное гордое существо стало бы превозноситься над любящими его родителями, положившими на воспитание сына все свои силы и здоровье? И вот пастырь при всех строго обличает гордеца, укоряет, грозит гневом Божиим - одним словом, так усмиряет гордость юной души, что она бросает прежнюю кичливость и проникается смиренным сознанием своего недостойнства.

Глас обличительной и любящей мудрости увенчивался всегда желаемым успехом - гордость уступала место смирению, привлекавшему благодать, по слову Писания: "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать" (Иак. 4, 6). Вот этого-то так старательно и добивался славный пастырь, этого-то и просил сей преславный священнослужитель у Царя Славы для своих малых еще, слабых, неокрепших деток, вот это-то истинное христианское смирение, которое ему удавалось насадить в людях долговременными заботами и трудами, несказанно радовало и утешало его.

Враг больше всего ненавидит смирение и посрамленный бежит от него, он не может уязвить кроткую, смиренную душу, так как она при всех своих слабостях и ошибках всегда устремляется ко Господу Владыке, Который Сам был величайшим образом кротости и смирения: "Яко кроток есмь и смирен сердцем" (Мф. 11, 29).

Из таких-то сердец, как из мягкого воска, батюшка лепил "сосуды Божии" по указанию свыше: одних предназначал к непорочной девственности, других к доброй семейной жизни, третьих готовил к общественной деятельности.

Все это тихо, скромно, незаметно совершалось в смиренном домике пастыря, очищавшего и возрождавшего целые тысячи погибавших несчастных людей.

А совершаемые по его молитвам бесчисленные исцеления, как яркие звезды, освещали жизненный путь скорбящим и обездоленным людям. Это были такие дивные исцеления, что невольно приходилось изумляться силе благодати Божией. Скелет, полумертвец вдруг поднимался со смертного ложа и, глубоко потрясенный, просветленный, являлся опять в свет, прославляя милость Божию.

Грозная чахотка, совсем уже приведшая свою жертву к воротам загробного мира, вдруг пресекалась на степени уже сильного развития, приводя в изумление медиков. Неизлечимый рак вдруг покорно приостанавливался и исчезал при одном только сообщении о нем праведнику. Всевозможные опасные тифозные страдания - и они не могли долго удержаться в человеке при великих, благодатных молитвах пастыря.

Множество чудес совершал дивный пастырь и в области житейских невзгод. К нему шли обо всем бесчисленные личные и письменные просьбы. И он милостиво выслушивал, благословлял, утишал скорби, страдания, вопли, рыдания. Там бесконечные ссоры, распри, неурядицы поднимались широкой волной и ложились тяжелым гнетом на сердца людей. Отцы, матери, дети, падчерицы, пасынки, зятья, невестки - все восставало и шло друг против друга - надо было их всех уставить по местам, дать им должный "режим" и направление.

Случалось, какие-нибудь недостойные мелочи, сплетни закручивали и приводили в великое смятение целые семьи; там напрасные доносы и жалобы доставляли душевное страдание несчастным людям; здесь обман и коварство приводили к гибели неопытных людей,- все это спешило для неотложного врачевства в смиренный домик пастыря с надеждой получить там мир душевный, счастье и отраду измученному сердцу.

А больной страдалец-пастырь все больше и больше обременялся трудами над морем человеческих скорбей и страданий. "Не плачь, деточка,- кротко-любяще, бывало, успокаивает он несчастную, нравственно измученную личность,- я грехи твои на себя возьму". И любвеобильным благодатным врачевством снимает ее многолетнее греховное бремя.

Такова была деятельность великого пастыря, очерченная только слегка и поверхностно; какова же была глубина и дивная красота ее тайного внутреннего богатства, сокрытого от внешних наблюдений!

Внешнее злобное недоброжелательство как неизбежный удел праведников

Тайное, благодатное действие мудрости и прозорливости, великий дар врачевства и исцеления, сила обновляющей и просветляющей любви - все это, исходя из чудного источника пастырской благодати, озаряя тысячи людей, прикрывалось великим смирением пастыря, избегавшего суетной славы людской. Врачуя и благодатно исцеляя, он желал оставаться вне всякой огласки и восхваления. Даже больше того: своими особенными, подчас непонятными для других действиями он иногда возбуждал некоторое непонимание и превратные толки о его пастырской деятельности.

Видя, что батюшку особенно осаждают и тревожат женщины, злобная клевета осмеливалась это ставить в вину праведнику и высказывать гнусные подозрения...

Безбожная гнилая молва, столь презренная и недостойная, видимо, доходила и до самого праведника-пастыря, он иногда говорил некоторым своим близким людям: "А про меня-то что говорят",- глубоко скорбя о таком ослеплении и ожесточении людском.

Да! Недостойная молва духовно ослепленных людей по-своему объясняла любовь пастырского сердца к женщине, в силу своего "женского", второстепенного положения часто приниженной, забитой, изнемогающей... Женщины!.. Вот что смущало пошлую извращенность мирских болтунов! Пастырь и женщины... это казалось несовместным с понятием о святости и праведности! Это казалось неправильным, недолжным, нежелательным.

А между тем не могли понять все эти злые пустословы, что дивный пастырь был настолько отрешен от всего земного и чувственного, что мог сказать о себе словами преподобного Серафима Саровского, изрекшего по поводу упреков на частое обращение с женщинами: "Я телом ко всему мертв!.."

Клеветать на чистоту и святость праведника-батюшки - это значит оскорбить Духа Святаго, Который уже вполне очистил и освятит духовную храмину Божьего служителя, пятьдесят лет проработавшего на Божией ниве, имевшего дело со всевозможными индивидуумами и привыкшего смотреть на них лишь как на создания Божии, не различая ни пола, ни возраста. Мог ли его ум, наполненный созерцанием божественных красот, увлечься какими-нибудь земными, суетными помыслами?! Мог ли он, полный райских неизреченных видений, утешаться какими-нибудь земными пустыми впечатлениями?

Нет! Праведник, во всем величии своей чистоты и лучезарности, задавшись благою целью спасти и озарять женщин и девиц, этих особенно слабых и немощных созданий, понимал, что только высшая неприкосновенная твердыня духовной чистоты может создавать из них христианские целомудренные

натуры, способные со своей стороны, подобно светлomu маяку, нравственно воздействовать на окружающих.

При всей своей одухотворенности пастырь особенно старался лаской и любовью располагать к себе женщин, чтобы они, отдавши ему свою душу, прониклись бы горячим стремлением к религиозной жизни и не стремились бы на путь обманчивых мирских утех и соблазнов.

Вот почему многие девушки, даже готовившиеся вступить в брак и в семейные радости, найдя в батюшке высокое осуществление духовного идеала, становились как бы монашенками, посвящали себя Небесному Жениху и благодарили Бога за такого великого, дарованного им пастыря-учителя, ревностно устремляясь на путь духовных подвигов под благодатными браздами батюшки-игумена.

Вот почему вдовы, увлеченные кратковременными, только что пережитыми семейными радостями, уже приготовившие себя к дальнейшему подобному существованию, озаряясь батюшкиной благодатью, вдруг круто переламывали свои суждения, мысли, наклонности, отбрасывая свои прежние суетные помыслы и намерения.

Вот почему семейные женщины, неустойчивые, своим легкомыслием возбуждавшие прежде сцены семейных раздоров, при спасительной помощи батюшки становились достойными Сарраами и Ревекками, воспитывающими в духовном направлении свою детвору - будущее поколение православного русского народа.

Вот почему и старицы, вечные ворчуньи, ропщущие на неудовлетворенность прожитой неправильной жизни, вдруг умягчались, утихали под действием неземной ласки и любви пастыря, в вере и покаянии доканчивая свою тихую жизнь.

Вот чем становились женщины при этом благодатном пастыре, вот чего достигали они под его благодатной опекой и руководством. Как сметь после того хотя малым звуком непочтения оскорблять великую пастырскую деятельность! Как не преклоняться, не умиляться перед таким пастырем, который обыкновенных светски настроенных девушек переучивал, перестраивал, приуготавливал быть невестами Небесному Жениху и тем ходатайствовал им от Господа неизреченное блаженство в вечности!.. Многие из них уже сподобились в чистоте и девственности предстать ко Господу и малым своим деланием на земле стяжать вечные блага на небе.

Все это делал дорогой, неоцененный батюшка, который при своих великих неустанных трудах, при своей поражающей любви к ближним часто должен был с прискорбием наталкиваться на презренную неблагодарность, гнусную клевету и злоязычие.

Духовная тактика батюшки при борьбе со злом

Были семьи, где все члены глубоко чтити и любили батюшку, но были и такие, где происходила тяжелая борьба добра со злом. Одни из членов, придя к батюшке, сразу озарялись его спасительной благодатью; другие, в противовес им, начинали всячески негодовать на такой духовный переворот. Происходила тяжкая, продолжительная борьба. Подстрекаемые тайными вражьими ухищрениями, "левые" возмущившиеся члены жестоко преследовали, мучили, давили "правых"; часто дело не ограничивалось семейной домашней сумятицей, а несло, летело к пастырю, причиняло ему немалое беспокойство.

Смиранный, ангелоподобный служитель Христов, бывало, только поникнет своей старческой главой и, глубоко вздохнув о духовной слепоте людей, начнет свою пастырскую "полемику".

Вот, например, приходит к нему возмущенная пожилая барыня-мать. Нервная, раздраженная, она сбивчиво, путано начинает передавать свои законные требования, основанные на материнской власти.

Как не огорчаться ей и не требовать повиновения от ея воспитанной и взлелеянной дочери, на которую она потратила свои силы и здоровье. И вдруг это единственное, любимое ее детище, единственная отрада и поддержка в старости, отнята у нее, взята, оторвана. Нет! она не может этого допустить! она должна ее вернуть к себе! Какой ужас! Ее дочь сделалась ханжой, бегаёт постоянно в храм и оставляет мать одну. Так не должно продолжаться, и вот, собрав весь запас своего возмущенного родительского героизма, мать направляется прямо к батюшке; можно посудить, какими словами и выражениями "сыплет" она, выходя даже из границ деликатности.

Но батюшка не обижается такому вторжению. Нет! он своей ангельской сострадательной душой понимает страдания любящей матери, он видит ее измученное материнское чувство и внимательно охраняет ее права. Батюшка, насколько возможно, начинает озарять благодатью и ее душу, направляя к спасительной желанной пристани; отечески ласково он показывает матери, что напрасна

и неосновательна ее боязнь о таких поступках ее дочери, по благодати Божией направленной на необходимый путь спасения, и мало-помалу, озаривши сперва дочь, старец радостно потом присоединяет и мать к одному общему духовному стаду.

Все это совершается не всегда быстро, а часто с некоторыми неприятностями, столкновениями, недоразумениями, укоридами.

Бывали и такие случаи, что негодующие родные совсем не воспринимали благодати батюшкиного просвещения - возникала довольно печальная кутерьма семейного неурядиства, семейной разладицы. Несчастливые дочери подобных "самодовлеющих" родителей становились как бы горькими "уродцами" семьи, на которых постоянно обрушивалась неудовлетворенная материнская воля.

Но батюшка, как пастырь Христов, не давал много воли дочерям, строго подчиняя дочек законному родительскому "режиму". Он, как священник, властно требовал исполнения пятой заповеди и нарушительниц наказывал тяжкой, продолжительной епитимией.

Не разделяя чувства подобного материнского возмущения, он иногда гнал из своего храма и дочерей, если видел, что матери сильно скорбят по поводу долгого отсутствия своих дочерей из дома. Он делал это для общего блага, чтобы не усиливать вражды, не усугублять искушения, и в то же время горячо, горячо молился и глубоко скорбел о таком печальном семейном неурядистве, умоляя Господа смилостивиться и загасить огонь кровного восстания и противоборства.

И Всемиловитый Спас умирал сердца враждующих, благодатно водворяя мир и порядок: матери успокаивались, а дочери, будучи опять "отпущены" к батюшке, продолжали обильно наслаждаться благами пастырской мудрости и воспитания.

Если же пастырь видел, что не будет страдать и оскорбляться родительское чувство, то сам старался отдалять своих духовных детей от родных, чуждых духовного воспитания и религиозного устройства. Он ревностно стремился внедрить в свою паству евангельскую истину, изреченную пречистыми устами Самого Спасителя: кто возлюбит отца или мать "паче Мене, несть Мене достоин".

Вот к какому великому отречению вел благодатный пастырь. Он добивался от своих духовных детей полнейшего отречения от земных привязанностей, устремляя их ум, сердце и волю к высшей, отрешенной от земного жизни. Он добивался, чтобы ни родственная любовь, ни земные стремления к славе, почестям, богатству не вторгались бы в их сердца и не нарушали бы гармонии вложенных в них высоких звуков веры и молитвы.

Бесконечная любовь и стремление ко Господу, Царю Славы, единственно должны были восполнять их духовные и нравственные идеалы. Двоедушная натура служения Богу и "маммоне" строго преследовалась и каралась пастырем, который иногда прямо, иногда иносказательно давал понять своим духовным детям, чтобы они порывали всякие родственные связи, если последние мешали их правильному шествию по пути добра и веры.

Ревнуя о спасении пасомых, батюшка понимал, что только тогда оно может осуществиться, если жизнь этих пасомых будет отдалена от вредного влияния окружающей испорченной среды. Вот почему он старался своих духовных детей окружать подобающей спасительной атмосферой духовного склада; безродных, одиноких личностей, не имеющих крова и питания, он устраивал в сродную духовную среду своих уже воспитанных духовных чад. Благодать, данная им в церкви, должна была охраняться и в соответствующей домашней обстановке.

Что же бы было, если бы каждый день ему приходилось целить и исправлять все те же личности, которые, окунувшись в омут домашней сутолоки, мало могли бы сохранить от приобретенного духовного богатства. Каждый день к нему являлись за благодатным спасительным врачевством все новые и новые лица; для них ему надо было уделять свои силы и внимание, так как предстояла трудная начальная школа и выправка; с ними надо было отдельно возиться, им надо было посвящать свой ум и время, а не целить и наставлять все прежних членов и личностей.

Как всякому хорошему учителю при педагогической выправке учеников много мешает домашняя среда грубых, невоспитанных родных, то тем более благодатного пастыря сильно беспокоило неподобающее вредное домашнее общество его духовных учеников и учениц.

Так, например, когда одна девушка просила у него благословения поехать в деревню, он сказал ей: "Зачем тебе ехать: я - твой отец, брат и сестра",- давая ей понять, что раз она избрала духовный путь, раз имеет в сердце пламенную любовь ко Господу, то не должна раздваиваться и развлекаться родственными чувствами, так как они мешают всецелому преуспеянию в деле духовного восхождения пламенно верующей души к своему немерцающему Свету ("Аз есмь Свет миру").

Батюшка как-то сказал: "Хоть бы мне одного человека из семьи вырвать",- показывая тем, что если и одного человека в семье он наделит блаженством веры и любви ко Господу, то тем он спасет и укрепит всю семью, потому что, во-первых, пастырь сам будет молитвенно ходатайствовать за всех членов ее, а во-вторых, даст возможность этому духовно обновленному члену, в свою очередь, обращаться ко Господу и вопить к Нему о спасении присных своих и близких сердцу людей.

Если люди и не просвещенные Божией благодатью, по сродной каждому человеку любви к

родителям и друзьям, горят к ним самой искренней полной привязанностью, то весьма понятно, как велико бывает это чувство высшей благодарности и любви к своим родным у тех, кто озарился благодатной любовью Божией, не имеющей стен, границ и преград. Духовно просвещенный человек, понявший всю неизреченную благодать Жизнодавца к грешникам, из полноты своего горячего чувства воссылает к Нему самое усердное моление о спасении и просветлении дорогих его сердцу людей. Он уже не стремится к соединению с ними в сей жизни, понимая, что родственные сношения могут помешать его служению Господу, но он умоляет за них Человеколюбца слезами горячих молитв, прошений, рыданий, чтобы Он, всеблагодать, всемилостивый Спас, не прогневался на них за их нерадение, но осветил бы и просветил их светом Своего милосердия.

Горячая, беспредельная любовь отвергает врата благодати Божией, которая снисходит к искренно, пламенно верующим сердцам и успокаивает их благодатным гласом: "По вере вашей да будет вам".

Да, велика и сильна была любовь к людям пастыря! Как это мог он только со всем справиться, во всем разобраться! Многотысячная паства приносила, присылала к пастырю свои скорби, боли и печали, а он благодатно все врачевал, распутывал, улаживал, умиротворял, наказывал и все держал под своим властным контролем. Надо было бесконечно удивляться и благодарить за такое самопожертвование пастыря, а не суетничать и пустословить.

И дорогой любвеобильный батюшка не гневался, не раздражался на своих недругов, он прощал им, молился за них. Слышно было, как он со слезами молился за всех обидящих и ненавидящих братьев своих, умоляя Господа озарить их светом истины; и паству свою он приучал ко смирению и незлобию, строго наказывая за озлобление и злопамятность.

Да, много ужасного, тяжкого, несправедливого приходилось переносить праведнику в период своего служения в соборе; враг скрежетал при такой лучезарной деятельности пастыря, разными доносами и клеветами он беспокоил постоянно его, так что толковали даже об удалении батюшки из собора. Но премудрый, всевидящий Господь дивно охранил Своего избранника: собор вскоре сделался придворным и таким образом батюшка освободился от пустых канцелярских придинок.

Мало того, Господь утешил и возвеличил Своего верного служителя и как главу собора удостоил его присутствовать при высших церковных торжествах и церемониях.

Так, 20 октября 1894 года скончался благочестивейший государь император Александр III. Царственные останки его направлялись с юга России в северную столицу. И вот во время этого торжественного церемониального шествия тела монарха первопрестольная Москва удостоилась принять его в свой град.

Гроб с царственными останками был поставлен в Архангельский собор, несметная толпа стекалась отовсюду, чтобы поклониться телу дорогого царя-миролюбца. Батюшка встречал державное тело монарха, присутствовал при нем и потом с высшими духовными властями проводил его в дальнейший путь.

После вступления на престол государя императора Николая II Москва в мае 1896 года с великим ликованием праздновала коронавание его и августейшей его супруги государыни императрицы Александры Феодоровны. Батюшка встречал в соборе коронованную августейшую чету и с глубоким верноподданическим чувством любви и преданности сопровождал государя императора и государыню императрицу при их поклонении святыням собора.

Батюшка участвовал также в крестном ходе, шедшем на освящение памятника, воздвигнутого в Кремле в честь государя императора Александра II.

Кончина батюшки и дивное небесное знамение как ореол его пастырского служения

Врачуя, исцеляя и наставляя, медленно догорал великий светоч, великий праведник, который пятьдесят лет на своем пастырском посту совершал бесчисленное множество подвигов и чудес. Все слабее и слабее становился он, все сильнее и сильнее возносился он мыслями и чувствами к небесам, за всех скорбя, всех жалея, всех утешая.

С великими рыданиями приходили прощаться к нему его духовные дети, чувствуя, что недолго им наслаждаться благодатным присутствием среди них их неоцененного хранителя-батюшки, что скоро его бессмертный дух улетит от них воспевать и славословить Сладчайшего Спасителя.

Настал и тот ужасный роковой день, когда праведник опочил сном смерти и упокоения, успокоился от своих тяжких душевных и телесных страданий.

Что случилось с несчастной, осиротевшей его паствой! Тут только поняла она, кого она потеряла; тут только постигла она глубочайшее ангельское попечение о ней батюшки, неутешно зарыдав самыми искренними, горькими воплями. Не стало незабвенного общего отца и благодетеля, не стало дорогого утешителя; тучи самой безутешной скорби окружили гроб пастыря.

Знатность, богатство, убожество, бедность, дряхлость, молодость - все объединилось и спешило опять к дорогому домику, чтобы в последний раз войти в него и поклониться драгоценным останкам незабвенного пастыря. Истинно это была картина слез и страдания: столько безысходной, самой тяжелой скорби, столько сильнейших рыданий, безмерного неутешного горя!

Вот покоится тело дорогого пастыря в гробу, вот его лицо, прикрытое воздухом. Замкнулись, онемели уста, которые так обильно утешали и наставляли всех! Вот и руки его сложены на груди, те руки, которые так ласкали, благословляли и освящали проходящий люд. Не встанет уже больше их дорогой утешитель, не скажет больше благодатного словечка отрады и облегчения!

Терзалась и стонала душа каждого при этих тяжелых проводах своего незабвенного дорогого ангела-хранителя из земной юдоли в мир славы и блаженства.

Вот принесли гроб пастыря в храм, отслужена зауспокойная всенощная, а на другое утро благолепно совершен был должный обряд отпевания; понесли дорогое тело батюшки на Ваганьковское кладбище, куда он сам пожелал лечь, как смиренный пастырь, уклоняясь и здесь от славы и восхваления. Духовные дети с любовью, тихо, торжественно несли гроб пастыря, еще не во всей полноте понимая, кого и куда они несут. Бесчисленная толпа сопровождала шествие; с немой скорбью и страданием шли духовные дети, не зная, как они смогут жить после такой тяжелой утраты.

Никакой пышности не пожелал дорогой батюшка, но ясный солнечный день, торжественность шествия как-то особенно действовали на всех, наполняя душу трепетом и благоговением.

Не пожелал дорогой пастырь никакого отличия, никакого восхваления, но Сам Господь пожелал прославить праведника Своим небесным откровением. Когда внесли гроб пастыря в святые ворота кладбища и священнослужители стали совершать литию, то один из несших праведные останки пастыря взирает на небо и что же он видит?.. величественное небесное знамение, которое он удостоивается лицезреть по своему христианскому смирению и по безграничной любви своей к пастырю,- он видит небеса отверсты и бесчисленное множество серафимов, паривших над гробом в высоте. Серафимов было такое множество, что и пересказать невозможно; они потрясали крыльями, радуясь блаженной кончине великого праведника, душу которого с торжеством готовились принять и вознести к Престолу Царя Славы, Господа Вседержителя.

Вот как чудно велик был смиренный праведник, вот каким небесным светом сиял он и радовал светозарных небожителей.

Смиренный и великий в своем смирении пастырь принимается сонмом ангелов, возносится на небеса, а мы, простые, грешные люди, подходили к нему, охранялись им, наставлялись. Какая радость - "при сей погребальной скорби"!..

Много речей, много ораторских словес венчает знаменитых деятелей при их погребении, слагаясь в громкие, достойные эпитафии; здесь же Сам Сладчайший Спаситель удостоил изречь Свое Божественное слово, удостоил проявить Свою небесную почесть.

Кончилась лития, понесли гроб пастыря к приготовленной могилке и зарыли его. Тут только все вздрогнули и как бы опомнились при совершившемся печальном событии - кончине дорогого, незабвенного пастыря, который был для всех знавших его счастьем и утешением в жизни.

Постояли несчастные, одинокие сироты и разошлись по домам, полные тяжкого горя. Теперь одна отрада - прийти к дорогой могилке и выплакать на ней свои скорби и страдания.

Надо было видеть, как недавно плакала на могилке батюшки одна приезжая графиня Б., чтобы понять, сколь дорог был для своей паствы этот великий пастырь, который смог и такую знатную личность наделить великими чувствами преданности и благодарности к иерею Божию. Если уж ее, изнеженную аристократку, незабвенный пастырь мог воспитать так, что она рыдала самыми неудержимыми рыданиями около его могилки, то все он мог сделать с простой, податливой, безыскусственной душой, измученной среди житейских невзгод и скорбей.

Да, поистине горячо любили батюшку и благоговели перед ним его духовные дети. Сам пастырь видимо радовался этому и высоко ценил такую горячую преданность, потому что, когда ему раз сказали: "Батюшка, как вас все любят",- то он радостно ответил: "Да, слава Богу! А то для чего и жить-то". Думается, он и теперь радуется, видя, что так же продолжают чтить и любить его.

Перенесение гроба с телом отца Валентина из его дома в приходскую церковь

О чудный, незабвенный пастырь! Я ли, малая, ничтожная былинка, смогу описать все славные разновидности твоей поразительной, блестящей духовной деятельности, я ли, малое неопытное существо, смогу разобраться во всех дивных, мудрых движениях твоего разума и мышления? Только великие славные светочи могли вполне понимать тебя и восхвалять за твои удивительные пастырские труды.

Сам отец Иоанн Кронштадтский, уже признанный теперь всеми великий светильник Русской Церкви, говорил о батюшке москвичам, которые обращались к нему за советами: "Что вы бегаєте ко мне, у вас в Москве есть свой великий пастырь, отец Валентин, который лучше меня, к нему и обращайтесь".

А в Воронеже в прошлом столетии жил преосвященный Иосиф, который двадцать семь лет был на покое без зрения и отличался великим духовным разумом и прозорливостью. Сей старец, благословляя однажды одного господина на отъезд в Москву, сказал ему: "Там, около Спасских ворот, есть маленькая церковка, в которой служит великий пастырь - отец Валентин, ему и открывай свою душу". Потом, когда через несколько лет сей старец опять разговаривал с тем же господином, то сказал ему, что батюшка отец Валентин весь отдался попечению о своих близких, и прибавил: "Как бы ему не надеть такой же схимы, как у меня", - то есть слепоты, пророчествуя о великом предсмертном подвиге батюшки.

Потом вот что еще рассказывал один монах, бывший прежде духовным сыном батюшки, Ипатий. Он поехал на Афон, поступил там послушником в один из монастырей. Однажды ему пришлось быть по послушанию у одного известного пустынника, в скромной келии которого он увидел портрет своего родимого батюшки. В восторге остановился он перед портретом и с любовью стал глядеть на него.

Пустынный поинтересовался узнать, почему он так обрадовался портрету, и когда пришедший объявил ему, что он был духовным сыном этого батюшки, то пустынный сказал ему на это с великим чувством: "Блажен ты, чадо, что был духовным сыном такого великого светильника".

Вот какие высшие духовные авторитеты познавали и высоко чтили дорогого батюшку! Если они, не испытывавшие на себе всей дивной мощи его любви и милосердия, с великим благоговением воздавали ему должное, то как же нам, малым, недостойным людям, испытывавшим на себе несказанные милости его щедрот, помощи и целения, не рыдать слезами великой скорби и тоски при его отшествии из нашей земной юдоли.

Да, тяжкое горе испытывают теперь все истинно любящие дорогого батюшку; тяжелое время одиночества и сиротства переживают они.

Но нет! Пастырь во век жив!.. Он с неба так же целит и согревает нас, так же учит и направляет, и если теперь не можем мы наслаждаться его благодатным видимым присутствием на земле, его целительными, всеисправляющими советами, то будем чаще возноситься всеми своими чувствами, мыслями и желаниями к нему, нашему дорогому хранителю, и будем в нем искать утешений в наших скорбях, горестях и невзгодах.

Господь есть Свет миру.

Преславный пастырь всю свою жизнь положил на нас, чтобы очистить нашу духовную храмину и сделать ее доступной к восприятию высших духовных наслаждений.

Направим же всецело свой ум, сердце и волю к достойному принятию Божественной святыни Тела и Крови Христовых; будем усердно посещать храмы Божии; будем ревностными сынами Церкви Православной и по вере, и по жизни. Это будет лучший надгробный венок нашему дорогому отцу и пастырю.

Часть II

Отдельные случаи прозорливости пастыря

Укажем некоторые из случаев прозорливости батюшки. Одна вдова рано лишилась мужа, прожив в замужестве всего пять лет. Сначала горевала, конечно, о нем, но потом мало-помалу горе ее стало утихать, и ей все хотелось пожить на свободе, ни от кого не зависеть, никому не подчиняться, быть вольной птицей.

Вот стоит она раз в церкви против царских врат; раздаётся поучительное чтение Деяний апостольских. Стоит и думает: "Ну вот, заживу я теперь, как захочу: тетки не стану слушаться, она стара, на что она мне, а сестер я не боюсь, они мне не указка - значит, отлично, никого не буду спрашиваться, буду жить как захочу".

Стоит она и размышляет так. А батюшка за престолом, на горнем месте. Посмотрела она на него, а он головой покачивает да так сердито глядит на нее; ничего она не поняла, однако же продолжает свою мудреную думу.

Кончилась обедня. Уходит батюшка, идет, благословляет. Она подходит, просит благословения, а батюшка на нее даже и не смотрит, так сердито отворачивается.

"Что такое?" - не понимает она; то с одной стороны подойдет, то с другой, батюшка все сердито отворачивается. Что тут делать? Ужасно тяжело стало у нее на душе.

- Батюшка, дорогой! - закричала она уже громко, как-то пробравшись совсем близко к батюшке.- Да благословите же меня, ради Бога!

- Благословить тебя, это на какую же жизнь благословить тебя? Наверно, теперь думаешь: "Ишь, как мне хорошо! Муж умер, тетки я не стану слушаться, она стара, на что она мне, а сестер я не боюсь, они мне не указка! Буду жить как захочу". Нет, голубушка! Знай же, я буду следить за тобой, не дам тебе воли, будешь меня слушаться, не выйдешь из-под моей власти, каждый шаг твой буду знать. А то, видите ли, ишь, какая умная, я да я, как я хочу, как я захочу, всю обедню меня смущала, все я да я. Так помни же теперь: ты должна во всем меня слушаться, не смей ничего делать по-своему.

Вот тебе и раз! Огорчилась, приуныла моя бедная вдовица, да ничего не поделаешь! С таким пастырем не станешь спорить или противоречить ему.

"Вот какой батюшка великий прозорливец,- прибавила она,- повторил мне все те слова, которые я мысленно произносила во время обедни, узнал мои сокровенные думы, открыл мои суетные желания".

А то вот еще что передавала мне та же вдова: "Стою я раз за обедней против алтаря и все никак не могу проникнуть в глубину премудрости батюшкиной. Ну, положим, батюшка крупные мои поступки и дела знает, а вот, например, мелкие какие-нибудь, "с булавочную головку", разве может он все это знать? Конечно, не знает, это невозможно!" Подумала это она так и успокоилась, что не все же знает батюшка! Кончилась служба, подходит она к северным дверям, батюшка выходит из алтаря, обращается к ней и говорит:

- Нет ли у тебя булавки?

- Нет, дорогой батюшка,- отвечает она,- сейчас попрошу у кого-нибудь.

Тогда батюшка начинает искать у себя и говорит:

- Ишь как жалко, вот ведь нет у меня булавки, и "булавочной головки" нет.

Тут уж не смогла она больше вытерпеть: с воплями бросилась она к батюшке в ноги.

- Батюшка, дорогой святитель,- заголосила она,- прости меня, что я усомнилась в тебе. Все-то ты знаешь, теперь твердо верю я в это.

- Вот видишь,- ласково поднимает ее батюшка,- а ты вот за обедней все сомневалась, все смущала меня, не дала мне спокойно служить; и что это у тебя в голове все такие мысли бродят? Не знает, не узнает, да за кем другим, а за тобой меньше "булавочной головки" все буду знать, потому что за тобой особенно надо следить, ты уж очень у меня мудреная: во всем разбираешься, до всего допытываешься, как да что, все хочешь по-своему, а этого никак нельзя!

А то раз одна женщина подходит к кресту и думает: "Вот ведь батюшка другим дает просфорочки, а мне, конечно, не даст". Прикладывается она к кресту, а батюшка подает ей две просфоры и говорит: "Не только одну, даже две".

А то вот еще был замечательный случай батюшкиной прозорливости: у одной молодой женщины был муж четыре года в сумасшедшем доме. Она очень любила его, так как хорошо прожила с ним: он ее берег и лелеял, хотя был гораздо старше ее, и она была выдана за него круглой сиротой. Конечно, она очень мучилась за мужа, зная его великие страдания, и первые два года его болезни ей еще

можно было навещать его, а последние два года это было совсем лишнее, так как больной не узнавал жены и каждый раз такое посещение терзало еще больше ее наболевшую душу.

Батюшка, видя ее страдания за мужа и понимая, что такими посещениями она растревляла свою душевную рану, запрещал ей навещать мужа, надеясь, что время - лучший целитель всякого душевного горя - скорее затушит ее тоску. Но своевольная особа не хотела понять всей благой цели запрета батюшки. Ей казалось это запрещение неправильным, так как в исполнении его ей представлялось нарушение жениного долга по отношению к больному мужу. Но, не смея ослушаться батюшки, она волей-неволей смирялась и покорялась.

И вот однажды пришла ей в голову "благая" мысль: "Буду ходить к мужу потихоньку, не спрашиваясь, батюшка и не узнает; что все спрашивать, я и так пойду!" Стоит она в церкви и так думает, а уж не смеет подойти к батюшке за благословением, так как тайный голос говорит ей, что она скверно поступает, решаясь на такое своеволие.

Подают лошадь батюшке, она стоит, провожает его, а сама все старается спрятаться, чтобы не попасться ему на глаза, так как ей уже много раз приходилось испытывать на себе случаи его дивного провидения. Садится батюшка в сани, она стоит за спиной его и думает: "Ну что, батюшка, видишь, пойду и не спросясь, а то еще не пускал, я и сама пойду".

Вдруг батюшка оборачивается, прямо в упор смотрит на нее и говорит: "А кто сделает без спросу, тот останется без носа". Сказал, отвернулся и велел кучеру ехать.

Она, однако же, на такие странные по видимому слова не обратила должного внимания и преспокойно пошла навещать мужа. Что же! Немного не доходя до сумасшедшего дома, переходя мостовую, она неосторожно прошла близко от ломовой лошади, которая стояла, дожидаясь своего хозяина. Лошадь вдруг схватила зубами за ее рукав и так сильно прокусила шубу, что добралась до руки. Видит она: бежит мужик и кричит что-то ей, а она стоит ни жива ни мертва, страшно испуганная. Подбежал мужик, отдернул лошадь и говорит: "Разве можно так близко подходит к ней, еще счастье ваше, что так обошлось, а то она могла бы вам и голову проломить или нос откусить, она очень злая. Да где же ее намордник?" Видит: намордник валяется на мостовой, как-то соскочил.

Несчастливая особа та чуть не лишилась сознания от пережитого треволнения. Рукав был у ней сильно разорван, рука болела и ныла. Кое-как надев платок на плечи и прикрыв разорванный рукав, она все-таки пошла в сумасшедший дом. Но оказалось, что почему-то в этот день ее не пустили, хотя пришла она в приемные часы: вероятно, ее расстроенный вид возбудил подозрение и ее побоялись пустить к больному.

Итак, не достигнув цели, напрасно пройдя такой дальний конец да вдобавок еще пережив такое потрясение, она измученная вернулась домой. Рука ужасно горела; стала она растирать ее, боясь опасных последствий такой лошадиной ласки. Вдруг точно кто озарил ее: "Это Господь наказал меня за мое непослушание, ведь батюшка же сказал мне: "Кто сделает без спросу, тот останется без носа", и мужик ведь помянул: "Могла бы она вам и нос откусить!"

Вполне поняла она теперь, как опасно своевольничать и не слушаться мудрого наставника. Теперь только она убедилась, что он все знает, за всем следит, обо всем заботится, все охраняет. Страх быть сильно наказанной Господом за непослушание, глубокое сознание своего поступка - так все это подействовало на нее, что ею овладело отчаяние.

А рука все пухнет и горит. С горькими слезами взмолилась она батюшке: "Прости, дорогой святитель, не накажи, больше не буду прогневлять тебя, не дай мне остаться без руки". Так плача и причитая, надумала она помазать руку батюшкиным святым маслом, которое он сам освящал. И что же? Сжалился Господь: рука еще пылает, а боль утихает, мало-помалу жар уменьшается, к ночи почти совсем проходит, только красноватые полосы еще свидетельствуют о бывшей опасности; смиловившись Господь, услышал вопль ее и исцелил руку.

Наутро, кое-как натянув рукав на опухшую еще руку, она пошла в церковь, стоит, дожидается батюшку, а сама думает: "Ну, разгневался теперь батюшка на меня, совсем прогонит от себя". А батюшка идет, благословляет народ, подходит к ней и говорит: "Ну что, рука цела? Ну, пожалел я тебя вчера, удержал лошадь, а то быть бы тебе без носа". А потом, как бы размышляя о чем, говорит: "Ишь ведь, и намордник соскочил, ну, счастлива ты, что все так обошлось, благодари Господа и помни, что %о значит не слушаться".

Ну не дивный ли пастырь: почти что все он знал, только скрывался под покровом смирения.

Анна Ивановна Вардашкина захотела поехать в Киев. Батюшка не пускает, отговаривает, но трудно покориться и смириться и расстаться с любимую мечтой: давно хотелось побывать в этом городе, а тут представляется удобный случай.

Несколько раз просила она батюшку, но он все не соглашался. Она все продолжала приставать. Тогда батюшка очень сердито благословил ее, как бы давая этим понять, что это против его желания. Обрадовалась она, поехала вдвоем со своей знакомой. Что же! Приезжает в Киев, останавливается в гостинице, разбаливаются у нее вдруг ноги, да так мучительно, что хоть на крик кричи. Долго

пришлось пролежать в гостинице, пока боль немного утихла и явилась возможность хотя с великим трудом доставить ее на поезд и отвезти в Москву. Приехала она домой совсем больная, долго еще пролежала в постели, пока наконец батюшка, по слезной просьбе ее, смилился и простил ее.

Что же! Съездила она в Киев, сделала по-своему, но ведь не удалось ей побывать ни в одном храме: то, что влекло ее туда, то было закрыто для нее, потому что она исполняла только свое желание, слушалась только своей воли, не согласуясь с волей Божьей, что ясно давал ей понять дорогой пастырь, заранее предвидевший печальную развязку ее своевольного поведения.

Как мощный дивный орел, постоянно парил он над своим духовным стадом и охранял слабых неопытных овечек от видимых и невидимых врагов. Заранее знал он, где и кому грозит опасность, заранее предупреждал их, дисциплинируя упорных и своевольных, награждая покорных и послушных.

А если только заметит, что сильный бьет слабого, сейчас же вступится за обиженного и придет к нему на помощь. Вот дивный случай его покровительства и защиты: одна уже немолодая женщина, Марфа Евдокимовна, очень чтившая батюшку и около двадцати лет жившая под его спасительным руководством, в ужасном горе подходит раз к батюшке и говорит:

- Батюшка, сестра выгнала меня от себя и не велела больше приходить к ней.

- Что это ты говоришь? - утешает ее добрый пастырь.- Как выгнала? Она комнату тебе заново убрала, оклеила новыми обоями, полировала мебель, белые занавески повесила, так все и блестит, а ты говоришь: выгнала. Иди-ка посмотри, да не плачь, плакать не о чем!

"Что это толкует батюшка! - подумала она.- Про какую это комнату он говорит, видно, шутит, чтобы успокоить меня". И по правде сказать, не придавала она значения этим словам, так как сестра ее, уже давно недовольная ею за ее "шатанье" по церквам, решила совсем отделаться от нее и преспокойно утром выгнала ее из своей квартиры и выбросила все ее вещи в сарай. А потому обиженная женщина, несмотря на приказание батюшки, не пошла из церкви к сестре, а пошла к тетке, которая жила на одном дворе с ее сестрой.

Сидит она, убитая горем, и рассказывает тетке об утреннем происшествии, вдруг вбегает ее сестра и говорит: "Пойди-ка посмотри, как я комнату твою убрала, новая жилища переедет, пойдём-ка со мной". Печальная изгнанница, конечно, и не смотрит на свою сестру, так как еще кипит в ней злоба за ее утреннюю проделку, но сестра ее начинает умолять ее простить ее и пойти с ней посмотреть комнату.

Делать нечего, согласилась она. Приходит и видит, что комната оклеена новыми обоями, мебель полирована, занавески белые, а в переднем углу висят все ее иконы, которые утром были вынесены из комнаты. Все ее вещи стоят на прежнем месте; все так и блестит.

Ничего не понимая, озирается она кругом; вдруг батюшкины слова промелькнули у нее в голове: "Твоя комната заново оклеена, мебель полирована, занавески белые повешены". Не смогла она дальше выдержать, с воплями и рыданиями упала перед святыми иконами и стала громко высказывать: "Пророк, чудотворец, святитель, все-то ты знаешь, все решительно",- а сама так и рыдает, никак не может успокоиться.

Долго она плакала, долго с благодарностью прославляла Господа за такую защиту и помощь. Сестра ее, слыша непонятные ей слова: "Пророк, чудотворец",- в недоумении поглядывала на нее, боясь за ее рассудок. Но когда она, успокоившись, передала сестре батюшкины дивные слова, то последняя, со своей стороны, рассказала, как батюшка вразумил ее поправить утреннее "злодеяние".

"Выпроводив тебя,- так передавала она выгнанной сестре своей,- я не находила места от внутренней ужасной тоски и упреков совести. Мне как бы кто властно приказывал опять помириться с тобой и выпросить прощение за обиду. Вдруг я надумала заново оклеить комнату, как можно лучше убрать ее и поставить твои вещи на прежнее место. Сразу же почувствовала себя легко и отрадно и быстро принялась исполнять свое намерение".

Ну как же после этого не убедиться, что батюшка был осенен великой благодатью, которая раскрывала ему невидимое, объясняла незнаемое. И вот теперь, когда не стало дорогого пастыря, теперь только вполне понимаешь, кого лишились люди в лице его. Куда ни пойдешь, повсюду такой стон и вопли без него, такая нищета в семьях, нужда, уныние, безотрадность, что и не понимаешь, как эти несчастные вдовы и сироты, безродные, одинокие, будут жить без батюшки. Многие с горя и отчаяния бросились по другим пастырям, ища поддержки и отрады, но не удовлетворились в своем искании и стремлении и уныло должны были сознаться, что не найти им ничего подобного и что надо оставаться теперь в тоске и безотрадности.

Вот еще о каком случае батюшкиной прозорливости рассказывает Прасковья Филимоновна Григорьева: пошла она как-то к знакомым, к которым был приглашен странник Арефий, многими очень уважаемый; и вот когда по примеру прочих знакомых она подошла к нему, то он резко положил ей свою руку на голову и сказал: "Не так живешь",- и такая тоска от этих слов напала на нее, что она не находила себе места, не знала куда деваться. Пришла она к батюшке, который, увидя ее в таком ужасном, удрученном состоянии духа, сказал: "Тебе надо причаститься",- и велел ей встать на

исповедь. Во время исповеди он положил свою руку ей на голову и сказал: "Деточка, как я тебя люблю за то, что ты у меня очень хорошо живешь". И от этих слов батюшки у нее тоска моментально прошла и у нее стало так покойно и радостно на душе, что она не знала, как и благодарить батюшку за его помощь и облегчение.

Вот еще какой был замечательный случай: подходит один человек, по имени Онуфрий, к кресту, а батюшка обращается к нему и говорит:

- Что это ты за обедней не был?

Удивленный Онуфрий спешит сообщить батюшке:

- Как же, батюшка, я не был за обедней, я еще раньше вашего пришел в церковь.

- Нет, не был,- подтверждает мудрый пастырь,- ты был в ходу.

Тогда Прасковья Филимоновна подходит к нему и интересуется узнать, о чем он это думал во время обедни, так как батюшка обличил его. "Да, грешен я,- сознался Онуфрий,- во время обедни я все обдумывал, как из церкви пойду к брату, там попьем чайку, закусим и пойдем в ямской приказ (около храма Василия Блаженного) покупать сапоги, а если там не найдется хороших, то и в другое место придется отправиться". И вот какие житейские думы занимали его во время обедни, и мудрый пастырь проник в них и обличил его в неуместном суетном размышлении.

Один раз на паперти Архангельского собора после службы обращается батюшка к Матрене Арефьевне и говорит:

- Матрена Арефьевна, а кто у тебя Евстафий?

- Брат родной, батюшка, а что? - спешит ответить Матрена Арефьевна, недоумевающая, почему это батюшка спросил о нем.

- Ничего,- возразил пастырь.

Что же? Приходит она домой, а ее уже дожидается телеграмма, возвещающая о смерти ее брата.

Одна женщина была брошена мужем на произвол судьбы с тремя детьми. Она очутилась в безвыходной бедности и, не имея сил переносить свое тяжкое положение, решила покончить с собой: с младенцем на руках направилась она к Москве-реке, но невидимая сила удержала ее и не дала ей возможности исполнить ее безумное намерение.

Однако же гнетущая крайность заставляла ее многократно возобновлять ее попытку, и она все прохаживалась около реки, ища как бы поудобнее привести в исполнение свой ужасный план. Такое многократное появление около реки женщины возбудило подозрение в местном городском, который наконец решительно обратился к ней с вопросом, почему она все бродит около воды. Тогда несчастная чистосердечно признается ему в задуманном предприятии, говоря, что она не может больше переносить такого тяжкого бедственного положения, так как должна умереть с детьми с голоду, а потому она и решила покончить с собой. Городской, видимо верующий и сердечный человек, стал успокаивать женщину и отклонять от такого ужасного шага. "Что ты,- с жалостью сказал он ей,- да сходи приобщись, и Господь утешит тебя". Несчастливая, истомленная душевной мукой женщина с радостью берется за эту мысль и расспрашивает доброжелательного городского, в каком же храме ей можно приобщиться Святым Таин (так как это был мясоед). Тогда он указал ей на церковь "Нечаянной Радости", говоря, что там служит великий пастырь, у которого всегда бывает много причастников.

Женщина отправляется туда и становится на исповедь. На исповеди она чистосердечно признается батюшке, что хочет покончить с собой, так как ей совсем нечем жить с тремя детьми.

"Что ты! Господь с тобой,- ласково вразумляет ее благой пастырь,- ведь у тебя два крыла, ты еще высоко будешь летать, и мы богатой рукой еще заживем с тобой". Тогда женщина, успокоенная такой благодатной ласковой заботливостью пастыря, немного уже начинает приходить в себя и интересуется узнать у батюшки, про какие это два крыла говорил он ей. Пастырь объясняет ей, что два крыла - это ее двое сыновей. Женщина спешит возвестить батюшке, что у нее не двое, а трое детей, но батюшка настаивает на своем. Неопытная и непонятливая женщина вступает в пререкание с ним и опять утверждает, что ведь у нее три мальчика: два уже порядочные, а третий маленький. А батюшка и не слушает ее.

Что же оказывается? Меньший мальчик вскоре после того заболел и умер, двое же других по молитвам благого попечителя-батюшки определились в учение к Густаву Листу и стали получать ежедневно по сорока копеек, потом мало-помалу они дошли до дела и получали прекрасное жалование: один семьдесят, а другой сто рублей. Они оказались примерными сыновьями, покоили мать и дали ей возможность жить прилично, иметь хорошую квартиру и прислугу.

Вот как вырывал из пучины греха и смерти благой пастырь целые семьи и ставил их на твердую почву порядочности и благоустройства.

Одна из батюшкиных духовных дочерей, Авдотья Петровна, подходит к батюшке, он подает ей просфору и говорит: "Она очень тяжелая, но Бог поможет, ты перенесешь". И что же случилось? Муж ее был старостой в одной артели, он был крепкий, видный, здоровый мужчина, пошел он вечером в

тот день в артель, внезапно с ним сделался удар, и он вскоре скончался.

Вот о каком случае сообщает Мария Гавриловна Мешкова. Идет она раз с исповеди счастливая и довольная и наталкивается на одну Дуню (тоже духовная дочь батюшки), которая много времени никак не могла попасть на исповедь. Эта Дуня в пылу ропота и говорит:

- Нужно будет идти к другому священнику, к батюшке никак не попадешь!

Марья Гавриловна начинает урезонивать ее и говорит:

- Что это ты, Дуня, так говоришь, да не возьми меня батюшка год, не возьми два, не возьми три, я и то ни к кому не пойду.

Сказала она так и совсем позабыла об этом.

Что же случилось? Прошло некоторое время, становится она на исповедь - батюшка ее не берет, всю его неделю каждый день становится - батюшка никакого внимания на нее не обращает, на другую неделю в субботу становится - батюшка не берет; так проходит несколько недель, но все безуспешно. Ничего не понимает она, сильно начинает скорбеть и беспокоиться, не зная, за что батюшка рассердился на нее.

И вот наступает Успенский пост; 13 августа, после ночного крестного хода в Успенский собор, батюшка остался исповедовать - это была последняя исповедь постом, потому что в Кремле готовились к торжеству открытия памятника государю императору Александру II. Стоит она, глаза у нее все опухли от слез, так как ее нестерпимо давила тоска. Батюшка не брал ее, хотя она стояла впереди; народ начинал кругом роптать, требуя, чтобы она уходила. Она видит, что действительно ей лучше уйти, и уже собирается отойти от дверки, вдруг батюшка отворяет дверку, выпускает одну исповедницу, берет другую, а ей говорит:

- Стой.

Потом выходит, берет ее и спрашивает:

- О чем же ты плакала?

- Как же, дорогой батюшка,- спешит объяснить ему вся измученная, несчастная Марья Гавриловна,- вы так долго меня не брали?

- Как долго? - как бы недоумевает удивленный пастырь.- Разве прошел год, или два, или три?

Тут только поняла она, почему это все так мудро устроил батюшка и за что он так долго не брал ее, и как бы в подтверждение ее догадки батюшка дает ей спасительное наставление:

- Смотри же никогда больше не хвались.

Да, она похвалилась, она сказала, что если ее батюшка и год, и два, и три не возьмет на исповедь, то все она будет терпеть и дожидаться, а тут вдруг не смогла и несколько недель терпеливо подождать.

Великий пастырь знал, как опасно самохвальство для человека и как оно губительно действует на душу, ослабляя ее лучшие, благородные порывы. Враг всячески старается уязвить душу человека и затемнить ее губительными изгибами духовной гордости и восхваления. Ничто так не противно Господу, как это недостойное кичение человека, который, будучи ничтожным малым созданием, мнит о каком-то своем достоинстве и превосходстве. И вот великий пастырь зорко следил за такой высокопарной порывистостью, мудро, спасительно охлаждая ее вразумительными уроками. Измученная продолжительными нравственными страданиями, душа понимала, в чем она провинилась, и не изъявляла уже больше охоты к дальнейшему высокопарному парению.

Одна из батюшкиных духовных дочерей, Авдотья Петровна, собиралась однажды в светлый день Пасхи к вечерне в собор; вдруг неожиданно пришли к ней гости. Наскоро напоив их чаем, она уговорила их пойти вместе в собор; гости согласились, и вот Авдотья Петровна дорогой все думает: "Господи! хоть бы батюшка подольше потянул, чтобы застать его в храме". Что же? К удивлению своему, приходит и застает еще конец вечерни; потом батюшка по окончании ее идет по паперти, подходит к ней, благословляет и говорит: "Ну, Дунечка, тянул, тянул, насили дотянул",- дав ей понять, что ему известно было ее волнение и поздний приход в храм.

Мария Викторовна стоит в соборе (в день памяти святого Виктора) и думает: когда же память моего отца? Вдруг слышит: батюшка в алтаре громко поминает Виктора; подходит она к кресту, а батюшка и говорит ей: "Слышала, как я поминал твоего отца?" Этим он ответил ей на ее недоумение по поводу памяти ее родителя.

Двоюродная сестра матушки Елизаветы Васильевны Воскресенской, Ксения Николаевна Тарарухина, пришла раз в церковь "Нечаянной Радости" и очень сожалела, что не взяла с собой записки о родных, чтобы подать батюшке за молебном. Вдруг она слышит, что батюшка явственно поминает всех ее родных, как она обыкновенно записывала их на записке. Дочь ее обращается к ней и говорит: "Слышишь, мама, батюшка читает нашу записку?". И тут только понимает пораженная Ксения Николаевна, что за дивный прозорливец был батюшка, который, чтобы успокоить ее, сам и без всякой записки переименовал всех ее дорогих близких родных.

Марфа Евдокимовна Суханова подходит раз прикладываться к кресту, а батюшка и говорит ей:

"Прыгалка моя, прыгалка". Она обиделась на такое замечание пастыря и подумала: "Что это меня батюшка называет по-детски, какая я прыгалка, что это он придумал?" Кончилась обедня, пошла она пешком в село Мазилово (за Дорогомилловской заставой), и пришлось ей все перепрыгивать через канавы; она была еще молодая, незаметно перепрыгнула пять-шесть канав, но такой непривычный маневр скакания заставил ее немного призадуматься, ей припомнились странные слова батюшки: "Прыгалка моя, прыгалка". Посмотрела она случайно вбок и вдруг видит: едет батюшка (он тогда тоже жил в Мазилове). Увидав ее, он крикнул: "Ну что, прыгалка, не правда ли, ведь я верно назвал тебя, а ты еще обиделась на меня и подумала, что я зря сказал".

Да, перед батюшкой все ясно раскрывалось: наша порочность, неправды, неправильности, греховность,- он все видел, во всем мог разобраться, а потому можно понять, сколь беспредельно велика была его пастырская деятельность при такой поражающей массе несметных семей, личностей, жизней. Надо было все распределить, выровнять, устроить; надо было всех заставить верить, каяться, умиляться, молиться. Истинно дивный, великий был наш незабвенный старец-пастырь! Старчество - это великое подвижничество на земле. Старцы - это высшее духовное воинство, назначенное и поставленное Господом для руководства и спасения людей; они высоко чтутся во все времена. Если при монастыре бывает старец, то перед ним преклоняется весь монастырь; игумен, и тот руководствуется его советами и наставлениями. Вот такого-то великого старца дал нам Господь в наставники и руководители, а потому как горячо мы должны благодарить Господа, что удостоились знать его, наставляться им, получать его пастырское благословение.

А то раз готовилась одна духовная дочь батюшки к исповеди; стоит, дожидается, а в голове ее пробегает соблазнительная мысль, как хорошо она после обедни попьет кофе с приготовленными сливками. Зовет ее батюшка, входит она к нему исповедоваться, а он вдруг отвечает на ее суетное желание: "А ведь кошка разлила ваши сливки!" Можно понять, как поразилась такому провидению смущенная барыня; приходит она домой, а кухарка со слезами сообщает ей, что кошка разлила все сливки.

Монахиня Князе-Владимирского монастыря, лежащего близ Одинцова, просила написать следующее: когда она поступала в монастырь, то пришла к батюшке просить его благословения. Он благословил и сказал: "Через десять лет тебе придется побыть в миру и пострадать". И действительно, через десять лет после поступления в монастырь пришлось ей по послушанию поехать в Москву. Приехала она в Москву, вдруг почувствовала себя нехорошо, заболела у нее голова, затряслись руки, прилегла она, а ее стало тошнить кровью, и так много вышло крови, что она уже и не думала, что останется жива. Позвали доктора, он велел ей лечь в больницу, отправили ее в Старо-Екатерининскую больницу. Не успела она выздороветь, как началось у нее воспаление легких, и она тяжело страдала и пролежала два месяца. Великий пастырь за десять лет предупредил ее, что с ней будет, и все в точности так и исполнилось.

Один человек пил вино; батюшка раз исповедовал его в церкви "Нечаянной Радости", ударил его по шее и сказал: "Смотри, не пей, а если будешь пить, то умрешь ударом". Но он не послушался благого вразумления пастыря и через несколько лет действительно умер от удара.

Одна женщина никак не могла попасть на исповедь к батюшке; стоит она и думает: "А что если подойти без исповеди, батюшка и так причастит, ведь не один же он исповедует, а также и отец Платон, почему он может узнать, исповедовалась я или нет". Батюшка в это время стоял и приобщал народ. Вдруг раздаются грозные слова батюшки: "Ты у кого исповедовалась?" Смущенная женщина, помыслившая о возможности причащения без исповеди, видит, что стоит перед Святой Чашей какая-то фигура в черном платке и ничего не отвечает батюшке. Тогда батюшка опять гневно повторяет свой вопрос; обвиненная личность бросается ему в ноги и признается, что она ни у кого не исповедовалась. Можно понять, что почувствовали окружающие при таком грозном обличении пастыря. "Пошла вон из храма",- слышался карающий возглас батюшки, и трепещущая личность поспешила поскорее удалиться. Та же женщина, которая помыслила так сделать, сама трепетала всеми своими членами, как бы обличенная пастырем в ее тайных подобных думах. Он показал, что от него никак не укроешься; если он допускал людей к Святым Тайнам, то он отлично знал, кого он допускает, никто не смел подойти к Святой Чаше неприготовленным и не очищенным искренним, горячим покаянием.

Одна бедная женщина, не имея средств к жизни, задумала нанять побольше квартиру и сдавать комнаты жильцам, чтобы как-нибудь обеспечить свое тяжелое существование. Подыскала она подходящую квартиру и пришла к батюшке попросить его совета и благословения. Батюшка одобряет придуманный ею план и благословляет ее.

Сняла она квартиру, внесла за месяц; но неделя, другая проходит, а жильцов все нет. В сильном беспокойстве не знает она, как ей быть, чем опять заплатить за квартиру, и вот подходит она к батюшке и просит помолиться, говоря, что комнаты ее не сдаются и она не знает, что ей делать. "Хорошо,- ласково утешает ее дорогой пастырь,- я завтра к тебе приду". Изумленная женщина не

помнит себя от радости, спешит скорее домой, начинает мыть и украшать всю квартиру. Долго мыла и охорашивала она все помещение, долго самым тщательным образом убирала свое жилище, чтобы как можно лучше приготовить все к встрече дорогого гостя; и вот на другой день приходит один жилец и снимает у нее комнату, потом другой, и тоже снимает комнату, но хозяйка с нетерпением все ждет пастыря. День проходит в томительном ожидании, батюшки нет, на другой день она тоже начинает ждать и волноваться, но опять напрасно. Тогда она идет в собор и в тоске обращается к батюшке и говорит:

- Что же это ты, драгоценный батюшка, только посмеялся надо мной: обещался приехать и не приехал?

- Как? - спрашивает ее удивленный пастырь.- Разве к тебе не переехали жильцы?

- Как же, переехали,- спешит подтвердить женщина.

- Ну, видишь,- продолжает дорогой попечитель,- вот я и был у тебя.

Молитвенная деятельность батюшки и ее благотворные действия

Многочисленные исцеления также совершались по молитвам дорогого ходатая-батюшки. Разве можно передать все случаи головной или зубной боли, которую батюшка прекращал одним прикосновением своей руки к больному месту. Кто испытал на себе мучительность этого страдания, тот вполне понимает, сколь отраднo было исцеление, которое батюшка разливал кругом.

Живо припоминаю радость одного господина, М. Н. Маслова, который долго мучился зубной болью: у него было сильное воспаление надкостницы, угрожала фистула. Испробовав неудачность медицинской помощи, он обратился к батюшке и стал жаловаться на мучительную боль. Батюшка попросил его раскрыть рот и пальцем несколько раз провел по воспаленной десне. Что же! Боль сразу утихла, и он радостный возвратился домой.

Вот что еще мне рассказывала одна из батюшкиных духовных дочерей, Мария Викторовна Викторова. Пришла она раз в собор Великим постом к вечеру послушать батюшкину беседу. Вдруг сделалось ей дурно: задыхается, падает, не знает, что и делать. Присела она на пол, а уйти не хочет, потому что сам батюшка будет говорить проповедь. Все хуже и хуже становится ей. Ну, думает, умру и батюшку не увижу, а сама все мысленно просит батюшку подкрепить ее.

Слава Богу, дождалась батюшки! Вышел он на амвон, а сам так и оборотился в ее сторону, так пристально посмотрел на нее. "Что же, чувствую я,- рассказывала она,- что при этом взгляде батюшки как бы вдруг какая тяжелая шуба спала с меня, и сделалось мне так легко и хорошо, и я стала совсем здоровой, свободно простояла всю беседу, и когда батюшка уезжал, то благословил меня и спросил: "Ну что, испугалась?"

Никто не понял, никто не знал, а между тем явное чудо милости и помощи Божьей совершилось.

Вот еще случай поразительного исцеления: болели у меня глаза, так что по временам совершенно застилались как бы черной пленкой и невозможно было по вечерам ходить по улице. Еще днем, бывало, кое-как вижу, а вечером совсем темно в глазах: ничего не видать! Что тут будешь делать!

А ведь батюшка служит всюнощную, надо идти. Кое-как, бывало, бредешь с краю по мостовой, так как на тротуаре попадаются разные ступеньки и приступочки и легко можно упасть. Спотыкаясь и падая, медленно подвигаешься вперед, но идешь, потому что хочется попасть на батюшкину службу. Бывало, догонит кто-нибудь из знакомых, схалитя и поведет под руку. Ужасное, безотрадное было положение, того и гляди упадешь и сломаешь себе руку или ногу, трудно и вести такую слепую.

Кое-как с горьким чувством беспомощности дойдешь до собора - и что же! Батюшка, видя меня в таком несчастном положении, сейчас же спешит ко мне на помощь. Подойдешь под благословение, а он будто нечаянно проведет пальчиками по глазам, и что же! - дивное величие Божие! - сейчас же темная пелена спадает с глаз, и делается светло, и возвращаешься из собора одна, совершенно свободно и прославляешь и благодаришь Господа.

Так постоянно врачевал батюшка меня в соборе; но когда он сам заболел и перестал служить, то, не получая благодатного исцеления, я совершенно потеряла зрение и днем почти ничего не видала, не различала оттенков цвета. Наступил постоянный мрак, постоянное уныние. Что мне было делать, слепой, одинокой, никому не нужной? Трудиться я не могла, потому что какая же педагогическая деятельность без зрения? Приходилось влачить жалкую бесцельную жизнь!

Но батюшка, сама любовь и сострадание, не дал погибнуть мне, горькой сироте. Узнав о моей

слепоте, он велел мне лечиться, послал к опытному окулисту Филатову, который ужаснулся, видя вместо глаз какую-то воспаленную бесформенную массу. Хотя не было никакой возможности путем обыкновенной медицинской помощи восстановить зрение, но батюшка властно приказал мне лечиться, и доктор, по его просьбе, взялся за многотрудное дело. Молитва и помощь целителя-батюшки быстро делали свое: путем прижигания, пускания каких-то капель в глаза восстанавливалась нужная материя, совершилось чудесное восстановление погибшего органа, доктор и сам поражался такому удивительному случаю: совершенно атрофированный орган опять получил прежнюю силу и способность; и я теперь, слава Богу, вижу и продолжаю занятия, благодаря которым могу жить и кормиться.

Приводили "порченных" к батюшке для исцеления. Одну такую больную с трудом могли сдерживать четверо мужчин, она все металась и колотилась, не хотела подходить и кричала: "Съем, съем". Наконец с трудом удалось подвести ее. Тогда батюшка стоял на амвоне, давал целовать святой крест после молебна. Увидав ее, он обернулся к алтарю, она же все металась и бранила батюшку, крича, что он измучил ее, не дает ей покою. Тогда батюшка обернулся к ней, ударил ее крестом по голове, она упала и затихла. Батюшка повелительно сказал ей: "Встань",- она встала, приложилась к кресту и пошла совершенно спокойная и здоровая.

А то на моих глазах был вот еще какой случай исцеления. Привел какой-то мужичок в собор совершенно согнутую женщину, она не могла даже поднять головы, которая пригнулась к ногам; невозможно было без жалости смотреть на такое ненормальное положение туловища и головы. Подвел ее мужичок к батюшке, батюшка немного нагнулся к ней и громко сказал: "Погляди на меня". Казалось, батюшка требовал невозможного, потому что все туловище неправильно срослось и голова не могла подняться. "Погляди на меня",- опять повторил батюшка, и что же! Больная, как бы по действию какой-то силы, начинает поднимать голову вверх и смотрит на пастыря, а он несколько раз благословляет ее и отсылает с миром домой.

Еще два или три раза мне пришлось ее видеть в соборе, и каждый раз все больше и больше разгибались ее сведенные члены, и тело приняло наконец хотя наклонное, но почти нормальное положение - приняло человеческий вид.

Одной больной надо было сделать операцию, так как у нее была очень опасная внутренняя болезнь. Послала она в собор к батюшке попросить его святых молитв, а батюшка прислал ей просфору. И вот как рассказывала сама больная: "Только что я съела кусочек просфоры, как вдруг точно что внутри упало мне в ноги, боль утихла, и я стала поправляться". Уже достаточно окрепнув, поехала она в собор благодарить батюшку, а батюшка тут же взял ее на исповедь, причастил Святых Таин, и больная совершенно выздоровела.

А то вот еще что рассказывали мне: одна еще довольно молодая женщина, Зинаида Андреевна, была при смерти: ей надо было сделать операцию, но доктора не решались, потому что больная была слишком слаба и не в состоянии была перенести операцию. Несчастный муж ее приходил в отчаяние. Господь, видно, сжалился над ним и послал исцеление. Случайно в это время к кухарке их, Татьяне, пришла сестра, которая знала батюшку и всегда бывала в соборе. Узнав о тяжком горе в семье, она посоветовала обратиться к батюшке и просить его святых молитв и помощи.

Брат умирающей сейчас же поехал к батюшке, который жил в это время на даче. Батюшка принял его, и первые его слова были:

- Как вы узнали обо мне?

Приехавший передал батюшке, как было дело и кто им указал обратиться к нему за помощью.

- Ах, это Маша,- возразил пастырь.- Чем я могу быть вам полезен, рассказывайте,- продолжал пастырь и внимательно выслушал все.

Потом он взял два образка - Божией Матери "Благодатное Небо" и целителя Пантелеймона - и велел передать больной. Наконец подал ему просфору и сказал:

- А эту просфору пусть больная скушает.

Приехавший поспешил сообщить батюшке, что больная давно уже ничего не может проглотить.

- Ничего, дайте ей кусочек просфоры, а потом четверть чашки бульону, пусть она подкрепится, а завтра я приеду к вам, благословлю больную.

Взволнованный и радостный уехал домой посетитель. Узнав о скором посещении батюшки, больная сразу оживилась, съела кусочек святой просфоры, выпила четверть чашки бульону и почувствовала себя гораздо лучше.

На другой день приехал батюшка, прямо прошел к больной и долго стоял молча около кровати, больная видела, как он шевелил губами и смотрел на святые иконы, прося Господа исцелить ее. Благословив и ободрив больную, батюшка уехал, попросив ее выпить полчашки бульона и съесть котлетку.

Больная видимо стала поправляться. Еще раз батюшка навестил ее, после чего она совсем выздоровела. Вот какие были чудесные исцеления! Разве возможно их все описать и перечислить!

Если батюшка, приобщая ребенка, покрывал лицо его чашей, то это был несомненный знак, что ребенок скоро умрет. Лаская однажды младенца-девочку, Женю Фролову, батюшка высоко поднял ее, как бы отдавая ее Господу на небо, и сказал: "Прощай, деточка, молись за меня",- и девочка вскоре неожиданно заболела и умерла.

У одной женщины, А. М. Булаткиной, появилась на лице опасная рожа, все лицо превратилось в опухшую массу. Пошла я к батюшке и попросила помолиться за нее. Батюшка дал мне рубль и сказал: "Снеси ей". Как только увидела больная присланный рубль, так с благоговением стала целовать и прикладывать к опухшему лицу. Что же! Тут же почувствовала она себя гораздо лучше, и через несколько дней рожа бесследно прошла.

Вот какие были чудесные случаи исцеления. Да разве возможно пересказать все, что совершал и как исцелял батюшка! Все духовные дети его - это венец его чудес и исцелений, все они видели его чудеса, и редко кто из них не был вырван им от смерти или спасен от опасности.

Приведу и еще несколько случаев: у одной духовной дочери батюшки родилась дочка, такая беспокойная, что дни и ночи все кричала. Нанята была хорошая нянька, которая холила и мыла девочку, но ничто не помогало. Несчастные родители не знали, что и делать, несколько раз осматривали они ребенка, боясь, не вошла ли в его тельце иголка или булавка, но ничего не замечалось, а потому можно представить, как велика была горесть родителей, которые в сильном недоумении испробовали многие медицинские средства облегчения, чтобы успокоить свое дорогое, так давножданное дитя. Но полненькая, здоровенькая с виду девочка не внимала никаким ласкам и заботам родителей и так сильно, так болезненно кричала, что доставляла им сильнейшее душевное страдание. Что тут было делать?

Но великий благодатный пастырь, приняв под свою спасительную опеку мать, пожелал озарить благодатью и новорожденное дитя, чтобы сделать его сосудом чистоты и духовного и нравственного богатства. Однажды к ним в семью явилась посланницей и вестницей батюшкиной попечительности и его премудрого усмотрения знакомая их, Еленушка.

- Вы бы снесли ребенка к батюшке в храм приобщить его,- спешит посоветовать она матери, понимая, что только благодать Божия может помочь здесь и остановить такой непонятный, неестественный детский крик и плач.

- Как же это можно, девочка только недавно приобщалась, зачем я понесу ее, разве можно так часто приобщать ребенка,- сердито ответила ей мать, слегка возмущенная таким несвоевременным заявлением.

Однако же ревностная ученица благодатного пастыря не унимается:

- Ну что же, что недавно приобщали, а теперь снесите к батюшке в его храм и приобщите там.

Но упрямую натуру матери, еще незнакомой с благодатным действием святейшего таинства, трудно было сломить. Прежние печальные откуда-то взявшиеся убеждения о законности и необходимости редкого приобщения так глубоко и основательно вкоренились во всех слоях общества, что многой борьбы, многих тяжких испытаний стоило пастырю переубеждать людей в их жалких и неосновательных мыслях, насаждая сознание о необходимости для всякой верующей христианской души как можно чаще соединяться со Сладчайшим Господом (по Его святейшему непреложному глаголу) в таинстве Святого Причащения,- что же может быть лучше и величественнее для человека такого высшего блаженства на земле.

Чистосердечно, с полнейшим смирением и раскаянием должно приступать к таинству исповеди и к святейшему таинству Причащения, и можно и здесь, на земле, предвкушать райское наслаждение - в этом все наше спасение, вся наша отрада, все наше врачевство. Что может быть выше и дороже сего преблагостного дара, который святит, живит и воскрешает греховно-испорченную, греховно-изломанную душу? Что может сильнее отражать мерзостные козни лукавого, который далеко бежит от этой преблагостной святости? Часто принимать Пречистое Тело и Всечестную Кровь Его - это соединяться часто с Самим Сладчайшим Спасителем, целиться Им, освящаться Им, вдохновляться Им!

Но слепой, непросвещенный люд не может понять этого и безжалостно осуждает себя на мрак и омертвелость. С трудом удалось терпеливой Еленушке убедить мать снести ребенка в церковь к батюшке, чтобы приобщить его там.

Ребенок так хорошо, так спокойно ведет себя, что мать, еще не понимавшая благодати Божией, поражается этим, но все-таки, подходя к кресту, говорит батюшке:

- Девочка очень кричит у меня, что мне с ней делать?

- Приобщайте ее чаще,- указывает ей пастырь на источник духовного целения беспокойного ребенка.

- Как же чаще, батюшка, ведь полагается через шесть недель, так и родители нас учили, так и священники говорят.

- Нет, чаще,- возражает ей пастырь.

Смущенная мать начинает сбавлять назначенный срок и спрашивает батюшку:

- Через три недели?

- Нет, чаще,- продолжает наставлять ее мудрый пастырь, разбивая ее неправильные укоренившиеся понятия.- Когда будешь приходить в церковь, тогда и приобщай ребенка,- определенно уже заявляет он, желая вразумить эту еще духовно неопытную женщину, что ее младенец, как чистое, неиспорченное существо, может неосужденно принимать Пречистую Кровь Господа.

- Батюшка, да я каждый день буду ходить в церковь, что же, каждый день и приобщать ребенка? - пробует она окончательно добиться толку и узнать, когда же ей приобщать ребенка.

- Вот это-то было бы очень хорошо, больше ничего и не нужно,- слышатся дивные пророческие слова пастыря, который на этом ребенке показал, как велико и спасительно частое приобщение Святых Таин.

Когда девочку принесли домой, она все время спокойно спала, даже не принимала пищи. Мать опять забеспокоилась, и на другой день утром, видя, что ребенок все спит, она было побоялась нести спящую девочку в церковь, но, вспомнив наказ батюшки, отправилась с ребенком к обедне. В церкви дитя проснулось и тихо приняло Святые Дары, после чего опять заснуло.

Видя, что ребенок совсем перестал кричать, стал тихим и покойным, отец с радостью отпустил его в церковь. Такая удивительная перемена с ребенком показала родителям, сколь велик батюшка, сразу остановивший резкий постоянный крик младенца и научивший их, как целить его Святейшей Божественной Пищей.

Итак, девочка, по милосердию Божию и по великому пастырскому попечению, стала каждый день приноситься в храм на батюшкины службы, приступать к Божественной Трапезе, и таким образом она все больше и больше освещалась светом веры и благодати.

Это был необыкновенный ребенок. Девочка сильно полюбила батюшку - бывало, так вся и затрепещет, когда его увидит, и беда, если матери не скоро удастся поднести ее к батюшке, она так начнет волноваться и беспокоиться, так начнет приставать к маме и хлопать ее ручонкой по щеке, что многие с удивлением смотрят на нее и радуются ее детскому чувству. Когда же мать подносила ее к батюшке, то он целовал ее в лоб; тогда девочка с радости начинала прыгать на руках у мамы и хлопать ручонками. Это было особенное стремление к благодати, и батюшка раз за всю ночь дал понять матери, что у нее не простое дитя. Как-то П. И. принесла девочку ко всеобщей, вошла в исповедальню и бережно положила ее там. Батюшка во время каждения по храму взошел в исповедальню, подошел к ребенку и несколько раз произнес: "Боже мой, Боже мой",- как бы призывая этими величественными словами на него благодать Божию, потом, обращаясь к матери, спросил:

- Кто это у тебя?

- Девочка,- простодушно отвечала ничего не понявшая женщина.

- Да знаешь ли, кто это у тебя? - продолжал знаменательно допрашивать пастырь, как бы желая вразумить ее, чтобы она особенно берегла и охраняла своего ребенка.

Отец ради спокойствия и счастья дочери на все соглашался; видя, что после того, как его дочку ежедневно стал приобщать батюшка, она стала тихой, кроткой девочкой, он не препятствовал жене возить ее в церковь даже в мороз и в сильную стужу; только как-то раз, видя, что жена собирается ехать с ребенком в храм, он сказал ей: "Хоть бы ты один раз осталась дома, посмотри, сколько у нас дел, один раз и пропустить можно". Жена, не желая раздражать своего мужа, согласилась остаться. Но сам ребенок дал понять своим родителям, что нельзя слушаться приказания старца: девочка в этот день по-прежнему так стала кричать и метаться, так измучила своих родителей, что мать насилу могла дождаться следующего дня, чтобы свезти ее в церковь. Это настолько поразило отца, что он уже больше никогда не покушался удерживать жену дома, а напротив, еще сам посылал ее в собор.

Это дитя было первое, которое стало ежедневно подпускаться батюшкой к Святой Чаше, стало ежедневно освящаться и укрепляться небесной благодатью. Благодаря этому великому сладостному обилию благодати девочка удостоилась после дивных видений, непостижимых и недоступных для простых осуетившихся людей.

Батюшка строго приказывал матери, чтобы ребенка не целовали в уста, говоря, что эти уста принимают Святейшие Тайны и не нужно, чтобы кто-нибудь прикасался к ним, потом он не велел кому-нибудь отдавать ее на руки, видимо, он готовил эту девочку к Небесному чертогу Царя Славы, чтобы она полетела туда во всей духовной красоте.

Это было дитя, испрошенное матерью у Царицы Небесной только на четыре года, по истечении которых родители должны были покорно отдать ее на небо, как не принадлежавшее им сокровище, но родители, страшно любившие свою дочку, не могли расстаться с ней.

Назначенные четыре года приходили к концу. Вдруг девочку поражает нервный удар паралича: красивое полное личико вдруг делается изуродованным, глаза скашиваются, рот тоже, ребенок, к ужасу своих родителей, сразу делается несчастным существом. Это случилось в пятницу на Святой

неделе, в день празднования Божией Матери "Живоносный Источник". В страшном испуге и отчаянии бросается мать к пастырю и передает ему о своем несчастье. Услышав о таком горе родителей, батюшка сильно заволновался и велел П. И. с ребенком отправиться к доктору Корнилову, который, осмотрев девочку, сказал, что она не переживет этой недели: должна умереть или помешаться. Мать в ужасе бежит к батюшке и умоляет его спасти ребенка, говоря, что и муж ее находится в страшном отчаянии. "Что вы просите меня,- возражает пастырь,- Сам Господь пришел за ней и берет ее к Себе; Он потому и послал паралич, чтобы вам легче было с ней расстаться, а то тяжело было бы вам, если бы она умерла у вас такой красавицей".

Но материнская скорбь металась, рыдала и молила батюшку сжалиться над ними, несчастными, и упросить Господа оставить им их дитя. Батюшка больше ничего не возразил, но, видимо, не мог переносить такого отчаянного страдания родителей: он стал умолять Господа сжалиться над ними и не брать к Себе их дитя. И вот девочка видит во сне дивное видение и рассказывает его матери, которая, ничего не понимая, начинает опять умолять батюшку, с немим отчаянием смотря на свою бедную больную девочку. Тогда батюшка, испросив у Господа оставление девочки на земле, говорит матери: "Дочь ваша должна была идти на небо, но Господь сжалился над вами, поезжайте к преподобному Сергию, там получит она исцеление: меняйте три раза ей на день рубашки и каждый день приобщайте ее". И действительно, когда девочка приложилась к благоуханным мощам преподобного Сергия, то глаза ее и рот установились на место! Можно понять, что почувствовали скорбные, измученные сердца родителей! Их дорогое, неоцененное дитя опять с ними, опять будет утешать и радовать их. Даже отец, еще не ходивший к батюшке, и тот воспылал величайшей благодарностью к нему за такое дивное ходатайство пред Богом.

Девочка осталась на земле; только правая ручка и ножка ее были повреждены, так что писать и работать она может только левой рукой.

Батюшка сказал: "Теперь я на четыре года беру ее на свои руки",- и, действительно, батюшка зорко воспитывал ее, постоянно освящал ее таинством Святого Причащения и часто брал ее на руки. По прошествии четырех лет он как бы передал ее матери и строго наказывал, чтобы она берегла и охраняла девочку. "Как я должен сохранять епитрахиль, так и ты мне, смотри, сохрани дочь, а то будешь отвечать за нее",- строго приказывал он матери. Восьми лет он велел ее учить грамоте и перед началом учения отслужил у них на дому молебен, испрашивая ей у Господа душевные и телесные силы для умственного развития: девочка, по его святым молитвам, скоро ловко научилась писать левой рукой и в короткое время читала очень порядочно.

Батюшка как-то пророчески сказал матери: "А все-таки она у вас остается только до совершенных лет, а там уйдет".

Вот о каком чудесном исцелении двух хромых женщин рассказывала Прасковья Филимоновна: была одна женщина, у которой нога была подогнута, так что она ходила на костылях, и вот видит она во сне, что какой-то священник отслужил ей молебен, помолился за нее и нога ее исцелилась. И она долго ходила по всем церквам и все разыскивала пастыря, виденного ею во сне. Приходит она в церковь "Нечаянной Радости" и, к крайнему восторгу своему, видит, что здесь служит именно тот пастырь, который явился ей во сне и исцелил ее ногу. После молебна она подошла к батюшке и сказала ему: "Я вас видела во сне, и вы исцелили мою больную ногу",- и она стала просить его святых молитв. Тогда батюшка, встав перед образом Царицы Небесной, сказал ей: "Помолимся". И так он горячо молился, что даже плакал, потом сказал женщине: "Дай костыль"; она подала ему. Он поставил его около образа Царицы Небесной "Нечаянная Радость", и вдруг женщина чувствует, что кто-то по ноге ее так сильно ударил, что она даже вскрикнула, и при этом нога ее опустилась на пол.

И что же? Женщина чувствует, что нога ее, прежде недвижимая, теперь может становиться на пол и свободно передвигаться. Не помня себя от радостного удивления, так чудесно исцеленная женщина хочет все-таки взять костыль, боясь оступиться, но костыль куда-то исчез, и она, заручившись какой-то тоненькой палочкой, свободно, бодро идет домой. И с тех пор она совершенно правильно стала ступать и двигаться, так что даже не осталось никакого знака прежней хромоты.

А вот и другой случай исцеления хромой. Две монахини пришли однажды в больницу навестить одну свою знакомую, а она стала им рассказывать, что доктора назначили одной несчастной девушке отнимать ногу. Пришедшие монахини очень пожалели девушку и сказали, что уж лучше помереть, чем быть искалеченной на всю жизнь, и стали уговаривать ее как-нибудь уклониться от операции, но больная девушка сказала им, что нужно или решиться на операцию, или же уходить из больницы; но так как ей некуда было деться, то она и должна согласиться на операцию. Тогда сострадательные посетительницы решаются взять ее с собой в монастырь, чтобы избавить ее от такой ужасной операции. И вот они все втроем усаживаются в пролетку извозчика и отправляются в Вознесенский монастырь, но по дороге им приходится проезжать мимо Архангельского собора. Много слыша о чудесных исцелениях батюшки, монахини останавливаются около собора и решаются больную подвести к батюшке. Батюшка служил в это время вечерню, и после вечерни народ стал подходить к

кресту прикладываться. И бедная девушка с трудом могла стоять, так как у нее страшно болела нога, которую она сильно натрудила, и слезы ручьями лились у нее из глаз. Она подошла на костылях к кресту, и батюшка сурово обратился к ней, говоря: "Что это ты нюни распустила?" Больная поспешила оправдаться и сказала, что у нее сильно болит нога. "Какое место?" - продолжал допрашивать благой пастырь. Она показала выше колена; тогда он три раза сильно ударил ее рукой по больному месту и сказал: "Неправда, у тебя здесь и не болит!" - и велел солдату дать ей святого масла.

Прасковья Филимоновна, не поняв благого действия пастыря, возроптала в душе на него и подумала: "Ишь ведь, как батюшка обошелся сурово с ней, разве он не видит, что она еле жива, да еще как ударил по больному месту"; потом, сострадав несчастной, она подошла к ней и стала расспрашивать: больно ли батюшка ее ударил по ноге? Но больная, однако же, с радостью возвестила ей, что при таком резком действии пастыря она не почувствовала никакой боли, напротив, ей так легко стало на сердце, а то раньше оно сильно замирало. Пришла она в монастырь, помазала ногу святым маслом, и нога стала крепнуть, так что через два дня она явилась в собор уже с одним костылем и объявила, что ее рану уже стало затягивать; а через три дня она пришла в собор совсем без костыля и горячо благодарила дорогого целителя-батюшку; она ходила в собор недели две, и так как она была одинока и не имела пристанища и никаких средств к жизни, то батюшка дал ей два рубля и благословил ее торговать деревянным маслом. Торговля ее пошла очень удачно, так что на выручаемые деньги она могла существовать и кормиться.

Вот как целил, учил и поддерживал пасомых незабвенный пастырь, вот как быстро согревал он и оживлял уже почти совсем онемевшие безжизненные члены, а главное, заботился о том, чтобы люди при всех своих опасных заболеваниях прежде всего обращались к врачевству небесного целения и с чувством смирения и раскаяния приступали бы к Святым Животворящим Тайнам. По его горячим молитвам все с верою и благоговением приступающие к сему Божественному дару получали быстрое исцеление.

Дочь Прасковьи Филимоновны, Анюту, батюшка пожелал приобщать каждое воскресенье, а в дни больших праздников Рождества и Воскресения Христова - через день, говоря, что родители в малолетстве его заботились, чтобы он приобщался каждый день Святых Таин.

Однажды Прасковья Филимоновна Григорьева встречает в соборе свою знакомую и спрашивает ее, почему давно не было видно ее в церкви, а знакомая рассказывает ей, что с ней сделался паралич, отнялись рука, нога и язык, и она ничего не могла промолвить, и вот под самое Рождество во сне пришел к ней батюшка, положил руку ей на голову и зашел: "Рождество Твое, Христе Боже наш" и "Дева днесь Пресущественнаго раждает",- и она стала подпевать ему, так что даже домашние ее слышали, как она пела ночью, а когда она проснулась, то, к изумлению родных, вдруг стала говорить и рассказала о явлении к ней во сне батюшки. На другой же день после этого она пошла в Архангельский собор, чтобы поблагодарить своего чудного исцелителя.

Одна духовная дочь батюшки, Ольга Ивановна, страдала внутренней болезнью, она была сильно больна, так что ее даже с трудом поворачивали на простыне. Послала она прислугу свою Марфушу в собор к батюшке, чтобы выпросить у него благословение лечь ей в больницу, но так как огромная толпа теснилась и подходила к кресту, то она никак не могла подойти к батюшке, и вдруг слышит она, что батюшка с амвона громко говорит: "Марфуша, Ольгу Ивановну не надо в больницу, я завтра сам к ней приеду". Она идет и возвещает об этом своей хозяйке. Ольга Ивановна жила на Моховой, и вот Марфуша на другой день, убирая комнаты, посмотрела в окно и увидела, что едет батюшка; она сейчас же бросилась сказать Ольге Ивановне, которая, бывши до тех пор почти без движения, вдруг при такой радостной вести поднялась с подушки, спустила ноги и завернулась в простыню.

Батюшка вошел в ее комнату, подошел к больной, благословил ее, осмотрел все рецепты и сказал: "Да, болезнь очень серьезная",- потом помолился и, обратившись к Ольге Ивановне, промолвил: "Приходи в собор, причастись". После чего батюшка простился со всеми и уехал.

На другой день больная действительно встала и отправилась в собор, но она еще еле стояла и была безжизненная и желтая, как воск, а когда приобщилась Святых Таин, то стала оживленная, радостная, вернулась домой и даже не легла на постель и вскоре совсем выздоровела.

Дочь Прасковьи Филимоновны, Анюта, четырнадцати лет сильно захворала горлом, которое распухло, так что она не могла ни дышать, ни говорить. Пришла мать к батюшке на дом на Воздвиженку и сказала, что у дочери сильно захватило горло и что, может быть, надо пригласить доктора. "Конечно, позовите доктора,- поспешил посоветовать ей батюшка,- а сначала дайте ей вот этот апельсин". Но Прасковья Филимоновна возразила на это, что она совсем не может глотать. Тогда батюшка велел по возвращении домой выжать сок из него на ложечку и дать девочке, потом ложку молока, а за доктором непременно послать.

Мать так и сделала: пришла домой, выжала сок из апельсина и дала больной. Как только девочка проглотила сок, так вскрикнула и после того выпила ложечку молока. Анисья же (пришедшая

знакомая) была послана за доктором. Пришел доктор и, осмотрев горло девочки, обратился к матери и с удивлением спросил: "Чем вы прорвали?" Больная стала поправляться.

И в другой раз Анюта захворала, с ней сделалась, вероятно, скарлатина. Пришла Прасковья Филимоновна к батюшке, а он велел ей купить карболовой кислоты и вспрыснуть все в квартире и даже дал ей двадцать копеек, сказав: "На, возьми, у тебя нет",- и правда, у нее не было с собой денег. Она купила карболовой кислоты и вспрыснула кругом, и больной стало лучше.

У одной женщины, Татьяны Михайловны, был в теле блуждающий желвак, который как-то странно блуждал по телу. Ее положили в больницу; желвак появился в ноге повыше колена, доктора назначили сделать ей операцию. Явились они на операцию осматривать больную, а желвак исчез. Через некоторое время он оказался в другом месте; опять назначена была операция, опять явились врачи, а желвак, как бы испугавшись такого дерзкого покушения на его свободу и самостоятельность, вновь скрылся подальше; и так много времени мучил он ее. Операции не пришлось делать, и Татьяна Михайловна должна была выписаться из больницы.

Она сняла комнату у Прасковьи Филимоновны, которая первым делом посоветовала ей приобщиться Святых Таин. Но духовно неразвитая женщина все отговаривалась и не слушала благого совета. Наступила Великая Пятница. Прасковья Филимоновна уже окончательно пристала к ней, чтобы она вместе с ней пошла в церковь и исповедовалась у батюшки. Чтобы как-нибудь избавиться от надоедливых приставаний, Татьяна Михайловна согласилась пойти в церковь, но сама же (как после призналась) рассчитывала как-нибудь ускользнуть из церкви и вернуться домой. Однако же мудрый пастырь распорядился иначе: он явился на помощь Прасковье Филимоновне. Едва она только ввела свою непокорную знакомую в церковь и подвела к исповедальне, как вдруг около них очутился батюшка и, указывая на Татьяну Михайловну, сказал: "Дайте мне эту душевнобольную". Прятаться и бежать было некуда, и она волей-неволей пошла исповедоваться.

Батюшка велел ей чаще приобщаться Святых Таин, и она при таком благодатном освящении сначала физически, а потом и духовно стала возрастать и укрепляться. Прежде, временами, она ходила совсем согнутая, так как желвак вступал ей в спину, а при частом приобщении Святых Таин она совсем перестала чувствовать боль, ходила бодрая и прямая, и вскоре совсем выздоровела; желвак исчез, и она стала крепкой и здоровой.

Вот что сообщила о великой помощи благого пастыря Екатерина Ниловна Быкова. Муж ее, Федор Федорович Быков, пил запоем, сама же она знала батюшку и высоко чтילה его и, скорбя об ужасном состоянии мужа своего, обратилась как-то к батюшке и стала просить его помолиться за ее мужа, но пастырь строго крикнул на нее: "Сама спасайся!" Однако же страдавшая женщина не унимается, она не обижается гневному оклику батюшки, она понимает, что любвеобильный пастырь не может отвергнуть измученное сердце, если оно с верой и горячей мольбой прибегает к нему, а потому вторично умоляет батюшку сжалиться над ее мужем и спасти его. Такая искренняя, смиренная скорбь, такая неустанная просьба трогает пастыря: с лаской и с нежностью он принимает неутешную мольбу и озаряет истомленную женщину лучами своего благодатного света. "Деточка,- кротко, радостно ласкает он ее,- хорошо, помолюсь".

И вот муж ее, пропадавший пять дней, пришел домой и вдруг сам сказал: "Я пойду в собор, хоть около дверей постою". Можно ли было поверить, что этот несчастный алкоголик, который дни и ночи проводил в буйстве и в пьянстве, вдруг сам пожелал идти в храм Божий!.. Такая перемена непостижима была простому разуму, но она глубоко понималась верующей скорбящей душой жены. Да, эта простая, незначущая женщина удостоилась видеть такое всеблагое милосердие Божие, которое, по молитвам достойного пастыря, сразу вырвало погибающую душу грешника из топкой всасывающей пучины: несчастный, расшатанный, развинченный, больной человек быстро приводится в здоровое, осмысленное состояние.

Федор Федорович останавливается у дверей храма, а жена входит во храм и молится. Шла всенощная. Екатерина Ниловна подошла к святому Евангелию, приложилась и сказала батюшке, что пришел ее муж. "Пойди, скажи ему, чтобы он подошел ко мне, я желаю с ним познакомиться",- любяще обратился к ней пастырь. Обрадованная женщина спешит сообщить об этом мужу, но он не соглашается подойти к батюшке, так как прежняя пагубная жизнь оставила на нем неизгладимый след и он боялся подойти к благодатному пастырю. И вот, пока жена убеждала и уговаривала мужа, все уже подошли к Евангелию, а батюшка все стоял и дожидался его. Батюшка, великий, праведный, дивный старец стоял и дожидался - кого же? Ничтожного, заблудшего человека, всего загрязненного, всего пропитанного губительным зельем! Вот до чего доходила ангельская любовь пастыря, вот до чего простиралось его великое милосердие к несчастным, грешным, заблудшим людям! Он не гнушался грязи, порочности, он звал ее, просил, ждал! Да, незабвенный, благодатный пастырь! Он, великий служитель храма, стоял среди него и ждал ничтожного, последнего раба.

Наконец удалось жене почти насильно подвести мужа к батюшке. Пастырь с любовью принимает его к себе. Он подводит его к мощам Димитрия-царевича, около которых встретил грешника, долго,

пламенно молится, потом идет к чудотворному образу Владычицы "Благодатное Небо", наконец к мощам князя Михаила и боярина Феодора, черниговских чудотворцев, все время читает над грешником молитвы, призывая благодать Божию, всеисцеляющую и всеукрепляющую. Потом, благословив его, уходит в алтарь. Когда же Екатерина Ниловна подошла к батюшке поблагодарить за мужа, то батюшка сказал "Аминь" и велел ей прийти на другой день, говоря, что пошлет ее мужу просфору.

На другой день батюшка действительно послал просфору. Федор Федорович с тех пор не стал брать в рот вина, перестал даже курить. Жена не знала, как и благодарить благого пастыря, и сказала ему:

- Батюшка, он не стал совсем пить и даже не курит теперь.

Но провидец-батюшка ответил ей:

- Вина-то он не станет пить, а курить-то будет.

И действительно, он после стал курить.

Оправив и укрепив таким образом несчастного, едва не погибшего человека, батюшка повел его дальше по пути веры и исправленной нравственности. Он устроил его управляющим к Н.Г.Вельтищевой. Такая трудная ответственная должность сильно испугала неумелого и малограмотного человека, но батюшка благословил его, сказав: "Со Христом ничего". Пастырю нужна была его честность и добросовестность, а дальше он благодатно мог и неумелого, неразвитого человека поставить в должные рамки умения и порядка. Неученый, малоопытный человек действительно пришелся к месту, сделался вполне пригодным, дельным управляющим, так что даже архитектор поражался его толковому, правильному наблюдению за всем, его основательной деятельности и спрашивал его: не в Техническом ли училище он окончил? Потом, когда дом перешел в другие руки, батюшка устроил его надсмотрщиком к княгине Н. Б. Шаховской, где он и прожил до конца своей жизни.

Приведу и еще один случай, о котором рассказывала М. З. З. В молодости она десять лет сильно хворала: у нее было поражение легких и расстройство нервной системы; она лечилась, но здоровье ее не поправлялось, а все больше и больше слабело, так что стала идти кровь гортанью; но Сама Владычица "Взыскание погибших" помогла ей и простерла Свою дивную помощь; она стала поправляться и немного окрепла силами.

Дочь ее, Варя, на втором году стала говорить, но Господу угодно было послать великое испытание несчастной матери: девочка сделалась глухонемой. И когда ей исполнилось семь лет, то мать отдала ее в училище для глухонемых, но сама все-таки часто была больна, и вот тут-то М. З. случайно попала в собор и узнала батюшку - Господь сжалился над несчастной женщиной и послал ей пастыря, который своею благодатью стал озарять ее и направлять к пристани спасения. Девочка стала понемногу привыкать к учению, но здоровье ее тоже было очень плохо, так что батюшка велел взять ее из училища.

Первого февраля М. З. в первый раз пришла к батюшке на исповедь, и он сказал ей: "Трифон мученик поможет". Ей стало лучше, уже не было такой изнурительной слабости, как прежде; во второй раз попала она на исповедь накануне Николина дня, и после приобщения Святых Таин она совсем исцелилась и окрепла силами и стала быстро ходить, тогда как прежде доктора не позволяли ей этого; теперь же она целыми днями бывала на ногах и не чувствовала никакой усталости. Вот как быстро поднял ее дорогой целитель-батюшка.

Муж ее Петр прежде пил запоем. Сокрушаясь о таком горестном состоянии своего мужа, М. З. убеждала его пойти к батюшке, но, сколько она ни звала его, он и слушать не хотел, говоря: "И в нашем приходе есть священник, зачем я пойду в собор". Так три года ничего не могла сделать с ним несчастная женщина; это были такие ужасные томительные для нее годы, что она и вспомнить не может о них.

Чтобы возбудить в ней горячность молитвы за мужа, батюшка наложил на нее продолжительную епитимию, почти не подпуская к себе, строго держал вдали, а это было ужаснее всего. Немилость пастыря доставляла всегда человеку такое ужасное духовное страдание, что невозможно и передать этого. Три года молилась несчастная женщина, изнывая в тяжелой скорби, наконец душевный карантин окончился, милосердие Божие пролилось на М. З. Батюшка, видя чистосердечное сокрушение ее о муже, умолил Господа и его принять в число достойных чад Своей Церкви; тяжкое трехлетнее испытание окончилось и принесло желанную радость: муж ее озарился светом веры и вступил в духовное стадо благодатного пастыря.

Это случилось так: в конце трехлетнего тяжкого искуса М. З. подходит к батюшке около мощей черниговских чудотворцев, князя Михаила и боярина его Феодора, подает ему записку о муже и три рубля денег. Батюшка не берет ни записки, ни денег, но видимо смягчается и уже не так порывисто-строго относится к ней. Муж ее внезапно заболел: у него опухли и закрылись глаза так, что он ничего не видел, с ним сделался сильный жар. М. З. идет в собор, молится за мужа, берет святой воды и

приносит домой. Когда она омочила святой водой глаза больного мужа, то у него сейчас же открылся один глаз, а через несколько времени и другой, и он быстро выздоровел. Такое чудесное исцеление сильно подействовало на него и, видимо, послужило для него спасительным толчком, так что он накануне 22 октября пошел в собор ко всенощной и получил благословение от батюшки; 22 октября, в день празднования Казанской Божией Матери, он опять пошел в собор, батюшка исповедовал его около жертвенника и сказал ему: "Оставим вино, оставим пиво, оставим папиросы курить". Для закрепления такого великого благостного решения батюшка сказал ему: "Давай помолимся", - и стал возносить горячую молитву о вновь обратившемся на путь истины и спасения грешнике. Велика, горяча, благодатна была молитва праведника о заблудшей овце, потому что Петр Петрович (так звали мужа М. З.) с того времени до самой смерти своей не взял в рот ни спиртных напитков, ни папирос.

Вот как спасительно мог действовать пастырь на людей: дав им некоторое время пострадать для укрепления их веры и молитвы, он зато озарял их таким ярким светом своей благодати, что они навсегда уже укреплялись в своем радостном, благодатном состоянии; все приготавливалось долгим, продолжительным терпением, долгими, горячими молитвенными рыданиями изнывающей скорби, но зато увенчивалось неопианным восторгом удовлетворенной мольбы и обращения ко Господу, высшим чувством беспредельной благодарности к пастырю, благоговейным преклонением перед его величием, перед его безграничной любовью к ближним и тем навсегда приводило к его стопам.

Однажды у Марии Гавриловны Мешковой сильно заболели бок и грудь; такие поднялись колики, что она не могла дышать, всю ночь на крик кричала и вся почернела. С великим трудом собралась она утром и пошла в собор, чтобы попросить у батюшки благословения лечь в больницу. Пошла она из дома и сказала хозяйке, что отправляется в больницу, так как действительно думала прямо из собора отправиться туда.

Пришла она в собор, села на ступеньки; батюшка был на амвоне, обернулся он, посмотрел на нее и махнул ей идти к образу Василия Великого, что около северных дверей; встала она, пошла, приложилась и хотела уже сходить с амвона, вдруг вышел батюшка, все бросились к нему, он строго приказал им всем сойти, а Марию Гавриловну взял за руку и поставил перед аналоем. Смущенная Мария Гавриловна поспешила сообщить батюшке, что она совсем и не готовилась к исповеди, ела вчера мясо; тогда батюшка ответил ей: "Я тебя не спрашиваю, что было вчера, я знаю, что нужно тебе сегодня", - потом прочел ей разрешительную молитву и велел положить три земные поклона.

Приобщилась она Святых Таин, боль быстро прошла; ночью она не могла даже пошевелиться, а теперь свободно двигалась и легко дошла домой. Хозяйка, видя ее совсем здоровой и сияющей, стала расспрашивать ее, откуда она пришла, недоумевая, как могла совершиться с ней такая дивная перемена. Мария Гавриловна сообщила ей, что она причащалась в соборе у батюшки и с тех пор колотья совсем прошли и боль не возобновлялась.

Анатолий Гаврилович Князев рассказывает, что их двухнедельная девочка Леночка быстро начала худеть, так что остались почти одни косточки, которые собирались и прыгали как бы в широком мешочке, тельце почти все истлело от тяжелого опасного недуга. Горестные родители, видя близкий конец, написали батюшке письмо и просили его помолиться, чтобы Господь исцелил их умирающую девочку.

Проходит неделя, ребенку становится все хуже, ответа от батюшки нет никакого; наконец несчастные родители видят, что их дорогая неоцененная деточка видимо кончается, холодеет; они бережно кладут ее на стол, зажигают восковую свечу, ожидая, что скоро ангельская душа отлетит ко Господу. Однако же яркий луч надежды на батюшку еще горит в их измученных сердцах, и всю ночь проводят они в томительном ожидании среди безнадежной горести разлуки и радостного блаженного исцеления.

Проходит ночь, вдруг получается письмо от батюшки. В трепетном страхе распечатывают они его и читают дорогие незабвенные строки своего ангела-хранителя батюшки: "Радуюсь вашему счастью, молюсь за всю вашу семью". Такие знаменательные благодатные слова драгоценного целителя-батюшки разом воскрешают их упавшее упование, и что же? Эта радостная весть как бы подлетает и к младенцу, будит его от сна смерти, радостно призывая к жизни; девочка чудесно исцеляется и тем приводит в неопиуемый радостный трепет пострадавших, измученных родителей.

Матрена Михайловна Гостева, или болящая Матрена, как называл ее всегда батюшка, сильно хворала все время, так что дошла до полнейшего слабосилия и истощения организма. К довершению горя у ней открылась бессонница, она так ослабла нервами, что стала всего бояться. Узнала она батюшку в 1894 году, когда он служил в соборе. Пришла она раз в собор на вечерню, отстояла вечерню, после которой батюшка стал читать акафист Царице Небесной "Благодатное Небо". По окончании службы все стали подходить к батюшке под благословение, подошла и Матрена Михайловна и стала проситься у батюшки позволить прийти ей к нему на исповедь.

- Зачем тебе? - спросил ее пастырь.

- Для здоровья, - ответила ему Матрена Михайловна.

Он позволил ей назавтра прийти к нему на исповедь. На другой день он действительно взял ее исповедовать, причем сам назвал ее имя, а когда она подошла к Святой Чаше, то он громко сказал: "Болящая Матрена причащается"; с тех пор она стала чувствовать себя лучше и лучше, боязни как и не бывало, явился хороший сон и аппетит. Матрена Михайловна быстро окрепла силами и перестала лечиться, тогда как до батюшки ходила по разным лечебницам, много потратила денег на докторов. Она и после своего чудесного исцеления несколько раз прихварывала, но всякий раз выздоравливала по молитвам дорогого пастыря, даже и теперь, после его кончины, чувствует на себе великую целительную помощь благого пастыря, потому что стоит ей только с усердием и с любовью обратиться к дорогому своему незабвенному хранителю-батюшке, как он сейчас же отзывается на ее просьбу и является к ней на помощь.

Три года болели у Ольги Егоровны Игнатъевой зубы, она сильно мучилась, потом пришла к батюшке, а он тронул ее рукой за большую щеку, и зубная боль прекратилась.

Сын ее Константин любил ездить в Останкино, там останавливался у одной старушки и часто отправлялся на охоту. В одно время его нашли несчастно скончавшимся в лесу. Сострадательная старушка похоронила его и с честью проводила на кладбище. Матери же никто не дал знать о его смерти, только раз, во время молебна, батюшка вдруг берет чью-то записку и возглашает: "А эта записка о новопреставленном Константине, чья она?" Это именно и было в то время, когда он скончался; таким образом премудрый пастырь хотел дать понять Ольге Егоровне о постигшем ее несчастье. Но она не догадалась и ничего не подозревала о смерти сына. И вот через неделю после его кончины, во время панихиды, кто-то сообщает Ольге Егоровне о смерти ее сына. С ужасным криком отчаяния бросается она к батюшке со словами:

- Мой сын погиб!

- Нет,- строго останавливает ее пастырь,- он не погиб, а несчастно скончался.- Потом обращается ко всем присутствующим, просит их встать на колени и помолиться о новопреставленном Константине; все усердно молятся, сам батюшка коленапреклонно возносит за него горячее моление ко Господу.

Однако же несчастная мать в порыве ужасного горя хочет извести себя голодом, с ней делается нечто вроде припадка безумия. И вот ужасное горе водворяется в семье; отец и дочь не знают, как успокоить страдальницу-женщину; страшное неразумное намерение могло бы осуществиться и привести несчастную к гибели, если бы не ангельское любвеобилие батюшки, который рассекает висящий дамоклов меч и приводит смятенную душу несчастной женщины в нормальное состояние. К ней приходит от батюшки старушка Александрюшка с просфорой и говорит, что батюшка прислал ей просфору и просит съесть ее. Но отуманенная горем Ольга Егоровна с сердцем отстраняет присланное и твердо стоит на своем ужасном плане. Однако же верная посланница настойчиво заявляет, что она до тех пор не уйдет, пока не исполнит возложенного на нее поручения. Начинается долгая, упорная борьба. Молитвы праведника сламливают решимость матери, она берет просфору и проглатывает кусочек. После такой продолжительной голодовки желудок плохо принимает пищу, происходит сильная боль.

Александрюшка ежедневно появляется от пастыря, который понемногу начинает вытаскивать из пучины погибающую душу. Укрепив святой просфорой духовно страждущую женщину, батюшка призывает ее к себе на исповедь, причем спасительно объявляет ей, что сын ее не погиб, а явился мучеником. Потом батюшка начал объяснять ей следующее: "Так как я половину твоего креста взял на себя, то я мог бы умереть или муж твой, но все это перешло на твоего сына, который, таким образом, явился мучеником за семью, а потому пострадал невинно". Эти основательные, успокоительные доводы живительным бальзамом отрезвили ее измученную душу, направив на возделанный путь духовного успокоения. Она вполне этим вразумляется, начинает вести правильный образ жизни под руководством благого пастыря.

Паша Кузьминский, будучи мальчиком, однажды сильно испугался кошки, которая бросилась в форточку окна, и от испуга онемел. Можно представить скорбь родителей! Родственница их обратилась к батюшке и попросила его помолиться за мальчика. Батюшка велел привести его в собор. Когда его стали будить, чтобы собираться к обедне, то он вдруг, будучи долгое время немым, воскликнул: "Куда, к батюшке?" - и послушно стал одеваться.

Батюшка приобщил его Святых Таин; мальчик стал говорить довольно хорошо и свободно, только во время испуга или волнения он немного заикался. И вот мальчика стали готовить к экзамену. Пошел он на экзамен, но от волнения он стал сильно заикаться и не удовлетворил экзаменатора. Это было передано батюшке, который позвал его на дом к себе, все ласкал его и расспрашивал, по каким предметам Паша держал экзамен, и, отпуская его от себя, успокоительно сказал: "Бог даст, выдержим". И действительно, Паша вскоре отлично выдержал экзамен и больше совсем уже не заикался. Он окончил курс наук и теперь служит в Государственном банке.

Сестра его, Соня Кузьминская, долго не начинала ходить. Крестная мама, знающая батюшку,

привезла ее на дом к нему и горячо просила его помолиться за девочку, жалуясь ему, что она так долго не ходит. Батюшка, видя девочку слабенькой и худенькой, с жалостью промолвил: "Кому и ходить-то" - и благословил ее. Что же! Девочка стала после того ходить, теперь растет крепенькой и здоровой.

Девочка Люба Мизикина два раза была опасно больна: в первый раз у нее сделалось осложненное воспаление легких, вследствие простуды после кори. Позван был лучший доктор, но он, к прискорбию родителей, не мог успокоить страдания умирающей девочки, которая металась и бредила в страшном жару. Идут к батюшке, просят его святых молитв; он посылает ей пузырек со святой водой и наказывает дать больной. Как только воспаленная, умирающая девочка выпила несколько капель святой воды, то сразу успокоилась и тихо заснула. Это было началом ее чудесного выздоровления; потом она скоро поправилась и забегала шустрými, бойкими ножками, заставляя своим чудесным исцелением пасть родителей перед батюшкой с искренними благодарными слезами благоговейного умиления.

После того с ней как-то сделалось опасное кишечное заболевание. Наскоро приглашенный доктор не понял болезни и усилил ее согревательными компрессами. Бросились к батюшке, который сейчас же велел переменить доктора. Обратились к профессору Гольду, который круто повернул лечение: он велел прикладывать лед к телу больной, но болезнь все-таки усиливалась. Мать в горести не знала за что хватиться: батюшка видимо готовил хорошего верующего ребенка к лучшей, блаженной жизни.

Но разве мог любящий, жалостливый пастырь устоять перед рыданиями несчастного отца, который с пылкой верой в милосердие Божие просил пастыря помолиться и спасти его умирающую девочку? Батюшка, глубоко любя отца, стал ходатайствовать перед Господом об исцелении его больной дочери. И что же? Несмотря на ужасные симптомы болезни, несмотря на несомненные признаки приближения печального конца, девочка после тяжкого кризиса болезни начинает выздоравливать и тем приводит в крайнее изумление даже доктора, который совсем не рассчитывал на выздоровление и незадолго перед этим привез даже шприц отцу и научил, как им действовать в случае сильных предсмертных страданий девочки. Все эти приготовления к несомненной печальной развязке доставляли, конечно, несчастным родителям страшную муку, а потому можно понять, как возликовали они, как возблагодарили они Господа за чудесное исцеление их дочери по молитвам дивного пастыря.

Вот что рассказывала Матрена Арефьевна Шкадрова: однажды у мужа ее, Федора Дмитриевича, на левой стороне горла вдруг появилась внутренняя шишка-нарост, которая стала сильно давить на горло, так что он говорил жене, что еще немного, и он может умереть. Она посоветовала ему сходить приобщиться у батюшки. Федор Дмитриевич послушался жены, и во время исповеди батюшка одной рукой оперся ему в правое плечо, а другой стал растирать его шишку. Пораженный Федор Дмитриевич не понимает, к чему это делает пастырь, и не догадывается о его благодатном врачевстве. Приобщается он Святых Таин; после того шишка его мало-помалу исчезает. Умиленные супруги не знают, как и благодарить своего незабвенного целителя-батюшку.

Потом как-то разболелся у него правый глаз. Приказчики магазина, где он служил, советуют ему сходить в глазную больницу, говоря, что он должен заняться этим, а то может остаться без глаза. Приходит он домой и сообщает жене о вполне основательном совете сострадательных сотоварищей, но жена его оказывается более разумной советницей, она указывает ему на единственное надежное врачевство - приобщение Святых Таин. Муж слушается ее и идет к батюшке. Батюшка исповедует его с вечера, а на другой день приобщает его Пречистых Животворящих Таин, притом по его благому устройению муж и жена вместе подходят к Святой Чаше. Великий пастырь обращается к Матрене Арефьевне и, показывая на мужа ее, говорит: "Сведите его в глазную лечебницу, а то он может остаться без глаза",- дословно повторяет недавний совет его сослуживцев. Но крепкая верой в чудодейственную силу святого таинства Приобщения, Матрена Арефьевна понимает, что это величайшее таинство несравненно выше и дороже для человека всех лечебниц, и по ее вере Господь подает исцеление ее мужу. "По вере вашей да будет вам". В воскресенье он приобщался Святых Таин, а в понедельник пошел на службу с обоими здоровыми глазами, причем пораженные таким быстрым выздоровлением приказчики начинают расспрашивать его, у кого он лечился. "Меня лечил очень хороший доктор, который сразу мне помог",- уклончиво, но вполне правдиво отвечал спрошенный Федор Дмитриевич, понимая, что узкому недуховному кругозору его сотоварищей все равно не понять величия его исцеления.

Мальчик Алексей Булаткин заболел дифтеритом, мать бросилась на дом к батюшке, но так как батюшка в то время жил на даче, то вышедшая няня успокоила взволнованную женщину и сказала, что она пошлет ему телеграмму. Но духовное сообщение с батюшкой не нуждалось ни в каких телеграммах - быстро долетела до него весть об опасной болезни мальчика, быстро стал он испрашивать у Господа ему исцеления, так что когда мать возвратилась домой, то она застала сына уже сидящим на постельке, совсем почти здоровым и веселым.

Одна из духовных дочерей батюшки, старушка Александрушка, опасно заболела; почувствовав

свой смертный час, просила она передать об этом батюшке; батюшка прислал ей сказать, что сам придет приобщить ее. Приехал он, тут присутствовали две его духовные дочери: Пелагея Алексеевна и Анна Сергеевна. Встал батюшка около постели и начал так горячо молиться об ее исцелении, что слезы ручьями текли из его глаз. Приобщил он Александрушку Святых Таин. Когда присутствовавшие подошли к батюшке под благословение и спросили о больной, батюшка возразил: "Она назначена была идти ко Господу, но я вымолил ее у Господа, а вместо нее отдам Господу Матрешу, дочь Прасковьи Васильевны". Все были в недоумении, слыша такие дерзновенные слова пастыря. Прощаясь с Александрушкой, батюшка сказал: "Ну, Александра, ты должна была умереть, но я выпросил тебя у Господа, потому что ты мне нужна и другим нужна, а вместо тебя я обещался отдать Господу Матрешу, дочь Прасковьи Васильевны".

Александрушка стала поправляться и в восторженном недоумении размышляла о величии и праведности пастыря, который имел такое дерзновение перед Владыкой, что мог испрашивать у Него жизнь и здоровье одним и вместо них отдавать Господу других.

Перед этим только приходила навестить Александрушку Матреша с матерью. Матреша была совершенно здорова, и нельзя было думать о ее смерти. Что же! Через неделю опять приезжает батюшка приобщать Александрушку и говорит: "Ну, Александра, ты теперь выздоравливаешь, а вот от тебя я поеду к Матреше, она больна, я еду напутствовать ее к смерти, ты остаешься на земле, а я обещал ее отдать за тебя Господу". Действительно, Матреша в непродолжительном времени скончалась.

Вот как духовно величественен и силен был наш дорогой пастырь, все мог он выпросить у Господа. Разве это не великое чудо: поднимать со одра смерти человека и вместо него отдавать Господу другого, менее полезного и пригодного к жизненной деятельности?

Александрушка осталась жить и утешать духовных чад пастыря, потому что он всюду рассылал ее по больным, несчастным, скорбящим со словами приветия, отрады и облегчения.

Вот умирает сын несчастной матери, сама она в тяжком горе душевного страдания, измученная бессонными долгими ночами, постоянными муками среди надежды и отчаяния, сама больная, ослабла. Кто успокоит и утешит ее? Кто принесет ей слово радости и надежды? И вот является сияющая, радостная Александрушка с присланными от батюшки образком и просфорой, с дорогой вестью о несомненном спасении и выздоровлении больного сына, сразу оживляя и воскрешая всю семью, которая, измучившись тяжкими симптомами опасной болезни, долго была лишена отрады и покоя. Вот какие-нибудь материальные горести и лишения, нужда, безвыходность - и опять является радостная, сияющая старушка с вестью о грядущем довольстве, счастье и удовлетворении; там рождение деток, сговор невесты - нужно мудрое наставление и указание от пастыря,- и опять все Александрушка, так как при огромном числе пасомых пастырю всюду самому невозможно было бы успевать.

И вот повсюду являлась благодатная вестница щедрот и милостей батюшки, всюду своим радостным присутствием приносила благодать и утешение от него, надолго вливая счастье и радость в посещаемую семью. Но для того, чтобы она стала достойной посланницей, батюшка старался самое Александрушку наделить духовными дарами веры и благочестия. За последние годы своего служения в соборе почти каждую субботу свою приготавливал он ее к достойному приобщению Святых Пребожественных Таин Христовых. Такое обилие благодати смывало ее слабости и недостатки, все больше и больше укрепляя ее духовную храмину.

Но зато надо было только послушать ее речи! Какая преданность и любовь к пастырю дышала в каждом ее слове, в каждом благодарном воспоминании о его великих непостижимых действиях. Александрушка твердо, несокрушимо верила в батюшку, она верила, что, если он ее куда пошлет, если что поручит, она должна это исполнить, хотя бы ей предстояли на пути всевозможные преграды и препятствия; батюшка знал и понимал ее безграничную любовь и преданность, а потому охотно посылал ее со всевозможными трудными поручениями, и все она исполняла во славу Божию, в честь и хвалу достойного служителя Христова, который даже через посланницу мог обильно расточать дары благодатной помощи и исцеления. Где бы батюшка ни был - на молебнах, в домах,- он всюду тогда позволял являться и Александрушке и все более и более показывал ее разуму чудесные явления своей праведности и мудрости.

Когда батюшка оставил служение в соборе и принимал паству у себя на дому, то Александрушка с просфорами ежедневно являлась к батюшке, так как и на дому батюшка продолжал свое великое дело помощи и исцеления всех скорбных и недужных, прибегающих под его молитвенный кров и защиту. Так, он посылал Александрушку с ответами на полученные письма, посылал со словами целения, утешения, укрепления. Теперь еще больше было просьб, недоумений и вопросов, теперь-то еще больше было мольбы, так как несчастная паства, лишенная служения своего пастыря, вся изнемогала среди душевных тревог и опасений; верная Александрушка всюду шествовала, смиренно сознавая, сколь ответственная, великая обязанность поручена была ей и как правильно и верно она должна исполнить возложенное на нее дело. Вот почему великий пастырь, призывая ее от смерти к

жизни, сказал: "Ты мне нужна и другим нужна". Да, он все знал и провидел, все мудро устроил и распределил.

Мария Петровна Какорина, много лет бывшая под спасительным руководством батюшки, пожелала нам сообщить: приехала она из деревни с мужем и не знала батюшки; сестра ей как-то сказала, что в церкви "Нечаянной Радости" есть очень хороший священник, отец Валентин, и пригласила пойти туда. Мария Петровна согласилась - она была в болезненном положении.

Сестра привела ее в церковь, поставив около свечного ящика. Вдруг батюшка увидел ее, сам направился к ней, положил ей крест на лицо, благословил ее, потом рукой провел по лбу и сказал: "Береги свое здоровье, благословляю на добрые дела и на хорошее здоровье". Благодать праведника сразу озарила ее, она поняла, что это - великий пастырь, стала горячо верить в него и ходить на его службы.

Подходит она раз к батюшке, а он дает М. Е. много крестиков. Та не берет их, говоря, что ей довольно и одного, тогда он подает Марии Петровне и прибавляет: "Ну, эта деточка моя не откажется, вот муж поедет в деревню, там и раздадите". Мария Петровна недоумевает, зачем ей так много крестиков - семьдесят. Что же оказалось? Поехали они в деревню, рассказала она свекрови об этом и спросила: не нужно ли здесь кому крестиков? Свекровь ответила, что не нужно, так как здесь у всякого есть. В это время увидели они повивальную бабку Елену, которая знала батюшку и глубоко чтит его. Мария Петровна сообщила ей, что батюшка прислал в деревню крестики, чтобы раздать. А Елена и воскликнула: "Истинно батюшка святой, все знает: действительно, у многих здесь нет крестиков; придешь к больной матери и видишь, что и у нее самой даже нет креста, так что я многим сама покупала и давала".

Свекровь Марии Петровны сначала мало знала батюшку; потом ей пришлось поехать в Москву. Мария Петровна повезла ее в церковь "Нечаянной Радости" и посоветовала ей поговорить у батюшки. Они встали на исповедь, батюшка хотел взять свекровь, но она зацепилась за что-то и никак не могла подойти к нему, он все брал других; наконец как-то и ей удалось, и батюшка тут же на исповеди сам указал ее грехи, и она поняла, что за дивный был пастырь, потом глубоко чтит его за это, а он не оставлял ее своими молитвами и помощью.

Перед концом ее жизни с ней случился удар, отнялся язык, она была без сознания и ничего не могла выговорить. Тогда дочь ее, девица, видя мать в таком опасном положении, глубоко сокрушаясь, что она не может принести последнего покаяния и получить благодатного разрешения от грехов, всей силой своей веры обратилась к дивному ходатаю-батюшке, умоляя его дать возможность ее матери получить последнее благодатное освящение Пречистыми Пребожественными Тайнами; она взяла портрет батюшки и с глубокой верой и сокрушением приложила его к лицу больной, прося батюшку исходатайствовать у Господа, хотя на некоторое время, разрешение уз языка больной для достойного приготовления к отходу в вечность. Что же! Чудный благодатный помощник не замедлил откликнуться на вопль верующей души: вдруг больная открыла глаза и заговорила. Это было небывалым явлением среди обычных, грозных прогрессирующих симптомов паралича. Больная ожила на короткое время, чтобы принести искреннее сокрушение в своих грехах и через приглашенного духовника получить прощение и благодатное соединение с Самим Господом. Можно понять, как глубоко потрясены были все присутствовавшие таким дивным чудом, можно понять, как горячо возблагодарила дочь умирающей за такое скорое услышание своей мысленной мольбы к великому пастырю.

И что же! Исполнив все нужное, больная вскоре мирно отошла ко Господу с глубокой верой и светлой надеждой, что милосердный Бог, давши ей при конце ее жизни благодатно соединиться с Ним, не оставит ее и в загробном мире Своим милосердием и упокоит ее, идеже нет ни болезней, ни печалей, ни вздыханий.

Мария Петровна была опасно больна. В последнюю исповедь перед окончательным заболеванием батюшка дал Марии Петровне понять, что ей назначено умереть,- он воздел руки к Господу и сказал: "Приими и не осуди".

И вот она слегла, прибывший доктор нашел ее положение безнадежным и потребовал созвания консилиума из четырех докторов. Муж в отчаянии обращается к батюшке и молит его помочь, заказывает обедню. Больная совсем изнемогает.

Тогда кто-то посоветовал обратиться к одному известному акушеру; поехали к нему, акушер уже собрался к другой больной и отказался поехать к Марии Петровне. Его стали умолять, говоря, что положение отчаянное, мать умирает и остается восемь человек детей; тогда мать доктора выходит к нему и говорит: "Володя, поезжай уж сюда, ты видишь, какое горестное положение, ты здесь нужен". Доктор, видимо сострадательный и верующий, решается поехать к Марии Петровне. Приезжает и видит, что больная совсем умирает, консилиум созывать уже поздно, а если он неудачно исполнит свое акушерское дело, то может судебнo пострадать. Но раздумывать некогда, он решается на славное дело; предаваясь воле Божией, чудесным образом спасает ребенка и, приняв его почти

мертвого, вдруг видит великое проявление милосердия Божия: ребенок в его руках оживает, так что является возможность совершить над ним таинство крещения, а самое главное, больная тоже спасена, хотя слишком слаба и измучена. Такое небывало удачное окончание крайне опасного процесса принимается всеми за явное чудо милосердия Божия. Врачи поражены, так как они видят совершенно новое, непонятное для них явление - чудесную перемену к исцелению и жизни. Медицина нема перед такими дивными проявлениями милосердия и всемогущества Божьего; правильно распланировывая ход известных болезненных проявлений по своим научным законам, она с благоговением должна преклониться перед небесным гласом милосердного Владыки, который и из камней может воздвигнуть детей Аврааму.

Вот что совершал праведник-батюшка, вот какие дивные чудеса испрашивал он у Господа для своих духовных детей, чтобы они крепче веровали в Господа, горячее любили Его и надеялись на Его всепрощение и всемилосердие.

И муж Марии Петровны, Василий Филиппович, был поражен таким духовным величием батюшки. Это чудо освятило и укрепило его веру, придало прочный оплот его еще не совсем установившемуся настроению. Как же было ему не проникнуться и не умилиться всем своим сердцем, когда жена его, будучи уже всеми осуждена на неизбежную смерть, вдруг опять была оставлена на радость семье. Что он стал бы делать с малолетними детками, если бы не милостивый пастырь, который, поняв своей всеобъемлющей любовью ужасную горесть одинокого отца, глубоко пожалел его и спас его от тяжелой, страдальческой участи - при своей трудовой жизни муж Марии Петровны должен был бы неутешно скорбеть, не зная, как приняться за сложное дело воспитания своих малолетних деток.

Больная была спасена, но истощенный, измученный такой ужасной болезнью организм был лишен совсем сил и деятельности. Больная лежала в забытьи и не могла говорить; дочери поочередно читали около нее акафист и молились за нее, так как доктор сказал, что еще три дня она будет в сильной опасности. И вот вдруг больная слышит в передней голос батюшки: "Вот и я к тебе пришел". Хотя она не может открыть глаз, но чувствует, что к ней подходит батюшка, возлагает крест на ее лицо и произносит: "Скорбями и болезнями должно нам войти в Царство Небесное". Потом она ощущает, как батюшка прикасается своей рукой к ее лбу и благословляет ее. Ей делается так хорошо, что она открывает глаза и видит, что дочери стоят на коленях и молятся; тогда она спрашивает их: "Где же батюшка, ведь он сейчас приходил ко мне и благословил?" Присутствующие, слыша ее странные слова, тревожно переглядываются, думая, что с больной жар и она бредит, но они видят, что она совершенно сознательно продолжает допрашивать: "Где же батюшка? Ведь он сейчас был около меня!" Тогда ее стараются успокоить, но Мария Петровна чувствует себя совсем легко и хорошо. С той минуты она начинает выздоравливать, вполне понимая, кому она обязана жизнью и спасением.

Батюшка вскоре прислал ей с ее знакомой, Дуней, просфору и произнес: "Скажите Марии Петровне, что я был у нее". Так подтвердилось чудесное явление пастыря к больной, которую он пожелал посетить и сам принес ей благодатное исцеление.

Новорожденный ребенок жил четыре месяца. Марии Петровне очень хотелось прийти с ним в собор, чтобы сам батюшка совершил сороковую молитву, но муж ни за что не хотел отпустить ее туда, видя, что жена была еще слишком слаба и истомлена. И вот во сне явился батюшка Марии Петровне и сказал: "Непременно приходи в собор брать молитву, я жду тебя с распростертыми объятиями". Она рассказала свой сон мужу, и он уже не мог противиться воле батюшки и отпустил ее. Батюшка обрадовался, увидав ее, сказал, что она была уже предназначена к смерти и только по молитвам его опять возвращена к жизни.

Потом у нее родилась девочка, Дунечка. Это был необыкновенный ребенок; батюшка еще в самом начале сказал, что она предназначена на небо; действительно, Дуня умерла трех лет. Это был настоящий ангел: бывало, созовет сестер своих, заставит их молиться и сама горячо молится и кладет поклоны. У нее была необыкновенно чуткая, любящая душа, но недолго порадовала она своих близких, так как вскоре ангелом улетела на небо.

Дочь Марии Петровны Паша подавилась однажды костью; положение было крайне опасно, так как кость невозможно было вытащить. Тогда обратились к батюшке, прося его помощи; он прислал ей просфору. Как только съела она кусочек просфоры, так кость вышла благополучно, не причинив никакого вреда.

Родственница Марии Петровны Какориной, золовка ее, была опасно больна: она вся опухла, доктора сказали, что у нее водянка, и велели делать ей ножные ванны. Мария Петровна навещала ее. Когда больная опустила ноги в кадку, с ней случился удар в почках, полилась кровь изо рта и носа. Она закинула голову назад, и все увидели, что она отходит. Послали за главным доктором, который приехал, посмотрел на больную и резко заметил, что она уже скончалась, что теперь поздно, ничего уже не сделать.

Муж в отчаянии стал метаться по комнате. Тогда Мария Петровна, призвав на помощь своего

дорогого батюшку, взяла его портрет и стала с верою прикладывать его к лицу больной, твердо уповая, что батюшка может услышать ее горячую мольбу и быстро откликнуться своей помощью и благодатью. И что же! Вдруг больная открыла глаза и ожила. Тогда Мария Петровна стала скорее водой отирать ее, так как целые потоки крови всю залили ее; все надо было привести в должный порядок. Обо всем сообщили батюшке, он прислал образок великомученицы Варвары; стали читать акафист сей святой. И что же! Больная осталась жива и скоро оправилась от своей тяжелой болезни.

Одна родственница Марии Петровны захотела поехать в Киев, стала и ее приглашать с собою. Мария Петровна обратилась за разрешением к батюшке; он благословил и дал образок Божией Матери "Благодатное Небо" и святого Михаила Архангела. И когда они ехали по Днепру на пароходе из Киева в Чернигов, случилось несчастье: загорелось главное колесо от недостатка мази; пароход начал уже погружаться в воду; Мария Петровна, несмотря на общую панику и ужас, оставалась совершенно спокойной, потому что твердо верила в батюшку и не сомневалась, что раз он благословил их в это путешествие и дал образок, то они не погибнут. Действительно, вскоре показался встречный пароход, которому даны были тревожные свистки, и он оказал нужную помощь.

У дочери Марии Петровны Тани очень болели руки; сколько она ни мазала их, ни растирала - ничего не помогало. Хотела она сказать батюшке, да все забывала. Вдруг он на исповеди сам спрашивает ее: "Не болят ли у тебя руки?" Таня подтвердила батюшке, что действительно очень болят и по временам она не может ничего делать. Тогда он своими благодатными руками провел по ее рукам, после чего руки сразу перестали болеть. По истечении нескольких дней Таня, не чувствуя боли в руках, недоумевала, почему прекратилась боль в руках, и только уже после сообразила, что батюшка исцелил их своим прикосновением.

Родилась у нее дочка, назвали ее Антониной, без совета батюшки, так как это было на последних годах его жизни, а они побоялись беспокоить его и уже после известили об этом. Батюшка ответил, что имя хорошее, и прислал образок Александра Невского.

Что же оказалось! 30 августа (день Александра Невского) Татьяна Васильевна разбирала большой сундук в своей комнате, и так как крышка была очень массивна, то она подложила подставку, а сама искала в сундуке. В это время как-то подвернулась ее трехлетняя дочка Тоня, схватила подставку и... о, ужас! Тяжелая крышка со всей силой опустилась на ее крошечные ручонки - можно представить, что должно было случиться! В безмолвном ужасе приподнимает Татьяна Васильевна крышку, вполне рассчитывая на великое несчастье,- и вот непостижимое чудо! Ручки остались целы и невредимы, без малейшего повреждения, только малая полоска свидетельствовала о совершении чудесного знамения милосердия Божия при содействии великого помощника и покровителя - благого пастыря, который с такою тщательностью и заботливостью охранял не только взрослых людей, но и малых, нежных, хрупких деток, бережливо защищая их от непредвиденных опасностей и несчастий.

Можно себе представить, как горячо и глубоко возблагодарила мать своего дорогого охранителя и защитника пастыря, как на всю ее жизнь это чувство величайшей благодарности будет гореть ярким сохранным огоньком, постоянно возгревая ее веру и любовь к Господу.

Однажды Мария Петровна была очень опасно больна, долго страдала она, совсем ослабела, даже головы не могла поднять с подушек. Пошел Василий Филиппович к батюшке и сказал, что жена лежит почти без движения. Батюшка спокойно возражает на это:

- Надо ей причаститься, пусть придет ко мне в церковь.

Василий Филиппович взволнованно протестует:

- Где же ей прийти в церковь, когда она головы не может поднять.

- Ну пусть приедет,- продолжал спокойно пастырь, желая дать понять расстроенному мужу, что у Господа все возможно, так как Он в один миг воздвигает с одра болезни и исцеляет.

Василий Филиппович приходит домой крайне смущенный и передает слова батюшки. Это было в воскресенье. Мария Петровна, слыша такие ободряющие слова пастыря, решительно объявляет, что раз батюшка велел, то она поедет приобщаться. Но муж восстает против этого, говоря, что это сумасшествие - такой опасно больной встать с постели и отважиться поехать в Кремль. Мария Петровна с вечера понедельника начинает упрашивать мужа отпустить ее к батюшке и говорит, что по святым молитвам его все совершится к общему благу. Делать нечего, пришлось согласиться. Больная с трудом встает, одевается и отправляется в сопровождении дочери в церковь. Но каково спускаться с верхнего этажа! Еле-еле, с отдыхом передвигается она по ступенькам, садится в пролетку и едет.

Батюшка сейчас же берет ее на исповедь и сразу придает ей сил и бодрости, так что она уже свободно передвигается по храму и прикладывается к образам. Приобщившись Святых Животворящих Таин, Мария Петровна, уже совсем бодрая и веселая, легко восходит вверх по лестнице и предстает перед удивленным мужем, который сильно поражается такому явному чуду милосердия Божьего. После этого батюшка часто приобщает ее Святых Таин, и она совсем исцеляется.

Был и еще следующий случай благодатного исцеления по молитвам старца-праведника. Екатерина

Платоновна, дочь священника отца Платона, сослуживца батюшки в Архангельском соборе, ездила к своему свекру. Батюшка неохотно ее туда пускал и говорил: "Лучше бы и не ехать",- но она настаивала и поехала, погостила там, вернулась домой на дачу, и вскоре же вдруг отнялись у нее руки и ноги, так что она кричала от боли и совсем не могла ходить.

Ее мать, Елизавета Васильевна, в это время была в Москве, так как это было на неделе служения батюшки. Вдруг он обращается к Елизавете Васильевне и говорит: "Матушка, вам надо поскорее поехать на дачу, вы там нужны". Елизавета Васильевна, строго всегда исполняя наказы батюшки, собралась, поехала, и что же! Застает дочь совсем почти недвижимой в постели, руки и ноги у ней сводило, и она кричала от тяжелой боли. Елизавета Васильевна стала ухаживать за ней. Боль все время не унималась. Екатерина Платоновна попросила послать за доктором, но матушка, не привыкшая прибегать к медицинским средствам, обратилась к Высшей помощи и заказала обедню за ее здравие в Духов день; всю неделю она с нежной материнской любовью ухаживала за ней и пользовала ее святыней. На батюшкину службу Елизавета Васильевна поехала в Москву. Батюшка осведомился у нее:

- Как ваша больная?

Елизавета Васильевна сообщила батюшке, что ей очень плохо.

- Вероятно, у вас там доктора есть? - продолжал допрашивать пастырь.

- Наверно есть, но только я не обращалась к ним, а пользовала ее святыней,- ответила матушка, причем прибавила:- Она просит вашей помощи.

- Ну, я ей pošлю лекарства,- возразил милостивый пастырь,- возьмите гусяного сала в аптеке и помажьте ей больные места.

Матушка в точности исполнила указание пастыря и привезла больной гусяного сала. Екатерина Платоновна, узнав, какое лекарство прислал ей батюшка, сильно обиделась, заплакала и сказала: "Ведь это им только обмороженные места мажут!"

Совет пастыря был строго исполнен, Елизавета Васильевна мазала и руки и ноги больной гусяным салом, и ей стало немного лучше.

Чтобы сколько-нибудь успокоить страдания своей дочери, Елизавета Васильевна всю ночь сидела около нее и мысленно возносила молитву за нее Господу - в это время больная совсем утихала и засыпала. Когда же в пять часов утра матушка сама от великого утомления уходила отдохнуть, то у нее опять поднимались сильнейшие боли и она жестоко страдала.

На следующую службу батюшки Елизавета Васильевна опять поехала в Москву и сообщила ему о горестном состоянии больной. Батюшка на этот раз дал ей йоду, велел кисточкой делать точки и кружочки на больных местах и прибавил: "Я направлю отца Платона ее приобщить". Потом он приготовил Святые Дары и сам принес дароносицу отцу Платону, причем дал образочек Гурия, Самона и Авива и сказал: "Если бы вы, матушка, смогли на мою неделю привезти ее ко мне, она бы поправилась здесь совсем". Отец Платон два раза приобщал свою дочь на даче, а вместе с ней приобщались и некоторые другие больные.

В тот день, когда больная приобщалась, она чувствовала себя очень хорошо, все боли ее оставляли, она могла даже брать больными руками, но на другой день ей опять становилось хуже. И вот видя, что мама сильно переутомилась во время ее болезни, она решила сдерживать себя, стала бороться с болезнью и начала упрашивать мать пойти хорошенько отдохнуть. Матушка, чувствуя, что она совсем изнемогает, отправилась в соседнюю комнату. Только что Екатерина Платоновна сидя расположилась провести ночь, вдруг слышит около себя какое-то злорадное гоготание и чувствует острую боль в спине, точно кол вонзился туда. Приходилось делать невероятные усилия, чтобы удержаться от крика и не испугать матушки. Такая мучительная боль не прекращалась ни на минуту, нельзя было ни прилечь, ни пошевелиться; больная не смыкала глаз, жестоко страдала и не знала, как дожидаться утра. На утро ей сделалось полегче.

Слова пастыря: "Если бы вы, матушка, смогли на мою неделю привезти ее ко мне" - глубоко запечатались в сердце Елизаветы Васильевны, и она решила во что бы то ни стало отвезти ее в Москву. Вполне сознавая большую трудность переезда больной, почти совсем недвижимой дочери, она возложила твердое упование на великие и сильные молитвы пастыря и стала готовиться к отъезду. Надо было во что-нибудь обуть сильно распухшие ноги больной; добыты были чьи-то плисовые сапоги, и вот накануне отъезда Елизавета Васильевна уговорила дочь надеть их и попробовать сделать по комнате хотя несколько шагов. С большим трудом больная обулась, и, едва переступая, передвигая приспособленный для этого маленький столик, она сделала несколько шагов, потом в крайнем изнеможении опять поместилась на постель.

Тяжело было ее положение: ноги не двигаются, руки не действуют. Еще молодая, полная сил и энергии, она присуждена была к томительной бездеятельности, к непрерывному мучительному страданию. Но любвеобильный пастырь горячо вступился за нее перед Господом и своими молитвами и ходатайством испросил ей скорое благодатное исцеление.

Вот наступил и день отъезда. В четыре часа утра подана была лошадь, чтобы отвезти больную на вокзал. Когда Елизавета Васильевна стала будить ее, больная заплакала и сказала: "Я такая слабая, могу ли я поехать в Москву?" Матушка не стала настаивать, сознавая, что силой и требованием ничего не сделаешь, а вместо сего стала тайно воссылать моление Господу, понимая, сколь необходимо и важно свезти ее в Москву. И вот Екатерина Платоновна мало-помалу начинает сдаваться и решается собираться в путь, только просит натереть себя йодом, так как от натирания боль прекращается. С большим трудом одели, обули ее и повели под руки к извозчику; поставлена была скамеечка, чтобы легче ей было подняться в пролетку. Кучер-мальчик тоже услужливо помогал. Наконец больную уложили в тарантасик и шагом повезли на станцию. Дождались поезда, с большим трудом и усилиями ввели ее в вагон. Здесь помягче постелили и на отдельной скамейке уложили ее; все время чувствовала она сильные боли. Матушка мысленно возносила великую благодарность Господу, что Он помог ей перевезти больную в Москву. Приехали; опять томительный процесс спуска на платформу, усаживания в пролетку и медленного передвижения по улицам города. Но вот и Архангельский собор. С трудом ввели больную в исповедальню и посадили на стул. Приехал батюшка. Елизавета Васильевна доложила ему, что она привезла больную дочь. Батюшка оживился и произнес: "Давайте ее сюда". Он взял ее исповедовать, потом, выпуская ее, воскликнул: "Боже мой, что с ней сделалось, она вся почернела!" Екатерина Платоновна все время сидела. Подвели ее к Святой Чаше, батюшка приобщил ее Святых Таин, ее хотели поддержать и повести, но пастырь торжественно возгласил: "Оставьте ее, она сама пойдет", - и что же?! Все, к неопisanному удивлению, увидели, что больная сама потихоньку стала переступать и двигаться: как малое дитя, которое еще только учится передвигать своими слабыми, неумелыми ножками, она, покачиваясь, шла сама, тихонько спустилась с амвона и после благодарственной молитвы свободно могла дойти до пролетки.

Тут все воочию убедились в непостижимой чудесной силе величайшего таинства Святого Причащения, тут все поняли, что никакие обыденные лечения и лекарства не могут сравняться с сей пресладостной Небесной Пищей, которая обновляет, возрождает и укрепляет немощность духа и тела и может мертвенное и тленное в один миг превратить в бессмертное и нетленное.

Итак, Екатерина Платоновна сразу же после Святого Приобщения стала ходить и двигаться. Батюшка велел ей приобщаться каждодневно всю его неделю, что она радостно и благоговейно исполнила; после этого она с матушкой поехала на дачу и там своим чудесным исцелением привела всех в трепет и недоумение, так как за неделю видели ее совсем немощной и недвижимой.

После этого батюшка стал часто приобщать ее Святых Таин и, видя ее глубокую веру, все больше и больше наделял ее высшими благодатными дарами, чтобы она и с своей стороны могла бы в других насаждать основы веры и благочестия.

Татьяна Григорьевна Абросимова так рассказывает о своем чудесном исцелении: была она однажды (в воскресенье) в гостях у своей замужней дочери и уговаривала зятя приехать к ним во вторник, так как в этот день обещал к ним приехать батюшка и отслужить у них на дому молебен. Но зять все отказывался, ссылаясь на службу (хотя он мог свободно отпроситься на несколько часов). Вдруг почувствовала она сильную боль в висках, как будто кто молотом ударил по ним; она стала скорее собираться домой. Ее удерживали, но она чувствовала себя все хуже и хуже. Едва-едва дошла она до извозчика и поехала домой. С трудом, почти ползком, вскарабкалась она по ступенькам лестницы. Домашние недоумевали, что такое с ней случилось, так как она отправилась совсем здоровой. Дыхание у нее захватывало, она не знала, как дойти до кровати. Горло у нее все распухло, и ощущалась такая сильная боль, точно острые иголки воткнулись в него. Родные, опасаясь, чтобы не случилось с ней удара, советовали послать поскорее за доктором, но она умоляла их съездить к батюшке или по крайней мере послать ему телеграмму и попросить его помолиться за нее, но так как было позднее время, то побоялись беспокоить батюшку, а потому в страхе и недоумении не знали, на что решиться.

Тогда Татьяна Григорьевна взяла маленькую карточку батюшки, крепко прижала ее к себе и горячо стала просить его святыx молитв, так как чувствовала себя все хуже и хуже. Горло еще больше налилось и распухло. И что же! Дорогой утешитель не замедлил откликнуться на ее горячий призыв: он явился ей на воздухе с крестом на груди, несколько раз как бы пролетел мимо нее, и даже почувствовала она, что коснулся ее своим наперсным крестом. Вдруг ей стало легко: удушье прекратилось, боль прошла; она, как бы не веря происшедшему, открыла глаза и осмотрелась вокруг. Видя испуганные лица своих родных, Татьяна Григорьевна в радостном восторге поспешила возвестить им, что сейчас являлся к ней батюшка и исцелил ее. Она даже свободно могла ходить по комнате и разговаривать, хотя за несколько минут перед этим совсем умирала и не могла почти дышать. В страхе и трепете возблагодарила Татьяна Григорьевна Господа за свое чудесное исцеление.

Вот о каком еще исцелении рассказывает нам Татьяна Григорьевна: умирала ее маленькая внучка Аня. Пригласили доктора, он прописал лекарство, но болезнь не уменьшалась, девочку все время

потчевали разными лечебными снадобьями, от которых у нее поднялась тошнота. Татьяна Григорьевна настояла, чтобы ребенка причастили; ее причастили, и она немного успокоилась, но была очень слаба и еле дышала.

Приехал доктор и откровенно заявил матери и бабушке, что ребенок должен умереть и лечить больше нечем. Для успокоения родителей он еще прописал какое-то лекарство и посоветовал матери прилечь отдохнуть, так как она очень истомилась и ослабела. Тогда Татьяна Григорьевна встала и объявила, что она теперь пойдет к своему доктору, а когда врач поинтересовался узнать, к кому она хочет обратиться, то она заявила ему, что пойдет в Архангельский собор к батюшке отцу Валентину. Доктор, который тоже знал и чтит этого пастыря, одобрил ее намерение, говоря, что медицина предлагает свои научные средства, но что важнее всего обращаться к Всевышнему Врачу, Который один только истинно может помочь страждущим.

Приходит она в собор; батюшка сам подходит к ней и говорит: "Поздравляю вас с причастницей". Татьяна Григорьевна поражается, почему это батюшка мог знать, что они причащали девочку (она мало еще понимала тогда о величии пастыря, потому что только что начала ходить к нему). Тогда батюшка начинает расспрашивать ее о девочке, вынимает просфору и велит покормить ее. Татьяна Григорьевна в недоумении рассуждает про себя: девочка совсем умирает, разве можно кормить ее? Однако же по возвращении домой сейчас же с просфорой подходит к ребенку и видит, что у девочки уже останавливается дыхание, но больная, как бы по повелению высшей власти, обращается к ней, вдруг открывает глазенки и ручкой берет просфору. Татьяна Григорьевна быстро разламывает ее и дает ребенку. Умиравшая девочка уже несколько дней ничего не могла есть, так что у нее во рту образовалась густая пленка, однако же она с нетерпением берет кусочек просфоры и проглатывает, потом другой, третий - и так быстро съедает всю головку. Татьяна Григорьевна наливает в стакан святой воды, и внучка ее (ей было год с небольшим) с полным наслаждением кушает всю просфору, после чего вскоре же встает на ножки, начиная прыгать и резвиться, как совсем здоровая. Приходит после отдыха ее мама и в недоумении останавливается, не веря своим глазам, но когда узнает о чудесном исцелении своей умирающей дочки, то горячо благодарит Господа за Его неизреченную милость. После этого батюшка вскоре присылает другую просфору, и девочка совершенно выздоравливает.

Мать Татьяны Павловны (невестка Татьяны Григорьевны) Аграфена Андреевна опасно заболела. Дочь ее сильно горевала и все умоляла батюшку помочь ее маме. Батюшка стал молиться за нее, и она чудесно выздоровела, но вскоре же заболела и умерла маленькая девчурка Татьяны Павловны.

Тогда Татьяна Григорьевна, ее свекровь, после этого пришла в собор; батюшка перед ней взял исцеленную Аграфену Андреевну и сказал: "Тебе назначено было умереть, но ты - грешная, еще не готова; я выпросил у Господа тебе исцеление, а вместо тебя отдал Господу твою маленькую внучку". После этого батюшка брал ее на исповедь каждую свою службу и все больше и больше духовно возрождал ее. Он благодатно воспитывал ее целый год, после чего она в полной вере и смирении отошла ко Господу. Дорогой пастырь, так много потрудившийся над ней и неустанно ходатайствовавший за нее у Бога, радостно наслаждался великим успехом своего труда и сказал ее родным: "Какая она у нас стала хорошая".

Татьяна Григорьевна еще рассказывала, что у сына ее Вити сделался на спине около шеи карбункул; надо было решиться на операцию, но Татьяна Григорьевна все мысленно молила батюшку помочь ему. И вот уже подана была лошадь, чтобы везти мальчика на операцию, вдруг точно кто проколол нарыв и из него сразу струей вытекла материя. Радостная семья от всего сердца возблагодарила Господа за Его дивные милости, а также и праведного служителя Его, который неустанно ходатайствовал за своих духовных детей, охраняя их от всех зол, болезней и бедствий.

Одна из духовных дочерей батюшки, Елизавета Дмитриевна Васильева, передала нам о чудесном исцелении своего мужа от чахотки по молитвам пастыря. Алексей Васильевич сначала служил на одном месте, но товарищ стал переманивать его на другое. Когда обратились за советом к батюшке, то он был против этого, говоря, что и камушек на одном месте обрастает, но Алексей Васильевич не послушался, перешел на другое место, так как на прежнем ему было очень трудно. И вот, как бы за послушание великому пастырю, он вскоре заболел.

Незадолго до его болезни, на святках 1900 года, пришла Елизавета Дмитриевна в собор, укутанная по нездоровью в черный платок сверх шапки, встала около мощей святого Димитрия-царевича. Батюшка в это время исповедовал народ на левой стороне амвона и все время свой взор направлял на нее; народу было очень много. Вдруг батюшка оставил исповедников, сошел с амвона и направился к ней. Он взял ее за руку и сказал:

- Я все глядел на тебя и думал, что это за старушонка (она была еще совсем молодой) стоит, потом вижу, что это моя. Скажи, зачем ты нарядилась во все черное, или у тебя горе, или траур? Сейчас не надо ходить во всем черном - вот впереди у нас с тобой большое горе, и много будет траура.

У Елизаветы Дмитриевны сейчас же мелькнула мысль, что у нее умрут старые дедушка и бабушка, но батюшка тотчас же ответил на ее мысль:

- А ты снималась с мужем? Есть у тебя его карточка?

Она ответила:

- Нет.

Тогда батюшка возразил:

- Пожалуйста, снимитесь вместе и дай мне карточку.

Они снялись и дали батюшке карточку.

К масленице муж ее стал прихварывать и обратился к докторам. Елизавета Дмитриевна пошла к батюшке и попросила его помолиться за мужа. Батюшка приказал показать ему его рецепты, потом позвал фельдшерицу Мешкову, которая служила в клиниках, и попросил ее показать Алексея Васильевича хорошему доктору. Когда доктор осмотрел его, то написал батюшке письмо, что больной безнадежен, что у него чахотка, одного легкого нет, а другое заражено. Елизавета Дмитриевна понесла это письмо батюшке, а он прочел и сказал: "Вот доктор пишет, что он безнадежен, а мы с ним жить еще будем, я завтра приеду его причастить".

Батюшка не замедлил это исполнить, на другой день приехал, причастил его и сказал Елизавете Дмитриевне: "Доктор говорит, что он безнадежен, в больницу его не примут, а в неизлечимую его жалко класть, ты за ним ходи, он выздоровеет, доктора ошибаются".

Каково было несчастной молодой женщине переносить свое тяжелое положение: больной муж, требующий самого тщательного ухода, его неизбежная смерть, будущее вдовство, беспомощность - все это настолько подрывало ее молодой организм тяжкими муками, что она не знала, за что взяться, к кому обратиться. И вот иногда в порыве такого тяжелого душевного страдания она бежала к батюшке, чтобы в его любвеобильной ласке найти выход из мучительного, непосильного горя, а дорогой пастырь, проникая заботливым взором в ее наболевшую душу, старался всей мощью своей благодати облегчить ее, успокоить.

Однажды под давлением скорби прибежала Елизавета Дмитриевна на вокзал Смоленской дороги - батюшка должен был поехать на дачу - и прижалась в уголок. Приехал батюшка, к нему стали подступать собравшиеся на вокзале, прося благословения, вдруг он всех повелительно отстранил и сказал: "Пустите, меня тут дожидаются". Он направился к Елизавете Дмитриевне и, как горячо любящий отец, стал ласкать ее, стараясь успокоить ее порывистые рыдания, ее тоску о тяжелом будущем. Утешенная и обрадованная, Елизавета Дмитриевна возвратилась в свой домашний уголок, но уже не прежней, унылой, безжизненной, а полной сил, энергии и надежды.

Был конец весны. Повезла она в мае своего мужа в Звенигород, где у них был свой домик; Алексей Васильевич там жил безвыездно, а Елизавета Дмитриевна иногда приезжала к батюшке, и он все молился о больном. В октябре месяце Алексей Васильевич стал проситься к батюшке и к доктору (в это время батюшка уже не служил в соборе: был болен глазами). Поехала Елизавета Дмитриевна с ним в клиники; доктор Богданов, осмотрев его, сказал, что прочтет лекцию и объяснит его болезнь студентам. Пока готовились к лекции, у Алексея Васильевича сделалось сильное потрясение в ногах, сам он тоже весь стал трястись, лицо его приняло синеватый оттенок. Елизавета Дмитриевна сказала об этом Надежде Николаевне Мешковой, та позвала доктора, он его опять осмотрел, и они ушли посоветоваться в кабинет; через несколько минут позвали Елизавету Дмитриевну туда и сказали ей, чтобы она его скорей везла и причастила бы и пособоровала, так как Алексей Васильевич должен сегодня ночью скончаться! Елизавета Дмитриевна свезла его на квартиру, а сама, заливаясь слезами, побежала к батюшке и плача сообщила ему слова доктора, что муж ее в ночь должен скончаться.

Батюшка дал ей прежде успокоиться, потом повел ее в приемную комнату и, став перед образами, начал горячо молиться. Излив перед Господом свою пламенную мольбу и духом получив удостоверение в несомненном исполнении просимого, пастырь опять с великой лаской и любовью начал утешать Елизавету Дмитриевну. Потом батюшка, благословив ее, сказал: "Жаль, что я не могу его причастить, потому что сам болен, но скажи ему, что я буду за него молиться и приду к нему"; потом еще прибавил: "Причастить надо, а соборовать не надо, умереть он не умрет, но еще поживет и поработает, он нам здесь еще нужен".

Елизавета Дмитриевна пошла от батюшки с полной верой; пришедши домой, она сейчас же позвала священника, больного причастили; он после этого заснул, а Елизавета Дмитриевна пошла в часовню Иверской Божией Матери. Приходит она домой, муж ее уже проснулся, такой веселый и говорит: "Какой я сон сейчас видел: будто бы пришел ко мне батюшка и дал мне кусочек просфоры, один кусочек упал; батюшка говорит: "Это твоя болезнь упала", а другой кусочек он положил мне в рот и сказал: "Не унывай, ты выздоровеешь"; потом благословил меня; у меня теперь ноги получше, не так ломят" (они у него перед этим совсем отнялись). К Рождеству Христову больной стал вставать на ноги; Елизавета Дмитриевна опять увезла его в Звенигород.

И вот Алексей Васильевич чудесно стал выздоравливать, стал возвращаться к жизни после того,

как медики определили его близкий конец и даже выдана была ему бумага о его безнадежном состоянии. Вот что гласила она: "А. В. Васильев страдает бронхиальной астмой и туберкулезом легких и совершенно неспособен к работе. 30 октября 1902 года", за подписью "Доктор медицины Н. Богданов".

Итак, устами науки предписана была неизбежная быстрая смерть, устами же Божьего служителя изречена весть о его спасении и выздоровлении. Здоровье Алексея Васильевича быстро стало крепнуть; больной своим обновленным жизнерадостным видом прославлял Божие всемогущество и милосердие. Силы быстро стали цвести и крепнуть, так что в скором времени ощутилось радостное стремление к труду и деятельности. Не дожив до конца лета, в июле наши супруги отправились в Москву, чтобы опять начать деятельную трудовую жизнь. Алексей Васильевич поступил на службу и стал работать как вполне здоровый крепкий труженик, иногда только его душила астма.

В августе месяце пошли они в клиники. Богданов был переведен в отделение для лежащих; доктор Матвеев его выслушал, очень поразился и сказал: "Какая глубокая ошибка медицинская, у него легкие здоровы!" - и попросил показаться Богданову, но так как к нему было трудно пройти, то он дал им письмо. Богданов его выслушал, тоже был поражен и в недоумении спросил: "Чем вы лечились?" Алексей Васильевич ответил, что ничем не лечился, но его иногда беспокоит удушье. На это Богданов возразил: "Ложитесь ко мне в клиники, я вас совсем вылечу". Но Алексей Васильевич не решился и попросил подождать до завтра.

Пошли они к батюшке, все ему рассказали, а он на это ответил: "Боже вас избави ложиться в больницу! Им хочется узнать, чем мы лечились; нет, мы не покажем, чем мы вылечились". И он уже больше в клиники не ходил.

Так совершилось великое исцеление, великое дело милосердия Божьего! Догнивающий остаток легкого, последний процесс обмена жизненных соков, последний процесс догорания жизненной деятельности - и вдруг вновь откуда-то полученный ток жизни, движения, ток дыхания, кровообращения, процесса пищеварения! И наука в глубоком недоумении, в глубоком смущении поникла перед такой непостижимой тайной и со вздохом должна была согласиться, что не всегда могут торжествовать ее законы и веления, но что и над ними есть высшая благодатная сила, которая одна может устанавливать их и управлять ими.

С этих пор прошло десять лет, а Алексей Васильевич продолжает жить и благоденствовать, чувствуя себя довольно крепким и здоровым. Такие великие чудеса совершались при батюшке, все-то он мог испросить у Господа, чтобы порадовать и осчастливить своих духовных деток.

Есть у Васильевых приемная дочка Таисия, которая досталась им знаменательно. Елизавета Дмитриевна очень сокрушалась, что у нее нет детей, и вот, зная ее беспокойство, батюшка как-то сказал: "У тебя будет дитя, но только великое дитя". И что же! В деревне, где они жили, отдана была на воспитание девочка из Воспитательного дома, которая была подкидышем. Это была несчастная заморенная девочка, вся в болячках и струпьях; невозможно было смотреть на нее, так она была изуродована. Ее воспитательница сама была больная и не могла ходить за ребенком, и вот через некоторое время она умирает на руках Елизаветы Дмитриевны и перед смертью просит ее взять на свое попечение несчастную девочку. Елизавета Дмитриевна была в крайней нерешительности, не зная, что ей делать. Ребенок был одиноким, бесприютным и сам бросился к ней на руки, когда она поманила его; тогда она написала батюшке, прося его благословения; он ответил, что это долг ее - взять девочку к себе. И вот она приютила ее у себя, стала обмывать и очищать; мало-помалу из ребенка выровнялась порядочная, умная девочка, которая теперь уже усыновлена ими и учится в церковной школе Вознесенского монастыря.

Елизавета Дмитриевна рассказывает еще, что дедушка ее, Василий Иванович Бабакин, совсем ослеп, у него была катаракта, доктора сделали ему операцию, но не могли снять ее. Когда сообщили об этом батюшке, то он сказал, что надо еще сделать операцию. Обратились к доктору Крюкову. Осмотрев глаза больного, он объявил, что можно сделать операцию, но только вряд ли будет толк; ему сказали, что батюшка Валентин советует сделать операцию. Глубоко почитая батюшку, профессор Крюков взялся за это дело и исполнил вполне удачно: старик стал видеть хотя четвертью глаза, мог ходить и различать предметы.

Часть III

Чудеса и исцеления пастыря после его блаженной кончины

Дорогой хранитель-батюшка и по смерти не оставляет своих духовных детей и быстро отзывается на их запросы и недоумения. Рассказывают о бесчисленном множестве случаев помощи и исцеления на его могиле, а также о его явлении духовным детям во сне с мудрыми ответными речами.

Одна бедная старушка два раза удостоилась явления усопшего пастыря наяву. В первый раз он явился к ней в золотой ризе и камилавке, а во второй раз в серой рясе с крестом на груди.

Это второе явление было очень дивно и знаменательно. Стоит она перед портретом Оптинского старца Амвросия и говорит: "Вот ведь у этого батюшки все его духовные дети пристроены, а у нашего батюшки многие бродят по свету без крова и без средств". Потом мысленно она обращается к своему дорогому пастырю и говорит: "Что же это ты, дорогой наш батюшка, не пристроишь нас куда-нибудь?" (Так обращалась она и зывала к батюшке, потому что по старости и слабости ей уже трудно было жить не пристроенной.) Вдруг явился к ней сам батюшка в серой рясе и осенил ее крестным знаменем. Явление это было столь тихое и благодатное, что Надежда Николаевна нисколько не смутилась и даже сама вступила в разговор с усопшим пастырем.

- Как там живется, батюшка? - стала допрашивать она.

- Да не так, как здесь,- уклончиво возразил на это пастырь.

- Батюшка, мне очень трудно жить,- с жалобой обратилась она к своему верному хранителю-пастырю.

- Потерпи,- отечески ласково старался успокоить ее благой наставник.

- Батюшка, я очень слаба, я скоро умру,- продолжала жаловаться и поведовать свои скорби бедная старушка.

- Нет, еще не умрешь: ты не готова,- ответил ей на это явившийся пастырь и несколько раз осенил ее крестным знаменем, после чего сделался невидимым.

Вот какого явления удостоилась малая, незначительная старушка. Как при жизни он ласкал и утешал несчастный, бездольный, брошенный люд, так и теперь он явился к горемычной, слабой, никому не нужной служанке со словами утешения и терпения.

Другая старушка, няня Матрена, вскоре после кончины батюшки получила великую помощь от него. Нечаянно иголка вошла у ней в руку и причинила ей сильное страдание; надумала она взять воску со свеч, которые возжигаются на могилке батюшки, приложила его к больной руке, крепко завязала на ночь повязкой и заснула. Наутро просыпается она и, к изумлению своему, не ощущает никакой боли в руке, развязывает она повязку - и что же она видит?! Иголку, которая вышла на воск, как бы магнитом притягиваемая благодатным воском.

Вот какие явные чудеса благодати Божией удостоивались видеть простые верующие души; своей горячностью и чистотой веры, своей незлобивостью и смиренностью они уподоблялись тем младенцам, про которых Сам Господь наш Спаситель сказал, что "ангелы их... всегда видят лице Отца" Небесного.

У одной девушки, Мани, сильно болели зубы. Явился ей во сне батюшка и спросил, что с ней. Она пожаловалась на сильную зубную боль; тогда батюшка провел своими пальцами по больной десне, и она сразу же почувствовала сильное охлаждение ее и сейчас же проснулась. Что же? Боль прошла, и до слуха ее донесли даже удаляющиеся шаги пастыря.

Николай Васильевич от переутомления страдал головной болью и нервным расстройством. Поехал он к батюшке на могилку и горячо просил об исцелении. Благой пастырь на своей могилке послал ему быстрое исцеление, так что он совсем здоровый и бодрый вернулся домой.

Одна женщина проходила мимо могилки пастыря и, увидав, что служит архимандрит, остановилась и стала усердно молиться; у нее было какое-то важное дело, и вот она стала просить батюшку помочь ей в этом деле. Что же? Приходит она домой, и, к ее удивлению, все устраивается как нельзя лучше, и она постигает, как велик пастырь, о котором случайно узнала на Ваганьковском кладбище.

Одна девушка, Павла Бородина, долго была без места и очень сокрушалась о своем бедственном положении. И вот она услышала от своих знакомых, что на Ваганьковском кладбище похоронен великий пастырь, который при жизни своей творил много чудес и исцелений, который и теперь благостно помогает всем, с верою прибегающим к нему. Она идет к нему на могилку и начинает горячо просить его указать ей какое-нибудь местечко (она была хорошей белошвейкой). Что же? Приходит она с кладбища домой, и к вечеру вдруг заявляется к ней ее знакомая, которая хочет открыть мастерскую, и предлагает ей поступить к ней в мастерицы. Павла, конечно, с радостью принимает выгодное для нее предложение и горячо благодарит дорогого пастыря, который так скоро

помог ей и утешил ее. Она поступает в белошвейное заведение Лебедевой-Демидовой и ведет деятельную жизнь честной труженицы.

Одна духовная дочь батюшки приехала в начале января месяца прошлого года к своей знакомой в село Богородское. Дорогой она сильно простудилась и по приезде захворала: в ночь с нею сделался большой жар, она металась и бредила. Знакомая ее не знала, что и делать. И боясь, как бы она не умерла, хотела уже известить в Москву о ее болезни. Истомившись над больной всю ночь, она легла отдохнуть среди дня и заснула. И вот видит во сне, что входит в комнату какая-то женщина, вся в черном, и становится в передний угол, начинает молиться, потом подходит к ее постели и говорит: "Успокойтесь, батюшка ее к вам прислал на десять дней", после чего величественно удаляется. Видение это было так дивно и знаменательно, что она сейчас же проснулась, и в глазах ее даже мелькнуло черное одеяние удалявшейся женщины. Она вскакивает с постели, подходит к больной и замечает, что та ровно спит и дышит: больной стало лучше, но все-таки она была очень слаба и не могла встать с постели.

***Могила отца Валентина (крест в центре) и его супруги (справа)
на Ваганьковском кладбище***

И действительно, девять дней она прохворала, а на десятый уже могла прохаживаться по комнате и стала собираться в Москву; таким образом, прожив десять дней в Богородском, благополучно вернулась в Москву и прямо поехала на могилку дорогого батюшки благодарить за свое исцеление.

У Анны Петровны заболела очень поясница, так что она ходила согнувшись. Она с трудом добралась до могилки. И вот со слезами припала она к ней и стала просить дорогого целителя-батюшку облегчить ее боль. И что же? Тут же у могилки она почувствовала себя легче и веселая и бодрая возвратилась домой.

У В. И. Гусевой очень заболели глаза, так что она ничего почти не видела; явился ей в сновидении батюшка: будто бы он находится в Архангельском соборе, в исповедальне; она подошла к нему, он дотронулся до ее глаз, она проснулась и уже не стала ощущать никакой боли, и с тех пор она стала хорошо видеть. Дорогой пастырь как при жизни охранял ее и целил ей глаза, так и после смерти не оставляет ее и быстро является к ней на помощь.

Сестра Варвары Ивановны была больна, и вот увидела она во сне батюшку в мраморном храме. Батюшка подошел к ней в золотой ризе и с митрой на голове; он берет ее за руку и ведет в храм молиться, после чего она просыпается здоровой и бодрой.

Агафья Петровна рассказывала, что она видела на могилке одну барыню, которая сообщила ей, что у нее умирает сын и что она приехала из Калуги, потому что ей во сне явился незнакомый старец, сказал ей: "Поезжай в Москву на Ваганьковское кладбище и помолись на моей могилке", - причем назвал себя, и она сейчас же собралась и поехала в Москву.

Одна знакомая матушки Елизаветы Васильевны Воскресенской не знала батюшки, но слышала много от Елизаветы Васильевны про его великую помощь в болезнях и скорбях. Она сильно страдала болью в ногах, и вот когда она прочитала книжку о его пастырской деятельности, то горячо обратилась к нему и просила его исцелить ее. Что же! Наутро встает она, но уже не чувствует

никакой боли. Не зная, как еще ей верить этому, она прохаживается по комнате, ступает на ноги, но они совсем крепко и безболезненно двигаются. Домашние тоже поглядывают на нее, видя, что она радостно и бодро ходит по комнате, тогда как прежде еле ступала и передвигалась, и наконец все должны были убедиться в чудесной помощи дорогого пастыря, ниспосланной им при одном только молитвенном обращении к нему.

Леночка Иванова летом 1910 года поехала помолиться к святому Тихону Калужскому. Приехала она оттуда сильно взволнованная и стала проситься у матери отпустить ее туда в монастырь, говоря, что она все хворает в миру, а в монастыре ей будет легче жить. Но мать ее еще при жизни батюшки видела, как он не любил неопытную пылкую молодежь отпускать в монастырь, зная, насколько монашество - великий ответственный подвиг, а потому она стала уговаривать дочь оставить свое намерение и продолжать хотя и мирскую, но скромную и деятельную жизнь. Но никакие просьбы, слезы и уговоры матери не помогали - сбитая с толку, расстроенная девушка все твердила свое, не слушая никаких доводов и резонов матери.

Тогда мать, видя, что с дочерью ничего не поделаешь, начала обращаться к своему дорогому пастырю, который творил ей столько чудес при жизни своей, и просить его, чтобы он вразумил ее непокорную дочь и указал бы, угодно ли Господу ее своевольное намерение. И вот в одну ночь Леночка видит во сне батюшку: будто бы она стоит поодаль от него, а к нему подходит его младшая дочь и просит у него благословения пойти в монастырь. Но батюшка видимо недоволен и взволнован ее просьбой и говорит: "Нет, в монастырь я тебя не благословлю, жаль мне тебя, нет, нет, нет, тебе не надо идти в монастырь". Слыша такой строгий, решительный отказ пастыря, Леночка стоит, не трогается с места и не решается просить о том пастыря, от чего он строго отклоняет свою дочь. И вот она просыпается, и точно гора сваливается с ее плеч; у нее проходит желание идти в монастырь, и мать, видя ее такой веселой, в недоумении спрашивает ее, уж не открыл ли ей чего во сне батюшка. Леночка передает ей свой сон, и мать ее, видя такое дивное заступничество дорогого пастыря, не знает, как и благодарить его за его ангельское попечение о них.

Знакомая их из Третьяковской богадельни рассказывала, что она при жизни батюшки не знала его, но после его смерти, слыша о его чудесах и исцелениях, стала горячо призывать его в молитве и поминать его имя при чтении Псалтири. И таким образом она всей душой стала стремиться к нему и так уверовала в него, так всем сердцем принимала дивные рассказы о его праведности и прозорливости, что великая отрада наполняла ее душу.

Но еще мало духовно воспитанная душа ее искала отклика и удостоверения в правильности такого своего горячего стремления к незнакомому пастырю, и однажды, ложась в постель, она со слезами обратилась к небесному праведнику с такими чистосердечными словами еще малой, но уже ярко зажегшейся веры: "Батюшка, если ты такой великий служитель Христов, как говорят о тебе, скажи мне: угодно ли тебе мое обращение к тебе, принимаешь ли ты его - открой мне, что ты не отвергаешь моих грешных молений за тебя". И умиленная, взволнованная, утомленная таким горячим воззванием к пастырю, она засыпает и вдруг слышит голос около себя, хотя ни фигуры человека, ни обличия не видит: "Многие, многие поминают меня, и ты поминай". Это повторяется до трех раз, после чего она сейчас же просыпается.

Можно понять, с каким восторгом и радостью она принимает этот ответ небожителя-батюшки и как вся озаряется бесконечной любовью и благодарностью к нему. Да! Он и ее, смиренную рабу Божию, не отвергнул, приняв под свою защиту и покровительство и разрешив ей невозбранно обращаться к нему в зауспокойных молитвах.

Это послужило благодатным толчком и в дальнейшей ее деятельности; впоследствии она часто обращалась к блаженно почившему пастырю за помощью и исцелением. Так, вскоре после этого опасная болезнь изнуряет весь ее организм и приводит к дверям гроба, но она не теряет в своем печальном безнадежном положении: недавний опыт получения чудесного ответа от батюшки побуждает ее вновь обратиться к нему, но уже не с духовными запросами пылкости и неопытности, а с мольбой о помощи и ходатайстве перед Господом, и дивный праведник откликается ей и не замедливает осветить еще неясную, неразвитую душу ее яркими лучами Божьего милосердия: она видит во сне часовню Иверской Божией Матери и двух священников, которые входят в нее; в одном она по портрету узнает нашего батюшку, а другой - белокурый, высокий, и она обращается во сне к этому последнему и спрашивает его, указывая на другого священника: "Скажите мне, что - это отец Валентин?" Получив утвердительный ответ, она подходит к батюшке Валентину и просит у него благословения. Он троекратно благословляет ее, причем проводит по ней крестообразную черту; она тотчас же просыпается и даже чувствует прикосновение холодной благословляющей руки пастыря. И что же? Болезнь ее проходит, и она быстро поправляется.

Девушка Евгения страдала очень зубной болью. Ее знакомая посоветовала ей сходить на могилку батюшки, попросить у него исцеления. Она идет на могилку и прикладывает больную, воспаленную щеку к рыхлому снегу и с горячей мольбой призывает батюшку и говорит: "Не отойду, пока не

поможешь мне". Казалось бы, по закону физики при таком опасном прикосновении разгоряченной щеки к холодной поверхности могла бы произойти весьма печальная реакция, но по закону веры произошло чудесное исцеление: больная Евгения чувствует, что боль ее утихает, она уже возвращается домой радостной и счастливой.

Отец Валентин

У П. Т. Кузнецова в июле 1910 года оказались признаки холеры. Один из мастеров его, столяр А. И., отправился на могилку батюшки, взял листков с липы, растущей около его могилки, обварил их горячей водой и дал пить эту воду больному - больной сейчас же исцелился.

Одна духовная дочь батюшки видела его во сне в средних числах июля 1910 года; батюшка сказал: "Мне надо устраивать стол К-м". И что же оказалось? Девушке К-й в тех же числах июля пришлось познакомиться с одним видным молодым человеком, который 20 июля сделал ей предложение, прося ее руки; родители, видя подходящую партию для своей дочери, ничего не имели против этого брака, и быстро все было собрано и приготовлено к свадьбе, потому что сам благой пастырь взялся пышно устраивать свадьбу и свадебный стол.

В июле 1910 года с С. И. И. случился один неприятный финансовый казус. Владелец дома, в котором помещается его большой ламповый магазин, объявил ему, что набавляет за помещение тысячу рублей и требует заключения контракта на шесть лет. Это было сказано так строго и решительно, что сильно взволновало И., которому угрожала, за несогласие на это условие, неприятность подыскивания и переселения в другое помещение. Жена И., видя, что единственная надежда на великую помощь их ангела-хранителя батюшки, сейчас же едет на кладбище, приглашает священника и просит его отслужить панихиду, причем обращается к дорогому попечителю-пастырю и горячо молит его вступить своей благостной помощью и защитой.

Приезжает она домой и, к своему крайнему изумлению, узнает, что в ее отсутствие хозяин призывал ее мужа к себе и предложил ему набавку на помещение вместо тысячи рублей только сто рублей и заключение контракта на три года. Вот как быстро откликнулся неизменный драгоценный их попечитель-пастырь, вот как скоро мог он загасить тревогу и водворить мир и порядок, наделить счастьем и благополучием людей, с верою и любовью обращающихся к нему.

Татьяна Степановна в августе 1910 года сильно была больна: болели у нее голова и бок; ей посоветовали съездить к батюшке на могилку и попросить священника отслужить панихиду. Она послушала и съездила. И после того видит батюшку во сне, будто бы он служит в малой церковке, и во время молебна, при чтении Евангелия, он приложил сию священную книгу к ее больной голове и во все время чтения держал на ней; после этого она проснулась совсем здоровой и не ощущала никакой боли.

В Успенев день одна женщина рассказывала на могилке, как она чудесно исцелилась. Накануне Преображения заболела она рожей, все лицо ее распухло, и она с ужасом подумала, что она, вероятно, долго будет хворать, а потому может лишиться занимаемой должности. И вот в сердечной тревоге обратилась она к батюшке и просила исцелить ее. Она забылась и во сне услышала батюшкин голос - батюшка служил. После этого пробудилась она от сна и почувствовала, что ей гораздо стало

легче, опухоль быстро стала опадать, и в короткое время она стала совершенно здоровой.

20 августа 1910 года на могилку батюшки пришла одна женщина, которая рассказывала, что она целый год добивалась узнать, где схоронен батюшка, никак не могла дознаться, а ей очень хотелось побывать на могилке, так как на нее напала сильная тоска и она не знала, как избавиться от своего томительного состояния духа. И вот 19 августа при шествии крестного хода в Донской монастырь с ней разговорилась одна ее знакомая, которая сообщила ей, что она долго была в ужасном состоянии духа, но что ей посоветовали сходить на могилку батюшки Валентина; она сходила, и на могилке же его прошла тоска ее, и ей сделалось легко и радостно. Слушательница поспешила узнать, где схоронен батюшка Валентин, и на другой же день пошла отыскивать его могилку.

Вот сколько было замечательных случаев помощи и исцелений от батюшки после блаженной кончины, да разве возможно пересказать все то, что расточал и расточает повсюду дорогой наш хранитель-батюшка, великий молитвенник земли Русской! И в богатые красивые хоромы, и в жалкие сырые помещения - всюду неустанно проникает он и своей благостной небесной любовью и лаской спешит отереть слезы горя и страданья, спешит загасить тоску сиротства и горемычности. Как тепло и отратно живется всем под его охраной и любовью! Стоит только с верой и любовью обратиться к нему - и он сейчас же отзывается полнотой своей ласки и любвеобилия.

1 сентября 1910 года, на день памяти дорогого батюшки (1 сентября - день его рождения), храм Ваганьковского кладбища приготовился к великому торжеству. Преосвященный владыка Трифон пожелал отслужить заупокойную литургию по усопшем пастыре. Невозможно передать того благоговейного восторга, который ощущался присутствующими при совершении этой высокоумилительной торжественной службы. Совершена была заупокойная литургия соборно, при участии архимандрита Чудова монастыря Арсения, архимандрита Антиохийского подворья Антония, Афонского иеромонаха Аристоклия и многих других протоиереев и иеромонахов. Это было особенное общее ликование: великое благоговейное служение, чинное пение прекрасного хора певчих, блистание света множества возжженных свечей - все это приводило молящихся в трепетное молитвенное умиление.

По окончании литургии преосвященный владыка произнес высокопрочувствованное слово о духовных заслугах усопшего пастыря и любви к нему его духовных детей, и по совершении краткой панихиды в храме он в сопровождении всего духовенства с крестным ходом отправился на могилку батюшки для совершения на ней литии.

Как глубоко возрадовались и возликовали все духовные дети усопшего пастыря, видя такое прославление их дорогого батюшки, видя, с каким благоговением и любовью собрались представители высшего духовенства, чтобы почтить день его рождения, день его вступления на славное земное поприще.

Да! Все больше и больше стал светить миру наш дорогой неоцененный пастырь! Бог даст, скоро, скоро и ближние и дальние, и малые и большие, и знакомые и незнакомые будут познавать величие и духовную красоту его мощного благодатного духа и больше и больше будут питаться и наслаждаться от щедрот его. Теперь же мы, все духовные дети сего пастыря, возблагодарим Бога о ниспослании нам такого великого молитвенника-ходатая и из полноты глубокоумиленных, благодарных сердец воскликнем: "Кто Бог великий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творящий чудеса!"

24 апреля 1911 года день памяти батюшки (день ангела), как и все поминаемые дни, праздновался очень торжественно. Целый день было несметное множество народа; приходили духовные детки воздать поклонение своему неоцененному пастырю, которому они были всем обязаны: и счастьем, и радостями жизни, и духовным и материальным благоустройством. До позднего вечера толпился народ, будучи не в состоянии оторваться от родной могилки, которая покоила в себе тело великого молитвенника и дивного пастыря.

И вот поздно вечером приходит со службы на могилку одна барышня, тоже духовная дочь батюшки, сильно расстроенная и в большом горе. Поклонившись своему дорогому пастырю, она обращается к своей знакомой и рассказывает ей, что сестра ее, вдова, находится в крайне опасном душевном потрясении. Она почти ничего не ест, говорит о каких-то своих великих грехах, даже покушается лишиться себя жизни. Можно понять, что должна была переживать семья, состоящая из старушки-матери, сестры больной и ее сына, молодого человека, служащего на приличном месте. Больная постоянно высказывается, что она такая величайшая грешница, что ей не может быть и помилования от Господа, а потому она должна покончить с собой. Она избегает храма и молитвы, боится всего духовного, забирается в чулан и сидит там целые часы, к великому ужасу домашних, которые в постоянном страхе за нее не знают, что делать.

И вот измученная барышня (сестра больной) изливает на могилке все свое душевное страдание и горечь. Знакомая ее, которой она изложила свое горе, поручила ее находившейся здесь же на могилке матушке Елизавете Васильевне, которая, выслушав, в чем дело, решила помочь несчастным.

Дорогой пастырь и по смерти облегчил горе. (Елизавета Васильевна узнала, что больная живет около храма Козельщанской Божией Матери. Чудотворная икона была особенно чтима ею.) Елизавета Васильевна на другой же день отправилась к больной. Та встретила ее крайне сурово и не хотела говорить с ней. Такой прием нисколько не устрасил матушку. Ей уже несколько раз приходилось иметь дело с подобными больными. Она знала, что в таких случаях нужно возложить все упование на помощь Божию. Она постепенно стала уговаривать больную ходить в храм Божий, подготавливая ее к Святому таинству Приобщения, которое своей всеславной благодатью единственно может целить и исправлять подобную духовную немощь.

Принявшись за такое благое дело, матушка решила не отступать от него, а потому, несмотря на обидные увертывания больной, преспокойно сама заходила за ней и вела ее в храм. Больная в лицо ей говорила всевозможные оскорбительные замечания, не хотела собираться, почти выгоняла матушку, но Елизавета Васильевна не смущалась этим. Она понимала, что враг всецело овладел своей жертвой и не может легко расстаться с ней. Но с верующей и смиренной матушкой врагу трудно было бороться: все его нападки она смело отражала силою креста и именем Господним; посрамленный диавол должен был удалиться.

Итак, дело начато. Больная ходит в церковь, вот ее уже приводят на исповедь к весьма уважаемому пастырю, отцу А. (он служит в маленькой церкви в одном из переулков Пречистенки). Он исповедует ее, очищает от духовного омертвения и допускает к Святейшим Тайнам. Только того и надо было ревностной Елизавете Васильевне. Возрадовалась она, что омраченная диавольским вторжением душа наконец очистилась и освятилась.

Дальше дело пошло быстро и радостно. Несколько раз больная приобщалась Святых Таин; стала чувствовать себя лучше и лучше. Елизавета Васильевна повезла больную на могилку к батюшке и горячо благодарила своего дорогого попечителя, что он дал ей возможность несчастную, страждущую опять вернуть в лоно Церкви. Вскоре после того больная, раз сидя в комнате, вдруг ощутила такое спокойствие, такое тихое блаженное состояние, что вполне поняла, что с нее все снято и она совсем исцелилась от прежнего духовного недуга, который мог повергнуть ее в пропасть гибели и отчаяния. Теперь она совсем здорова, ходит в храм Божий, часто приобщается Святых Таин, ходит на могилку к дорогому пастырю и благодарит его за свое чудесное исцеление.

Марфа Евдокимовна после смерти батюшки все роптала, что ей нечем жить и что батюшка ее никуда не устроил. Вдруг во сне является ей батюшка, в митре, красивой ризе, затканной прекрасными цветами, и говорит ей:

- Что ты все ропщешь на меня, что я тебе ничего не оставил, а крест на моей могилке, разве я тебе не оставил его? Это мое наследство. На всем кладбище нет больше моего креста.

Но Марфа Евдокимовна возражает ему:

- Крест-то большой, да мне-то что?

Тогда батюшка подошел к ней, с великой любовью перекрестил ее и сказал:

- Что же может быть лучше креста? - как бы давая ей этим понять, что он оставил ей высшее сокровище, которое драгоценнее всего для человека, - это веру в Господа и любовь к Нему.

В другой раз видит она во сне батюшку, он подходит к ней и говорит:

- Марфа, я за тобой пришел, я давно уже слежу за тобой, вижу, что тебе пора домой идти.

И ее вдруг охватывает такое состояние, что она чувствует, что она кончается. Тогда, будучи еще сильно привязана к жизни, она боится расстаться с нею и говорит:

- Батюшка, погоди, дорогой!

Батюшка укоризненно говорит:

- Все по-твоему; как при жизни своей все по-твоему делал, так и теперь! Ну, хорошо, подожду.

Приду, когда ты захочешь.

Она в страхе и трепете проснулась, сильно была потрясена таким замечательным и ясным сновидением, которое показало ей, что ее дорогой хранитель-пастырь, более двадцати лет при своей жизни руководивший ею, и теперь охранно и зорко наблюдает за ней и спасительно ведет ее к вечности, любяще предупреждая, что пора уже оставить все земное, а что надо стремиться всеми своими мыслями, чувствами и желаниями к единому, вечному и прекрасному, блаженному свету Божества.

Елизавета Васильевна Воскресенская рассказывает, что она через год после смерти батюшки видела его во сне; он явился ей и сказал: "Матушка, возьмите к себе Анну, она находится при учительнице, при школе, у нее дочь". Потом остановился и произнес: "Юлия". И что же! Внук ее, Борис Викторович, вскоре сам нашел себе невесту, Анну; они счастливо обвенчались; у них родилась дочка, которую они и назвали Юлией; теперь все вместе живут с матушкой (Анна Николаевна, супруга Бориса Викторовича, действительно работала в девушках при школе Ламановой).

У дочери Анны Николаевны Львовой, Лизы, сильно заболела рука, сделалась рана; она пошла в Екатерининскую больницу, там осмотрели ее руку, перевязали и велели опять прийти на перевязку.

На другой раз доктор сказал, что болезнь очень серьезная, может произойти заражение крови, причем предстоит операция, так что надо лечь в клинику. Лиза испугалась и пошла за советом к одной знакомой, которая первым делом направила ее на могилку к бабушке, чтобы попросить у него помощи и исцеления. Они решились вместе на другой день поехать туда. Лиза приложила к больной руке земли с могилки бабушки. В то же время ощутилась острая боль и руку сильно жгло. Но после этого быстро почувствовалось облегчение. Когда же она опять пошла в больницу на назначенную ей перевязку, то доктор, осмотрев ее руку, с удивлением спросил ее, что она делала с рукой, ибо опасность миновала, так что не нужно и делать операции.

У старушки Александры Исаевны заболела поясница, боль была такая сильная, что она разогнуться не могла. Знакомый ее, Сергей Васильевич, навестил ее и сейчас же посоветовал ей съездить на могилку бабушки. Александрюшка согласилась, только не знала, как она доедет до кладбища. Действительно, при каждом толчке пролетки была такая острая боль, что невозможно было сидеть. Наконец, слава Богу, доехали и до кладбища. На могилке Александрюшка припала к земле и молила дорогого пастыря облегчить ее боль, так как ей трудно было дышать. И что же! Тут же почувствовалось облегчение, поехала домой, а боль совершенно уже утихла, так что явилась возможность на пути заехать к знакомым.

У жены аптекаря М. была сильная внутренняя болезнь. В три месяца она вся ослабела и извелась, все время лечилась, но никакие лекарства не помогли. Тогда она решилась съездить на могилку бабушки. Кое-как доехала на извозчике, насилу подошла к могилке. Она стала горячо молиться, просила бабушку облегчить ее болезнь и помочь ей, как он всегда помогал при своей жизни, взяла с могилки землицы, всыпала за ворот. И что же! Сейчас же почувствовала облегчение, так что могла уже бодро и радостно дойти до извозчика; по приезде домой болезнь ее совсем прошла.

Мария Викторовна очень сильно заболела в день святого Михаила Архангела; десять дней пролежала она в опасности, на одиннадцатый день видит во сне бабушку, будто бы он служит в соборе. По окончании обедни подзывает он ее к северным дверям и говорит: "Пойди-ка ко мне", потом дает ей в белом платке просфору; она просыпается, ей становится лучше, и она скоро выздоравливает.

В другой раз она заболевает глазами, является ей во сне бабушка и дает два свертка; она развертывает и видит в одном старинный образок святителя Николая Чудотворца, а в другом - Георгия Победоносца. Просыпается, ей становится легче, идет она на бабушкину могилку, просит отслужить панихиду, берет земли с могилки и прикладывает к глазам. Отец Иоанн, служивший ей панихиду, говорит ей, что по молитвам своего бабушки она исцелится. Действительно, глаза стали совершенно здоровы.

Соня Ушакова рассказывает, что три зимы трескались у нее пальцы. Наступила опять зима, она с горечью думала, как она будет работать больными пальцами. Пошла к бабушке на могилку и стала просить его помочь ей. И вот после того она видит во сне бабушку, он является ей и надевает ей на палец кольцо. Надо заметить, что такое точно кольцо лежало у нее, и она его не носила; оно было привезено ей из Киева одной знакомой. После сна она сейчас же надела это кольцо, и пальцы ее всю зиму не болели.

Одна духовная дочь бабушки, А. Н., рассказывает, что ее родственница осенью 1911 года получила сильный ревматизм и лежала недвижима, руки и ноги ее совсем опухли, она даже не могла сама напиться или взять платок. Три доктора ее лечили, удивляясь, где это она могла так сильно простудиться.

А. Н., душевно скорбя о ней, поехала на бабушкину могилку и просила дорогого утешителя помочь больной, потом взяла с могилки воску и веточку и прямо направилась к больной. Она начала ей рассказывать, сколько чудесного видела она от бабушки уже после его смерти в своей семье. Больная лежала недвижимо: казалось, она уже потеряла всякую надежду на чью-либо помощь. Однако же такие живые рассказы подействовали и на нее: маленькая тонкая искорка вспыхнула в ней слабым, боязливым огоньком, готовая при каждом мгновении быстро потухнуть. Но пастырь недаром прислал к ней свою преданную духовную дочь; он захотел и ее спасти, и ей воздать счастье и здоровье. И вот больная пожелала иметь что-нибудь с могилки бабушки. Тогда А. Н. положила кусочек воску (со свеч, которые часто возжигаются на могилке) в бутылку, налила ее водой и дала больной выпить этой воды. Больная пила эту воду пять дней, на пятый день руки и ноги у нее зашевелились; мало-помалу она стала владеть и руками, и ногами, потом несколько раз ездила на могилку бабушки; теперь чувствует себя совершенно здоровой.

Трехлетняя деточка, Леночка Князева, как-то неправильно наступила на ножку и почувствовала такую сильную боль, что не переставая кричала от боли. Что тут делать, девочка уже тяжелая, нести ее трудно, а надо во что бы то ни стало скорее отправиться на дорогую могилку. И вот, несмотря на холод и сильную вьюгу (это было 9 декабря), мама с великим трудом усаживает ее в коляску и тихо, осторожно везет на кладбище (они жили недалеко оттуда). Подъезжают к могилке, она сажает свою

деточку на могилку, а сама просит дорогого целителя обратить на них милостивый свой взор и помочь девочке. И вот она уже не кричит, боль есть, но уже не такая острая, она даже слегка может ступить на ножку.

Усаживает мама ее опять в коляску и везет обратно, причем сторож с удивлением посматривает, как это мать решилась в такую ужасную погоду везти по стуже ребенка. Однако же все получено; семья опять счастлива и спокойна. Привезла она Леночку домой; та сейчас же крепко заснула; проснулась и свободно уже могла ходить по комнате.

Поля Илларионова опасно заболела, она была в сильном жару, вся воспалилась и тяжело дышала. И вот при таком страдании она обращается к маме и говорит: "Мама, я чувствую, что я умру". Мама ее, вся измученная опасностью ее положения, начинает успокаивать ее, однако же она хорошо понимает, что воспаленное состояние быстро может пресечь жизнь дочери. И вот садится она около дочери, с беспокойством наблюдает за ней и в то же время горячо просит дорогого своего покровителя-пастыря спасти ее девочку. Вдруг видит она, что жар у больной как будто стал уменьшаться, дыхание сделалось правильнее, ровнее, вот и лоб из воспаленно-красного принял слегка красноватый оттенок. Не веря своим глазам, она подходит, щупает лоб, и - о чудо! - он сделался влажным. Девочка тихо, спокойно спала. Что же! Проснулась больная и порывисто заговорила: "Сейчас приходил ко мне батюшка Валентин и сказал: "Деточка! Зачем ты боишься, что будешь горькую чашу пить (она от кого-то слышала, что человеку перед смертью дают пить горькую чашу, и очень боялась этого); я своим даю не горькую чашу, а сладкую, не бойся, ты не умрешь, смотри, приходи ко мне на могилку (1 сентября - день рождения пастыря). Ешь то же, что и мамочка твоя кушает; у вас скоро введут языки, займись ими, я тебе помогу".

Девочка вскоре же встала и смогла поехать 1 сентября на батюшкину могилку. И в церковно-приходской школе Рождественского монастыря, где она училась, действительно стали преподавать французский и немецкий языки; она занялась ими и, несмотря на трудность, смогла усвоить их.

У Зиновки Илларионовой целый месяц был тяжелый сухой кашель, он сильно беспокоил ее и подтачивал ее здоровье. Поехала она на батюшкину могилку, по возвращении домой стала откашливаться, и кашель вскоре совсем прошел.

У Мани Илларионовой сильно заболела нога, совсем не могла она ходить; мама повезла ее на кладбище, с трамвая сели они на извозчика. Она едва добралась с извозчика до могилки; как только помолилась там, приложилась к кресту и к могилке, то почувствовала, что боль ее утихла и что она свободно может ступить, и бодро и спокойно дошла до трамвая.

У матушки Елизаветы Васильевны сделалась сильная боль под ложечкой, точно тело мучительно нарывало. С трудом собралась она на кладбище, помолилась на могилке, приложила листиков от дерева к больному месту, ей сделалось лучше. По возвращении домой боль совсем прекратилась.

Матрена Степановна рассказывала, что у одной женщины сильно болела грудь, она посоветовала ей съездить на могилку и приложить листиков и землицы к телу - боль прошла.

Николай Иванович Решетников страдал флюсом; он так сильно мучился, что не находил себе места. Пришел он к матери, она читала батюшкину книгу; он взял книгу, приложил батюшкин портрет к больной щеке, лег и заснул. Когда он проснулся, то боль совсем прошла; поехал на кладбище отслужить благодарственную панихиду по батюшке.

Валя Воробьев был опасно болен, у него была сильная горячка, несколько дней он метался в жару, и вот к нему явился дорогой батюшка и благословил его, и родные даже видели, как он радостно привстал на постели, сложил ладони, чтобы получить благословение, и проводил радостными глазами удаляющегося пастыря. После этого он совсем выздоровел.

Одна порченая кричала на могилке: "Никто меня не исцелит, только батюшка Валентин. Я бы всех разорвал, кто обращается к нему, только не могу, очень сильно он за них молится".

Одна женщина некоторое время находилась в летаргическом сне, причем ходила по мытарствам; очнувшись, она стала рассказывать всем, как ужасно это восхождение и как строго и жестоко обращаются мытари (злые духи) с душой. Так, на одном мытарстве она была задержана, но явился священник, что-то дал мытарям, и они ее пропустили (она знала батюшку Валентина только по слуху). Женщина спросила:

- Что же я не вижу отца Иоанна Кронштадтского и отца Валентина?

- Да разве они здесь? - отвечали ей. - Они святые.

Вдруг раскрылось небо, и она увидела в великом сиянии отца Иоанна Кронштадтского и батюшку Валентина.

Духовный сын батюшки Онуфрий долго был без места и сильно бедствовал. Пришел он на кладбище, стал горячо молить пастыря, чтобы он послал ему какое-нибудь дело, сел на лавочку и забылся. И вот видит, что подходит к нему батюшка в облачении и митре, подает ему две просфоры и говорит: "Одну возьми себе, а другую снеси прежнему своему хозяину в Хамовники". (Действительно, Онуфрий служил прежде на фабрике в Хамовниках.) Очнувшись, он оглядывается, видит, что просфор

нет, а между тем батюшка так ясно явился ему, точно не во сне. Он преклоняется перед могилкой и горячо благодарит пастыря за такое дивное явление.

***Крест с могилы отца Валентина, хранящийся
в московском храме Благовещения Пресвятой Богородицы
в Петровском парке***

На другой день он идет в храм, вынимает две просфоры, одну за батюшку, а другую за своего бывшего хозяина и отправляется в Хамовники. Пришедши туда, он расспрашивает дворника, кто управляющий, и, узнав, что прежний, просит его доложить ему, что пришел Онуфрий. Управляющий велит позвать его, но он не решается войти к нему, так как оказывается плохо одетым. Тогда сам управляющий вышел к нему и повел его к себе. Онуфрий рассказал ему о своем сне, подал просфору, просил сходить к хозяину и попросить за него.

Как только управляющий доложил хозяину, что пришел Онуфрий, хозяин с радостью воскликнул: "Пусть сейчас же придет ко мне, я давно ищущу его, не знаю, где найти". И Онуфрий тут же поступил на место. Так великий помощник батюшка быстро откликнулся на мольбу Онуфрия и устроил его.

Соня Ушакова рассказывает, что 6 ноября 1911 года, хотя она и причащалась, но очень было тяжело у нее на душе, потому что ей очень хотелось уладить одну сильно расстроенную семью и она не знала, как к этому приступить. От обедни она пошла к батюшке, встала около могилки, начала горячо молиться и так углубилась, что даже не замечала окружающих людей; с великой верой просила она пастыря, чтобы он облегчил ее тяжесть. И вот по молитвам пастыря явилась возможность помочь несчастной семье, которой угрожала неизбежная гибель и отчаяние.

Одна девица желала выйти замуж, но женихи были ей неподходящие; одного стали ей сватать, очень он ей понравился, но она боялась, что он не возьмет ее. Наслышалась она много про батюшку, и вот пришла она к нему на могилку помолиться и попросить благословения; дело все уладилось, она вышла замуж, муж оказался человеком хорошим и богатым.

Соня Ушакова рассказывает, что она однажды ушибла себе глаз, сделалась боль, она очень испугалась, пришла к батюшкиной могилке и стала молиться, потом маслом из лампы помазала глаз, и боль утихла.

А. С. Яковлева служила прежде в писчебумажном магазине на Арбате; батюшка при своей жизни сказал ей как-то: "У нас с тобой два магазина будет". Разговорилась она об этом с матушкой Елизаветой Васильевной, та ее стала убеждать, что раз пастырь говорил это, то ей надо устраивать это дело. Но средств мало! Как быть? Является ей на выручку ее двоюродная сестра, которая с готовностью желает помочь в этом важном деле.

**Панихида на Ваганьковском кладбище
в день памяти отца Валентина**

Когда все в магазине было устроено, то первым делом пригласили чудотворную икону Козельщанской Божьей Матери, под покровом которой А. С. прежде жила много лет. И когда окончился молебен, началась торговля. Через три дня пригласили еще святыню - чудотворный образ Иоанна Воина, как грозного разрушителя врагов. Мало-помалу магазин стал расти и украшаться картинами духовного содержания.

Один священник в годовую помин батюшки, 20 июля, приехал к нему с семьей на могилку и сам отслужил по нем панихиду. Видя такое искреннее почтение своей памяти, батюшка щедро наградил семью. Был у них сын, который окончил семинарию и перешел в академию, год проучился он весьма похвально. Когда была подана просьба о назначении ему стипендии, то вскоре же получили удовлетворительный ответ. И каково же было их изумление, когда назначили ему стипендию имени отца Валентина. (Семья батюшки распорядилась устроить стипендию на его имя в Духовной академии, так как он сам учился прежде там.)

Саше Кротовой приснился батюшка: она подходит к нему, он благословляет ее и спрашивает: "Ну, как ты теперь поживаешь?" Она отвечает, что, слава Богу, все хорошо, только вот в материальном отношении очень трудно. Тогда батюшка дает ей пятирублевый золотой, и когда она совестится принять его, то он решительно заставляет взять деньги. Это было в Прощеное воскресенье, а Великим постом она стала получать много заказов из булочных на бумажные цветы для куличей и пасок. Кроме того, она приготовила много цветов на Вербу (так называется гулянье с выставкой всевозможных изделий, игр и лакомств), так что к Святой неделе выручила всего около пятисот рублей. Вот что означал пятирублевый золотой батюшки.

Елизавета Васильевна рассказывала, что одна прислуга, Татьяна, заболела; хозяйева стали уговаривать ее есть скоромное по постным дням, но она от этого еще сильнее заболела и ослабела, чувствовала себя очень плохо; во сне явился ей батюшка и сказал: "Не ешь мяса по постным дням". Она исполнила его приказание и вскоре же поправилась.

Одна женщина овдовела и вторично хотела выйти замуж, батюшка явился ей во сне и не велел вторично выходить замуж.

Прислуга Воробьевых, Матрена, слышала, что господа ее читают в столовой проповеди батюшки, тоже пристроилась послушать их; вдруг видит она, как целый сноп огненных искр поднимается от книги, живописно развеиваясь по воздуху; ничего не понимая, начинает она приглядываться, протирает глаза, думая, что это обман зрения, но искры одна другой ярче, красивее как бы вдогонку стремятся друг за другом. Видя ее изумленный и устремленный на книгу взгляд, господа ее спрашивают, что с ней; в большом волнении рассказывает она им о своем видении. Через некоторое время это видение исчезает.

Этим великий пастырь хотел показать, что пламенные словеса его проповедей подобно огненным искрам проникают в сердце читающих или слушающих, попадая все их неправильности, ошибки и заблуждения.

Будем же до конца своей жизни озаряться этим снопом его огненных лучей, и он не оставит нас в вечности, так как он сам сказал, что "с ним никто не погибнет". Аминь.